

**РЕЛИГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И АЗЕРБАЙДЖАНА**

ТОМ IV

ХРИСТИАНСТВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**РЕЛИГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И АЗЕРБАЙДЖАНА**

ТОМ IV

ХРИСТИАНСТВО

Самарканд – 2018

Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том IV. Христианство. – Самарканд: МИЦАИ, 2018. – 296 с.

Руководитель проекта: Д.А. Воякин

Научные редакторы:

Б. Аманбаева, Ф. Асадов, К. Байпаков, Р. Назаров, Ш. Пидаев

Ответственный за выпуск: А. Искандерова

Авторский коллектив:

К.М. Байпаков, Г.А. Терновая (Казахстан)

В.А. Кольченко (Кыргызстан)

А.А. Грицина (Узбекистан)

М.Дж. Халилов, Н.А. Алышов (Азербайджан)

Книга издается в рамках международного проекта «Древние и средневековые религии Центральной Азии и Азербайджана в памятниках археологии», инициированного Международным Институтом Центральноазиатских исследований (МИЦАИ) в целях изучения духовной культуры народов, проживавших в данном регионе, популяризации сохранившихся письменных источников и археологических материалов.

Издание адресовано специалистам, студентам ВУЗов и широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым нашего края.

Авторы несут ответственность за выбор и представление фактов и мнений, содержащихся в этом издании и не выражающих идеи ЮНЕСКО. Обозначения и материалы, предоставленные в книге, не включают в себе мнения ЮНЕСКО относительно легального статуса какой либо страны, территории, города или зоны влияния, границ.

© МИЦАИ, 2018

ISBN 978-9943-357-38-9

Фото на обложке: Фрагмент фрески. Монастырь Кешикчидаг. Азербайджан

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Христианство в Южном Казахстане и Семиречье (VI-XIV вв.)	8
<i>К.М. Байпаков, Г.А. Терновая (Казахстан)</i>	
Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников	48
<i>В.А. Кольченко (Кыргызстан)</i>	
Трансоксиана-Мавераннахр: христианство и манихейство	104
<i>А.А. Грицина (Узбекистан)</i>	
Христианские памятники Албании (Азербайджан) IV-X веков	157
<i>М.Дж. Халилов (Азербайджан)</i>	
Христианство в Азербайджане. XI-XXI вв.	228
<i>Н.А. Алышов (Азербайджан)</i>	
Литература	273
Список принятых сокращений	295

КЫРГЫЗСТАН

Историография. Археологическое изучение средневекового христианства в Кыргызстане и Центральной Азии началось в 1885 года с открытия двух средневековых кладбищ – так называемых «при-Пишпекского» (у села Кара-Джигач на юго-восточной окраине современного города Бишкек) и «при-Токмакского» (Буранинского). И началось оно с того, что межевщик Семиреченского областного правления Степного генерал-губернаторства В.А. Андреев, «производивший около г. Пишпека земельный надел крестьянам села Аламедина и киргизам Аламединской волости», обнаружил несколько камней с изображением креста и надписями на непонятном ему и местному населению языке, о чем в рапорте от 17 июня 1885 года он сообщил своему начальству (при передаче камней), и далее по инстанциям эта информация попала в Императорскую Археологическую комиссию [Пантусов, 1887. Л. 62-63]. Осенью того же года врач Пишпекского военного госпиталя Ф.В. Поярков выявил второе кладбище – к югу от башни Бурана вблизи города Токмак, о чем поведал в ряде писем в научные организации и СМИ, в том числе выходящее в то время в Петербурге¹ «Восточное обозрение» [Поярков, 1885].

Археологическая комиссия, единственный государственный орган России, дававший разрешение на производство археологических исследований (и выделявший на это деньги!), поручила ведение полевых изысканий на обоих кладбищах Н.Н. Пантусову – востоковеду по образованию (один из первых учеников известного питерского ориенталиста В.В. Григорьева) и высокопоставленному чиновнику Семиреченской областной администрации по служебному положению [ОАК за 1885 г., 1891, с. XCV; Пантусов, 1887. С. 5]. Н.Н. Пантусов привлек к этому процессу А.М. Фетисова – местного краеведа по натуре и «ученого садовника Пишпекского казенного сада» по должности. Наибольший объем работ ими был выполнен на при-Пишпекском кладбище: в 1885 году было раскопано 35 погребений (документация не выявлена), а в 1886 г. – еще 85 [ОАК за 1886 г., 1891. С. CLXI]. На Буранинском кладбище в 1885 г. в процессе открытия Ф.В. Поярков раскопал (без разрешительных документов) четыре костяка [Ядринцев, 1886. С. 158-159], а в следующем 1886 г. А.М. Фетисов от имени Н.Н. Пантусова исследовал еще 34 погребения [Фетисов, 1888. Л. 102-120]. Текстовые отчеты по раскопкам, сопровождавшиеся графическими материалами, были предоставлены в Археологическую комиссию и в сокращенной форме по исследованиям на при-Пишпекском кладбище ею опубликованы [ОАК за 1886 г., 1891. С. CLIX-CLX].

Однако собственно археологический контекст начальной фазы изучения средневекового христианства был заслонен историко-филологическими штудиями надмогильных эпитафий с этих кладбищ. Сами выявленные камни первоначально преимущественно

¹ Газета «Восточное обозрение» была основана в 1882 году в Санкт-Петербурге Н.М. Ядринцевым. В 1888 году издание было переведено в Иркутск. Оно публиковало статьи по истории, географии, этнографии, экономике Сибири, сообщало о научных экспедициях и исследованиях ученых. Закрыта в 1906 году.

аккумулировались в г. Верный (совр. г. Алматы), как административном центре того времени – в 1886 г. было доставлено 150 надгробных камней [Пантусов, 1888. С. 4]. Но какая-то часть была оставлена на месте. Ряд подлинников эпитафий был отослан в другие города. Известно, что Московское археологическое общество получило от Ф.В. Пояркова первоначально пять камней [Слуцкий, 1889. С. 2], а затем было доставлено еще десять памятников [Слуцкий, 1891. С. 176]. Археологическая комиссия на начальной стадии исследования имела три камня и в течение 1886 года получила от В.Д. Городецкого еще три эпитафии [Хвольсон, 1887. С. 217, сноска 2]. В своем отчете в Археологическую комиссию по исследованиям 1886 г. Н.Н. Пантусов писал: «Многие из камней при-Пишпекского кладбища посланы в Комиссию подлинниками (преимущественно от вскрытия могил)» [Пантусов, 1888. С. 4]. Несколько позже С.С. Слуцкий напишет, что в распоряжении Д.А. Хвольсона было около 100 подлинных камней с надписями [Слуцкий 1889. С. 1]. Кроме того, публиковались сообщения об отправке камней с надписями в Ташкент, Казань, Владивосток.

Хронология публикаций данных в научных изданиях о христианских кладбищах и самих эпитафий с них следующая. Сначала Н. Ядринцев в «Записках Императорской Российской Академии наук» опубликовал письмо Ф.В. Пояркова об открытии Буранинского кладбища и свои соображения о его важности [Ядринцев, 1886]. В другом академическом издании, выходящем на европейских языках, Д.А. Хвольсон, ведущий специалист России того времени по семитским языкам, в том числе сирийскому, опубликовал на немецком языке первые 22 надписи, снабдив их необходимой сопутствующей информацией и выводом, что все они принадлежат несторианам [Chwolson, 1886]. Несколько позже в томе за 1886 год «Записок Восточного отделения Русского Археологического общества» перепечатали письмо Ф.В. Пояркова в «Восточное обозрение» о Буранинском кладбище с припиской о полученной ранее информации от Н.Н. Пантусова об открытии «при-Пишпекского» кладбища [Археологические..., 1887. С. 33-34]. В следующем выпуске того же тома² было опубликовано описание Н.Н. Пантусова кладбища у Пишпека [Пантусов, 1887] и изданы на русском языке переводы вначале 22, затем еще шести надгробных надписей, выполненные Д.А. Хвольсоном, и в последнем выпуске – добавления и исправления ранее опубликованного. Надписи при публикации были набраны типографским сирийским шрифтом с разбиением на строки и переводом на русский язык, а отдельные камни (6 шт.) изданы фотографически [Хвольсон, 1887а; Хвольсон, 1887б; Хвольсон, 1887в]. Об открытии христианских древностей в Семиречье докладывалось на Венском конгрессе востоковедов 1886 года, а на Российских археологических съездах в Ярославле (7-ом, 1887) и Москве (8-м, 1890) развернулась даже дискуссия на эту тему.

² «Записки Восточного отделения Русского археологического общества» выходили отдельными томами, каждый из которых состоял из четырех выпусков в мягком переплете. При этом нумерация страниц продолжала начатую в предыдущем выпуске. Такая система издания позволила в выпуске 1 тома 1886 г. поместить информацию о факте открытия христианских кладбищ в Чуйской долине, в выпуске 2 – опубликовать описание при-Пишпекского кладбища Н.Н. Пантусова и выполненные Д.А. Хвольсоном переводы первых 22 надписей, сопроводив информацией об их графике и языке (сирийский, сиротюркский и тюркский) и краткой исторической справкой о несторианстве и христианстве на востоке Азии, в выпуске 3 – дать переводы еще 6 вновь поступивших надписей, а в выпуске 4 – внести некоторые правки в предложенные ранее переводы.

В 1889 году С.С. Слуцкий опубликовал свои переводы 314 эпитафий, в том числе шести камней Московского археологического общества, фотографии которых также приведены в издании [Слуцкий, 1889. С. 28-38. Табл. I-II]. В следующем 1890 году Д.А. Хвольсон издал 230 надписей в *Memoires* Российской академии наук на немецком языке [Chwolson, 1890]. В следующей своей статье С.С. Слуцкий сообщил о присылке в Московское археологическое общество еще десяти камней с Припишпекского кладбища, которые он и перевел [Слуцкий, 1891].

В означенных публикациях и докладах были сделаны выводы, остающиеся актуальными до настоящего времени. В частности, было определено, что надписи выполнены сирийским алфавитом частично по-сирийски, частично по-тюркски, а значительная часть надписей имеет слова на двух языках. В работе с такими надписями в Петербурге Д.А. Хвольсон с благодарностью подчеркивает помощь В.В. Радлова [Radlow, 1890], а С.С. Слуцкий в Москве тесно сотрудничал с Ф.Е. Коршем [Корш, 1889]. Но ряд положений в трудах основных исследователей – Д.А. Хвольсона и С.С. Слуцкого – остался дискуссионным. Так, сверяя свои переводы с переводами Д.А. Хвольсона, С.С. Слуцкий из 155 проанализированных случаев говорит о разночтениях в 90: из них с 28 он полностью или частично соглашается с Д.А. Хвольсоном, а в остальных 62 – остается при своем мнении [Слуцкий, 1891. С. 190].

Следующие полевые исследования христианских древностей были предприняты в 1892 году. Они проводились Н.Н. Пантусовым и А.М. Фетисовым по Открытому листу от Археологической комиссии и заключались в выявлении, сборе, фотографировании и эстампировании надмогильных камней с двух средневековых кладбищ. На Припишпекском таким способом было зафиксировано 350 надписей; с камней без надписей изображений не делалось, «за исключением десятков двух изображений» для характеристики крестов. Так как часть камней, найденных ранее и оставленных на месте, была уничтожена, то все найденные в 1892 году камни были «свезены в Пишпек и помещены на хранение в архиве Токмакского уездного управления» [ОАК за 1892 год, 1894. С. 73-74]; об их дальнейшей судьбе ничего не известно. Важнейшей находкой года стало обнаружение надмогильного камня с армяно-сирийскими надписями, блестяще изданного и интерпретированного Н.Я. Марром [Март, 1894]. Позже, развивая свои идеи, Н.Я. Март выскажется о них более однозначно – в Семиречье были не только несториане, но и монофизиты или мелькиты [Март, 1906]. На Буранинском кладбище в 1892 году удалось обнаружить только пять камней, которые были доставлены в Верный, и с трех из них сделаны фотографии [ОАК за 1892 год, 1894. С. 74]. Вместе с разысканием камней на Припишпекском кладбище на городище (точнее – селище), у которого оно находится, были произведены небольшие раскопки, которыми были выявлены приваленный рухнувшими обгорелыми бревнами стоек-столбов каменный пресс маслодавильни (как интерпретируется в отчете), баня с системой подпольных продухов для теплого воздуха и угол из жженого кирпича еще какой-то постройки. Впрочем, даже в оригинале отчета информация об этом крайне лапидарна и не сопровождается визуальным подкреплением. При этих раскопках был найден грубый нательный крестик (рис. 1) [ОАК за 1892 год, 1894. С. 74-75; Пантусов, 1889. Л. 172].

Если надписи с первых надмогильных камней практически мгновенно становились предметом изучения, перевода и публикации, то обработка новых 350 изображений,

полученных в 1892 году, затянулась. Хвольсон включил 12 тюрко-сирийских надписей этой серии в издание 1895, а остальные – в издание 1897 года на немецком языке [Хвольсон, 1895; Chwolson, 1897].

Публикация первых материалов по христианству Средней Азии вызвала большой интерес у В.В. Бартольда, который тогда еще был лишь студентом Санкт-Петербургского университета. Интерес вылился в работу, удостоенную серебряной медали университета, а несколько позже с небольшими доработками опубликованную в ЗВОРАО [Бартольд, 1894] и ставшей классической, выдержавшей несколько изданий [Бартольд, 1964; Бартольд, 1996. С. 254-294]. По окончании университета и годичной стажировки молодой исследователь предпринял поездку в район, о котором он писал по письменным средневековым источникам³, и посетил Таласскую, Чуйскую и Илийскую долины, Иссык-Куль и Тянь-Шань, осматривая в них археологические памятники [Бартольд, 1996, 371-448]. Места христианских кладбищ он посещал в сопровождении Ф.В. Пояркова у Пишпека и В.П. Ровнягина у Токмака. В указанных работах В.В. Бартольда наиболее важным, в ракурсе нашего рассмотрения, представляются два аспекта: собрание воедино на русском языке всех выявленных на тот момент известий восточных авторов о средневековом христианстве в Средней Азии и показ насыщенности Чуйской долины и

Крест из серебра, найденный в 1892 году при раскопках на селище Кара-Джигач. Состоит из двух частей: крестовидной и стержня. Крестовидная часть имеет длину 10 см, ширина 4 см. Стержень имеет длину 10 см, диаметр 1 см. Крестовидная часть имеет на концах выемки, в которые вставлялся стержень. Крестовидная часть имеет на концах выемки, в которые вставлялся стержень. Крестовидная часть имеет на концах выемки, в которые вставлялся стержень.

Рис. 1. Крест, найденный в 1892 году при раскопках на селище Кара-Джигач (по: Пантусов, 1889)

Рис. 2. Комплекс серебряной посуды, найденной в 1923 году в селе Ново-Покровка (по: Городецкий, 1926)

³ Хотелось бы отметить одну деталь: организовывая эту поездку по археологическим памятникам, получив командирование от Академии наук и Санкт-Петербургского университета, разрешения на их исследование в Археологической комиссии испрошено не было. И другая любопытная деталь: В.В. Бартольд не стал обращаться к непосредственным исследователям христианских памятников Н.Н. Пантусову и А.М. Фетигову, а предпочел иных проводников.

других осмотренных исследователем регионов памятниками оседлого средневекового населения.

Следующей вехой в исследовании христианства региона стало открытие в 1902 году третьего кладбища у Алмалыка [Пантусов, 1902], надписи которого были переведены Коковцовым [Коковцов, 1906]. Впрочем, район его нахождения лежит вне пределов современного Кыргызстана, ввиду чего мы ограничимся лишь этим упоминанием.

Открытие Алмалыкского кладбища подогрело интерес к христианству в горных районах. И вот уже деятелями Туркестанского кружка любителей археологии большой бронзовый котел, случайно найденный в Сусамырской волости, объявляется христианской купелью [Находка, 1901. С. 86], а в Таш-Рабате усматривают христианский монастырь, опираясь при этом на собранные среди местного населения легенды [Каллаур, 1898. С. 120-121; Пантусов, 1902. С. 20-23; Абрамов, 1901].

В 1908 году в ЗВОРАО было пересказано сообщение Н.Н. Пантусова об обнаружении четвертого христианского кладбища – теперь на Исык-Куле у села Покровское на реке Заука/Джуука [ЗВОРАО, 1908. С. XV]. Заслуга находки нового кладбища принадлежит, по всей видимости, сельскому священнику Дмитрию Рождественскому [Коковцов, 1909. С. 777]. В следующем 1909 году письмо Н.Н. Пантусова об обстоятельствах обнаружения нового кладбища было опубликовано в Ташкенте [Пантусов, 1909]. По данным, приведенным им, было найдено четыре христианских эпитафии, один мусульманский кайрак и еще один камень с китайской надписью. Но до публикации дошел только один христианский камень с сиро-тюркской надписью, который по фотографии издал П.К. Коковцов (вместе с достаточно большой случайно найденной эпитафией с Буранинского кладбища) [Коковцов, 1909]. Судьба трех других кайраков осталась неизвестной.

В последующие 27 лет, словно вняв словам П.К. Коковцова [Коковцов, 1909. С. 776]⁴, в печати ничего нового о средневековом христианстве на территории современного Кыргызстана не появлялось. Были, конечно, отдельные возвраты к исследованному ранее, как, например, в сводке И.А. Кастанье [Кастанье, 1910. С. 261-300] или небольшая информация о кладбищах в трудах энциклопедического характера [Масальский, 1913. С. 319]. Но не более!

В 1926 году алматинский исследователь В.Д. Городецкий опубликовал набор серебряной посуды (фото 6; рис. 2). Его в 1923 году случайно нашли местные жители, «набирая для домашней надобности глину в кургане, расположенном на площади села Покровского» [Городецкий, 1926]. Набор состоял из неорнаментированного блюда, кружки с художественно оформленной ручкой с антропоморфным изображением на пятке (на рисунке В.Д. Городецкого он не показан, но описан в тексте) и кувшина. На дне кувшина были набиты штампом-чеканом пять равноконечных, несколько несимметричных крестов,

⁴ «Нельзя при этом случае не выразить пожелания, чтобы будущие разыскания в районе древнехристианских кладбищ Семиречья были вообще направлены не столько к нахождению возможно большего числа надгробных камней с надписями в четырех уже известных пунктах (у Пишпека, Токмака, развалин Алмалыка и у с. Покровского) – что, в виду достаточной выясненности в настоящее время вопроса о языке, содержании и древности семиреченских христианских надписей, могло бы разве только увеличить в количественном отношении наличный эпиграфический материал, но существенно не изменило бы составившейся из прежних данных картины – сколько к обнаружению новых мест с христианско-сирийскими надписями».

что позволяет отнести весь набор к кругу христианских древностей или, во всяком случае, свидетельствует о знакомстве мастеров с христианами и их символикой.

Впрочем, в раннесоветские годы тематика религиозных древностей была неактуальной. Вероятно, с этим можно связать и весьма незначительный резонанс при обнаружении на городище Красная Речка в 1938 году обломка жженого кирпича с изображением креста и краткой надписью на сиро-тюркском языке [Бернштам, 1941. С. 107. Табл. 17] (рис. 3). Эта находка не была даже включена А.Н. Бернштамом в том трудов экспедиции под его началом, а лишь упомянута в примечании как иллюстрация к тезису о полиэтничности погребенных на караханидском некрополе Красной Речки [Чуйская долина, 1950. С. 20, прим. 2]. Но при публикации со ссылкой на перевод А.Я. Борисова он передал общее содержание надписи [Бернштам, 1941. С. 107]. Сам А.Я. Борисов опубликовал перевод надписи на кирпиче с крестом с некоторыми комментариями лишь в 1963 году [Борисов, 1963], уже, вероятно, в некоторой связи с новыми открытиями христианских древностей.

А они произошли в 1954 году на городище Ак-Бешим. В рамках Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР Ак-Бешимский отряд под руководством московского археолога Л.Р. Кызласова проводил интенсивные раскопки на городище. Если в первый год (1953) работы велись на Объекте I – буддийском храме, то во второй, помимо завершения исследований Объекта I, под руководством Л.Р. Кызласова раскопки проводились еще в трех местах⁵, обозначенных в первичной публикации как «Погребальный комплекс» (Объект III), «Христианская церковь и кладбище» (Объект IV) и «Замок» (Объект V)⁶ [Кызласов, 1959. С. 231-233].

На Объекте IV, вскрытом частично двумя двухметровыми траншеями в середине и сплошными раскопами на краях, было обнаружено разрушенное монументальное здание

Рис. 3. Изображение креста и сирийская надпись «Георгий кузнец» на фрагменте жженого кирпича. Случайная находка 1939 года на шахристане городища Красная Речка в районе раннемусульманских погребений (по: Бернштам, 1941)

⁵ На Объекте II – стратиграфическом раскопе на шахристане – исследования проводил кыргызстанский археолог П.Н. Кожемяко, руководивший самостоятельной группой в рамках экспедиции.

⁶ При переиздании в 2006 г. названия объектов были частично изменены. Стало: Объект III – «Манихейский погребальный комплекс» и Объект V – Руины «башни молчания» VI-VII вв.» [Кызласов, 2006. С. 314, 322, 330].

Рис. 4. Артефакты с изображением креста из раскопок 1954 года на городище Ак-Бешим: 1 – сосуд с Объекта III (Манихейский погребальный комплекс); 2 – один из жжёных кирпичей с Объекта V (Замок/«Башня молчания») (по: Кызласов, 1959)

и выявлена его планировка. Внутри здания и с восточной стороны от него были обнаружены разнотипные погребения, преимущественно с западной ориентацией костяков. На одном из погребенных был найден нательный крест. Планировка здания, ориентация погребенных и нательный крест позволили интерпретировать объект именно как христианскую церковь. В первичной публикации краткие описания сопровождаются планом [Кызласов, 1959. С. 232]. При переиздании работы текст был расширен отдельными ремарками и дополнен иллюстративно – добавлены освобожденный от погребений план, два разреза с прорисовками стен, два рисунка кирпичных закладов входа в погребения, рисунки трех керамических изделий и четыре фотографии керамической кружки с налёпом в виде лицевого изображения мужчины [Кызласов, 2006. С. 322-329]. Автор раскопок датировал объект VIII веком.

На двух других объектах были найдены артефакты, несущие на себе изображение креста. Причем крест в обоих случаях равноконечный, с расширяющимися концами. На Объекте III его изображение дано на керамическом сосуде, а на Объекте V – на цилиндрических кирпичях [Кызласов, 2006. Рис. 105.II, 115.I] (рис. 4). Однако совокупность других артефактов не позволила исследователю видеть в этих объектах христианские древности.

В 1966 году в районе средневекового христианского кладбища у села Покровка на Иссык-Куле житель села Саруу нашел новую гальку с сирийскими письменами. Ее публикация была осуществлена Ч.Д. Джумагуловым [Джумагулов, 1982. С. 40-43. Таб. XVIII]. Вероятно, эта находка стала одним из мотиваторов для исследователей и энтузиастов Кыргызстана к интенсификации сбора и публикации древностей, в том числе связанных с христианством. Тот же Ч.Д. Джумагулов подготовил и издал три выпуска «Эпиграфики Киргизии», в каждом из которых нашлось место христианским древностям, и специальное исследование о языке христианских надписей региона [Джумагулов, 1971]. В первом выпуске «Эпиграфики Киргизии» было помещено 7 ранее опубликованных эпитафий [Джумагулов, 1963. С. 45-58]. Во втором выпуске, кроме уже упомянутой надписи с Иссык-Куля, даны две сирийские надписи (одна из школьной коллекции Н.Д. Черкасова) и приведена фотография камня с крестом и имитацией короткой надписи из школьной коллекции С.С. Ревы (село Ново-Покровка на восточной окраине современного Бишкека) [Джумагулов, 1982. С. 39-45. Таб. XVIII-X; Джумагулов, 1983]. По данным описи находок музея, которую мы листали в начале 2000-х годов, этот камень был найден в районе городища Новопокровское-5. В третьем выпуске «Эпиграфики Киргизии» были опубликованы: коллекция 24 эпитафий, собранная школьным учителем Ю.Н. Голендухиным в окрестностях села Кара-Джигач [Джумагулов, 1987. С. 42-54. Таб. I-XI]; надгробие, хранившееся в тот момент в школе соседнего с Кара-Джигачем села Кок-Джар [Джумагулов, 1987. С. 56. Таб. XIII] (т.е. 25 новых памятников с Припишпекского кладбища); два камня с Буранинского кладбища [Джумагулов, 1987. С. 54-56. Таб. XII-XIII]; новые фотографии ранее опубликованных 24 камней из собраний Эрмитажа и Исторического музея Казахстана [Джумагулов, 1987. С. 56. Таб. XIV, 1-24]. Исследователем был выработан определенный стандарт публикации: давалась фотография памятника, его прорисовка, набранный типографским способом текст надписей, их транслитерация кириллицей и перевод, краткая информация о месте обнаружения памятника и его обстоятельствах, размере и цвете камней, а также месте хранения на момент публикации.

В середине 70-х годов XX века, кажется, получила завершение одна дискуссия, начавшаяся еще в конце XIX века – о месте изготовления и датировке Григорьевского и Аниковского серебряных блюдец-дисков с христианскими сюжетами. Прекрасным анализом В.П. Даркевич и Б.Я. Маршак убедительно показали правильность взгляда В.В. Стасова о том, что они изготовлены в Семиречье в IX-X веках [Даркевич, Маршак, 1974; Стасов, 1905].

Важные данные по христианству были достаточно неожиданно получены при раскопках кроющего слоя цитадели городища Красная Речка в начале 80-х годов прошлого века: в основании стен самого верхнего здания, датированного исследователями XI-XII веками, было найдено два кайрака с сирийскими надписями, визуально очень похожими на публиковавшиеся ранее надгробия. Руководитель исследований, кыргызстанский археолог В.Д. Горячева, ссылаясь на чтение А.В. Пайковой, датирует их 789 и 909 годами [Горячева, Перегудова, 1994. С. 91; Горячева, 1988. С. 62-65]. Публикации этого материала самим специалистом-сирологом не состоялось: как пишет В.Д. Горячева, А.В. Пайковой не успел отправить статью ввиду смерти в 1984 году [Горячева, 1988. С. 65]. При таком чтении получается, что два найденных камня – древнейшие надгробные памятники региона. Это утверждение вызвало вопросы и сомнения у специалистов.

В те же 80-е годы состоялась публикация фотографии первого средневекового нательного крестика с территории Кыргызстана [История ..., 1984]⁷. При публикации крестик без какой-либо аргументации был датирован VIII веком. Он был найден на погребенной в некрополе городища Красная Речка женщине [Горячева, 1988. С. 67]. В той же работе 1988 года сообщается о находке крестика в 1972 году последней экспедицией под руководством П.Н. Кожемяко, который в виду своей преждевременной кончины не успел не только опубликовать его, но даже отразить в отчете, и приводится его рисунок [Горячева, 1988. С. 67. Рис. 20].

Несколько позже, в конце 80-х годов, часть еще одной категории археологических артефактов благодаря работе лингвистов-иранистов стала отчасти связываться со средневековым христианством. Мы имеем в виду большие керамические сосуды-бочки, называемые в Азии хумами. На венчиках некоторых из них имеются согдийские надписи (воспринимавшиеся иногда ранее уйгурскими). В одной, нанесенной на хум X-XI веков (по палеографии почерка) с городища Красная Речка, была запечатлена следующая фраза: «Этот хум для учителя Йрук-тегина. Мастер Пастун. Пусть будет он наполненный. Аминь. Аминь!». Именно слово «учитель» (*malp'ânâ*) и специфически христианское удвоенное «аминь» стали основой утверждения о его христианском происхождении [Лившиц, 1987. С. 82].

В 1994 году в Ташкенте вышел небольшой, но весьма интересный сборник статей по древнему и средневековому христианству Средней Азии. Статья по Кыргызстану для него была написана В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой. В этой статье дан краткий обзор всего христианского наследия страны, накопленного к 90-м годам прошлого века [Горячева, Перегудова, 1994]. В этом плане статья стала этапной, подводящей итог исследованиям советской эпохи в данном вопросе.

На излете тысячелетия – в 1997-1998 годах – был обнаружен и частично раскопан крупнейший средневековый христианский объект Средней Азии – комплекс христианских церквей на городище Ак-Бешим⁸. Он исследовался совместной кыргызстанско-российской экспедицией Института истории⁹ НАН КР и Государственного Эрмитажа под руководством Л.М. Ведутовой и Г.Л. Семенова соответственно. Результаты были обнародованы в серии статей и отчетном сборнике по итогам прерванных раскопок [Семенов, 1999; Семенов, 2002]. После этого кыргызстанская сторона два года – 2000-2001 годы – проводила исследования самостоятельно, но результаты остаются неопубликованными до сих пор, за исключением плана, включенного в монографию не принимавшей участия в исследованиях В.Д. Горячевой [Горячева, 2010. Рис. 69] и довольно странной интерпретации объекта Л.М. Ведутовой [Ведутова, 2015. С. 131]. На основании находок на полах объект был датирован X-XI веками, а продолжительность всего периода существования оценена в 100 лет [Семенов, 2002. С. 95].

Необходимо сказать еще об одной категории средневековых христианских артефактов, формирование основного массива которой происходит в последнее время – нательных

⁷ Цветная вклейка 2 между стр. 320-321.

⁸ Характеристику этого объекта, как и церкви, раскопанной Л.Р. Кызласовым в 1954 г., мы рассмотрим ниже.

⁹ С 2003 г. – Институт истории и культурного наследия.

крестиках. Подавляющее большинство из них найдено «случайно» любителями древностей с помощью металлодетекторов, ставшими практически общедоступными с развитием технологий. Часть из этих крестиков попадает в различные музеи (КРСУ, Бурана, Епархиальный), а другая часть оседает в частных собраниях. Они достаточно активно публикуются в виде альбомов и таблиц, предпринимаются попытки их типологизации [Klein, Reck, 2004; Терновая, 2004; Ротт, 2005; Историко-археологический..., 2013. С. 87; Байпаков, Терновая, Горячева, 2007. С. 201-205. Рис. 308. Илл. 89]. Но процесс выработки консолидированного мнения научного сообщества еще только набирает обороты.

В заключении историографической части заметим, что интерес к христианским древностям Востока у западных исследователей был всегда. Сохраняется он и в настоящее время. Прежде всего, это касается надгробных надписей. Исследователи из Европы и Америки обращаются к оригиналам, вновь их переводят, иногда внося существенные корректировки, как в случае с датировкой камней с Красной Речки [Klein, 2000; Dickens, 2016].

Тема средневекового христианства в Кыргызстане и Средней Азии становилась уже предметом и нашего рассмотрения [Кольченко, 2002; Кольченко, 2003; Kolchenko, 2004]. В настоящей работе мы развиваем выдвинутые ранее положения, внося в ряде случаев в них некоторые корректировки, акцентируя внимание на незаслуженно забытых фактических данных и критически рассматривая выводы предшественников.

Как мы стремились показать в историографическом обзоре, на территории Кыргызстана известно несколько категорий археологических памятников, определяемых как христианские: 1) строения; 2) кладбища с надгробными камнями и отдельные захоронения; 3) отдельные предметы с соответствующей символикой.

Строения

К строениям относятся два объекта, раскопанных на городище Ак-Бешиш: церковь с некрополем в шахристане-2 [Кызласов, 1959. С. 231-233; Кызласов, 2006. С. 322-329] и «комплекс христианских церквей» в юго-восточном углу шахристана-1 [Семенов, 2002. С. 44-114], а также обозначенные на плане Н.Н. Пантусова две «часовни» / «усыпальницы» на селище Кара-Джигач с Припишпекским кладбищем.

Христианская церковь городища Ак-Бешиш, раскопанная Л.Р. Кызласовым в 1954 году, располагалась в пределах шахристана-2 (рабада/киданьского квартала) городища Ак-Бешиш, в 165 м к востоку от стены шахристана-1 и примерно в 60 м от северной стены шахристана-2.

Данных о том, что собой представлял объект до раскопок, в публикации (и машинописном отчете) не приводится. План городища 1938 года, опубликованный А.Н. Бернштамом [Бернштам, 1941. Рис. XXIX; Чуйская долина, 1950. Таб. XVIII], и затем с минимальными изменениями воспроизведенный Л.Р. Кызласовым [Кызласов, 1959. Рис. 3], в районе расположения церкви не показывает никаких всхолмлений. На самом раннем выявленном нами аэроснимке 1966 года еще хорошо видны все исследованные объекты – как раскопанные Л.Р. Кызласовым в 1953-1954, так и А.Н. Бернштамом в 1938-1939 годах. Но на нем нет значительных рельефных складок в интересующем нас районе – лишь небольшой, около 15 м в диаметре, пологий холмик в 20 м к юго-востоку от раскопанной церкви (рис. 5). При этом необходимо учитывать отвалы, хорошо видные на аэроснимке вокруг раскопа, которые маскируют собой остатки первоначального рельефа раскопанного объекта.

Рис. 5. Часть аэроснимка 1966 года района христианской церкви городища Ак-Бешиш.

Церковь, как мы отмечали в историографической части, была вскрыта частично четырьмя участками (рис. 6). Объект был широтно ориентирован. В описании указывается, что его внешние размеры 36x15 м. Большую площадь объекта занимает обширный двор (27x12 м по внутренним промерам), расположенный в западной части. С востока по центральной оси к нему примыкает алтарное помещение, соединенное с двором проходом. К югу от алтарного помещения расположено еще одно помещение, имеющее самостоятельный выход наружу в западной части вдоль стены двора.

Аэроснимок 1966 года позволяет предполагать, что по внешнему периметру объект был полностью раскопан. При этом на снимке с севера и юга вдоль стен видны узкие траншеи примерно по 1 м. С западной стороны траншея просматривается примерно на три метра от фаса западной стены, а с востока – примерно на пять. Это означает, что западный раскоп объекта был шириной 7,5 м, а восточный – 15 м. Две внутренние траншеи, практически заплывшие на аэроснимке 1966 года, по промерам с чертежа [Кызласов, 1959. Рис. 56] были шириной по 2,5 м. Нетронутыми во дворе остались участки (с запада на восток) в 5, 8 и 3 м шириной.

Стены двора были сложены из пахсовых блоков. Толщина стен, исходя и приведенных размеров и замерам с плана – 1,5 м. В восточной части они сохранились на высоту до 1,5 м (по замерам с разреза).

Во дворе – в раскопах западном и внутреннем восточном – никаких конструкций, судя по отсутствию информации о них в текстовой и графической частях, обнаружено не было.

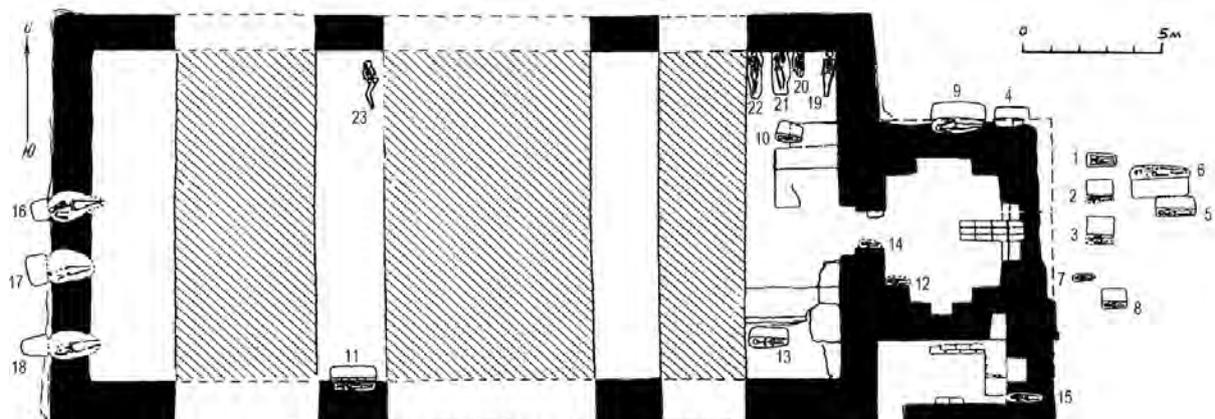

Рис. 6. План церкви с кладбищем, раскопанной в 1954 году Л.Р. Кызласовым
(по: Кызласов, 1959)

Во внутреннем западном раскопе было найдено два погребения¹⁰. В дворовой части восточного раскопа были выявлены и графически зафиксированы какие-то конструкции и шесть погребений. Исходя из этого, мы считаем предположение автора о навесах вдоль стен [Кызласов, 1959. С. 231] не имеющим какой бы то ни было реальной аргументации и чисто умозрительным. Против этого предположения, по нашему мнению, говорит и расположение погребения 11 у южной стены – едва ли его могли поместить под навесом.

В середине восточной стены двора располагался проход шириной 1,4 м, помещенный в нишу шириной по замерам с плана – 2 м и глубиной – 0,5 м.

В тексте никак даже не упоминаются конструкции у восточной стены двора, отраженные на плане (рис. 6). С севера от прохода показаны два примыкающие друг к другу элемента, отходящие от стены двора и тянущиеся на 1,7 и 2 м. От западного конца большей конструкции показан примыкающий к нему с юга элемент длиной 1,2 м, т.е. его южный край находился на одном уровне с северной щекой прохода.

К югу от прохода непосредственно вдоль всей стены двора до самого угла показаны три массива с рваным западным краем. В районе линии сопряжения двух северных из них передан некий элемент, идущий от восточной стены двора на запад за пределы восточного раскопа объекта.

Исходя из толщины всех показанных конструкций – от 0,9 до 1,2 м по замерам с чертежа – они должны быть стенами. Но, судя по нечеткости и местами прерывистости контуров, можно предполагать их небольшую высоту. В интерпретационном плане мы предполагаем, что это могут быть гребни сохранности стен нижележащего строительного горизонта, никак не выделенного и не исследованного.

Внешние выходы из двора не указаны ни на плане, ни в описательной части. Логично предполагать, что они остались в нераскопанных участках боковых стен. Исходя из этого предположения, С.Я. Перегудова на своей графической реконструкции показала по три прохода в северной и южной стенах [Горячева, Перегудова, 1994. Рис. 18]. Опираясь же на аэроснимок 1966 года, мы считаем, что в южной стене проходов не было вовсе, а в

¹⁰ О погребениях этого объекта будет сказано подробнее ниже, в разделе о кладбищах средневековых христиан Кыргызстана.

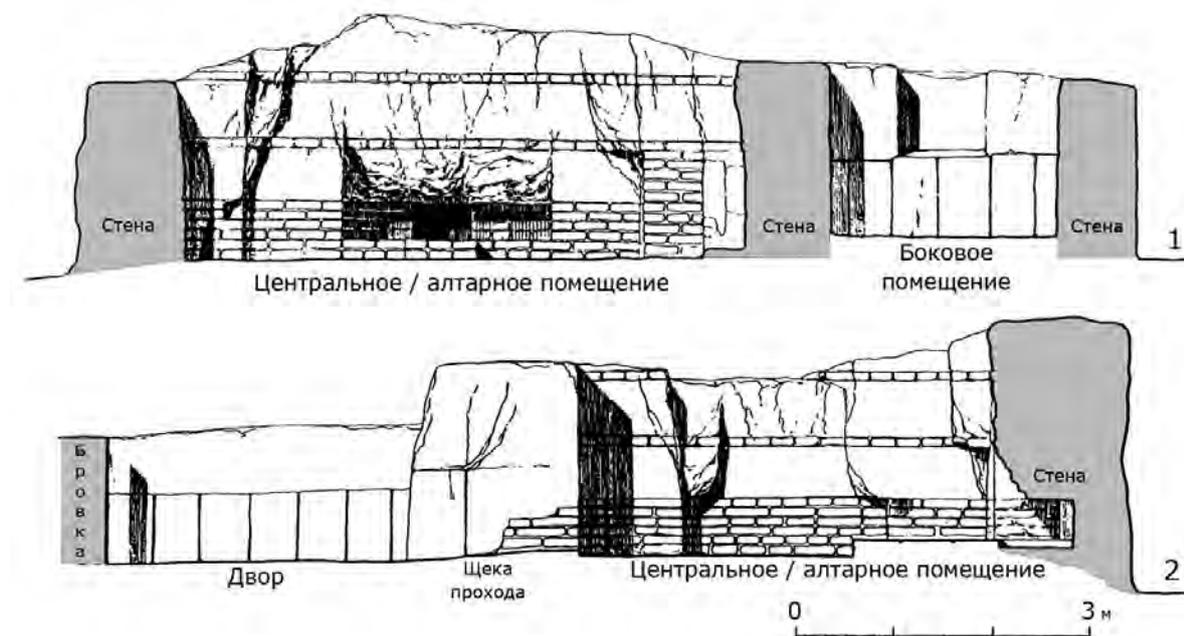

Рис. 7. Архитектурные разрезы восточной части раскопа 1954 года церкви на городище Ак-Бешим: 1 – поперечный через центральное и боковое помещения; 2- продольный через алтарное помещение и часть двора до бровки (по: Кызласов, 2006)

северной был лишь один, расположенный в середине стены двора в том месте, где на снимке стену строения пересекает тонкая извилистая светлая линия тропы.

«Центральное» (алтарное) помещение расположено восточнее двора на продольной оси строения. В плане оно имеет т.н. форму открытого креста, что подразумевает идущие от пола ниши в середине каждой из стен, в одной из которых – проход. Л.Р. Кызласов сообщает, что размеры помещения – 5,3х4,8 м.

В текстовом описании сказано, что стены сложены из пахсовых блоков, размеры которых не приведены. Толщина всех четырех стен по замерам с плана – 2 м. Высота сохранности – до 2,5 м от уровня полов (по замеру с разреза) и на 3 м при замере с внешней стороны. На включенных в переиздание прорисовках стен этого помещения на разрезах показаны три ряда блоков, разделенных строчками сырцового кирпича, а в нижней части помещения показана кирпичная кладка в шесть рядов кирпичей, что составляет около 0,6 м. Более того, массив в юго-восточном углу показан кирпичным до линии нижней строчки кирпича на высоте 1,1 м от пола [Кызласов, 2006. Рис. 109] (рис. 7).

Л.Р. Кызласов предполагает, что помещение было перекрыто «ложным сводом из перемеживающихся слоев пахсы и сырцового кирпича» [Кызласов, 1959. С. 232]. На разрезах почти в каждом углу, начиная от верха кирпичной кладки, показаны идущие наклонно массивы. Причем они показаны неодинаковыми в разных углах, с различными наклонами, но перебиваемыми теми же горизонтальными строчками кирпича. В тоже время отдельные участки стен показаны вертикальными на всю высоту. Вероятно, указанные выступы нужно воспринимать как некие трюмы подкупольных конструкций.

На опубликованном плане все три ниши показаны шириной чуть больше двух метров и глубиной в 0,7-0,8 м (по замерам с плана). Кроме того, в южной нише показана еще одна ниша примерно такой же глубины и шириной 0,7-0,8 м, т.е. основная ниша разделена на три примерно равные части. В противоположной нише на разрезе в углах показаны описанные выше «tromпы», начинающиеся с уровня несколько ниже первой кирпичной строчки. Tromпы выходят из углов под наклоном примерно в 45°, и вскоре, через 0,4-0,5 м, но еще ниже второй кирпичной строчки, переходят в вертикаль [Кызласов, 2006. Рис. 109, 2]. На этом же рисунке на северной щеке прохода кирпичная кладка показана как бы разрушенной с западной стороны и включенной позже в паховую стену.

Но самое примечательное на разрезах относится к восточной нише. Оказывается, что она очень низкая: буквально по уровню верха кирпичной кладки (~0,6 м от уровня полов) показано горизонтальное перекрытие длиной 0,5 м в глубине; с внешней стороны ниши показана наклонная (примерно в 45°) рваная линия, переходящая на уровне первой кирпичной строчки в вертикаль, единую со стеной, обрамляющей нишу [Кызласов, 2006, рис. 109, 2]. Таким образом, становятся понятны линии в этой нише на плане.

Из этой восточной ниши на плане показана выходящая эстрада (алтарь или амвон – ?), сложенная из кирпича. Ее размеры (замер от восточной стены) – 2,2x0,8 м. Разрез помогает определить высоту – два слоя кирпича, т.е. 0,2 м. Причем в нише ее высота ниже на один слой кирпича. Значит, эта эстрада сложена из кирпича размером 55x26-27x8-9 см.

В текстовой части есть указание на отделку стен: «осыпавшиеся мелкие кусочки алебастровой штукатурки хранили следы ярких красок от фресок» [Кызласов, 1959. С. 232]. Исходя из накопленного опыта, едва ли правильно понимать в приведенной цитате слово «фреска» как указание на технику; вероятно, имеется в виду лишь факт росписи поверхностей. Да и мало вероятной представляется «алебастровая штукатурка». Мы полагаем, что так обозначена алебастровая грунтовка глиняной штукатурки стен. Если же понимать буквально, то нужно заметить, что в Чуйской долине алебастровая отделка стен известна только для караханидского времени – в жилом доме №2 на Красной Речке [Кожемяко, 1967. С. 73] и декоре четвертого мавзолея на городище Бурана [Горячева, 2010. С. 237-239. Рис. 148].

Заканчивая развернутое описание «центрального» помещения, остается сказать, что на разрезе уровень пола помещения показан с переходом ступенькой несколько ниже (примерно 5-8 см), чем в проходе, но на одном уровне с показанной линией пола во дворе. На плане мы видим два отмеченных погребения – одно непосредственно у южной щеки прохода, а второе – в юго-западном углу перед нишей.

За южной стеной «центрального» помещения расположено еще одно – «боковое». Его внешние восточная и южная стены лежат на одной линии с соответствующими стенами выше описанных помещений, придавая строению «правильный» прямоугольный контур в этой части. Оно имело единственный выход на юг, скользящий вдоль стены двора. Внутренние размеры помещения – 4,5x2,25 м [Кызласов, 1959. С. 232].

Судя по разрезу [Кызласов, 2006. Рис. 109, 1], восточная стена была из паховых блоков, сохранившихся на два ряда на высоту на 1,8 м. Ряды блоков не разделены строчкой кирпичей, а линии разделения блоков не совпадают с линиями блоков и кирпичей на восточной стене «центрального» помещения. Это значит, что восточные стены двух

смежных помещений, несмотря на единство линий фасадов, не были единым – одна пристроена к другой (рис. 7, 1).

В этой восточной стене на плане показана ниша шириной 0,8 м и глубиной в 0,6-0,7 м. Рисунок разреза позволяет понять, что она сделана путем выемки одного пахсового блока второго ряда. Заметим, что на плане хорошо видно: глубина стены составляет половину ее толщины, т.е. стена была сложена в два блока.

Южная стена этого помещения на плане показана более тонкой, чем остальные стены строения. По замерам – 1 м.

Северная стена, напротив, самая толстая в строении (как и другие три стены «центрального» помещения) – если брать по линии начала большой ниши «центрального» помещения, – 2 м. В ней также на плане показана ниша размерами 0,6x1 м. Она расположена в северо-восточном углу. Судя по плану, ее задняя стенка находится на одном уровне с задней стенкой малой ниши «центрального» помещения. Это может быть линией границы двух рядов блоков, составляющих толщину стены.

Вдоль восточной стены «бокового» помещения, практически на всю его ширину с небольшим отступом от южной стенки, показана суфа шириной 1 м [Кызласов, 2006. Рис. 108]. Мы предполагаем, что отступ возник вследствие частичного разбора суфы для погребения 15, показанного на другом плане в юго-восточном углу под (?) восточной стеной [Кызласов, 2006. Рис. 110].

Вдоль северной стены, начиная от суфы, на запад на 2 м план показывает кирпичную кладку толщиной в 0,5 кирпича и высотой в 2 ряда. Ее южный фас показан в 0,55-0,6 м от северной стены. Вероятно, это лицевая стенка второй суфы.

У противоположной стены показаны два кирпича, соприкасающиеся своими короткими гранями. С западной стороны их граница лежит на одной линии с обрывом кладки стены северной суфы. Соблазнительно предположить, что два эти кирпича были вытащены из восточной суфы при совершении захоронения.

Пол в «боковом» помещении на разрезе показан на 20-25 см выше пола в «центральном» помещении, но на одном уровне с верхом эстрады в нем. При этом на разрезе не отражена ни северная ниша, ни одна из суф, ни вход в погребение. Вероятно, на разрезе показан не пол самого «бокового» помещения, а поверхность восточной суфы в нем.

В публикации высказано предположение о функционале «бокового» помещения – баптистерий [Кызласов, 1959. С. 232]. Мы полагаем, что для проведения обряда крещения, подразумевающего обход вокруг купели, оно недостаточно просторное – ширина его немногим более двух метров. Более вероятным представляется использование его как жилого помещения слуги.

Проведенный критический анализ опубликованных графических материалов при катастрофическом минимализме вербальных данных позволяет утверждать, что строительство этого объекта – христианской церкви – не было одноразовым актом. Об этом свидетельствуют несколько разная техника конструкции стен и их толщина.

Мы предполагаем, что в строительной истории объекта необходимо различать несколько периодов. В первый из них существовало только «центральное» помещение (и, возможно, некоторые конструкции к западу от него, зафиксированные в виде линий на плане). Оно целиком было возведено из сырцового кирпича с толщиной стен около 1 м. Затем какое-то время оно, надо полагать, стояло заброшенным, что привело к деформа-

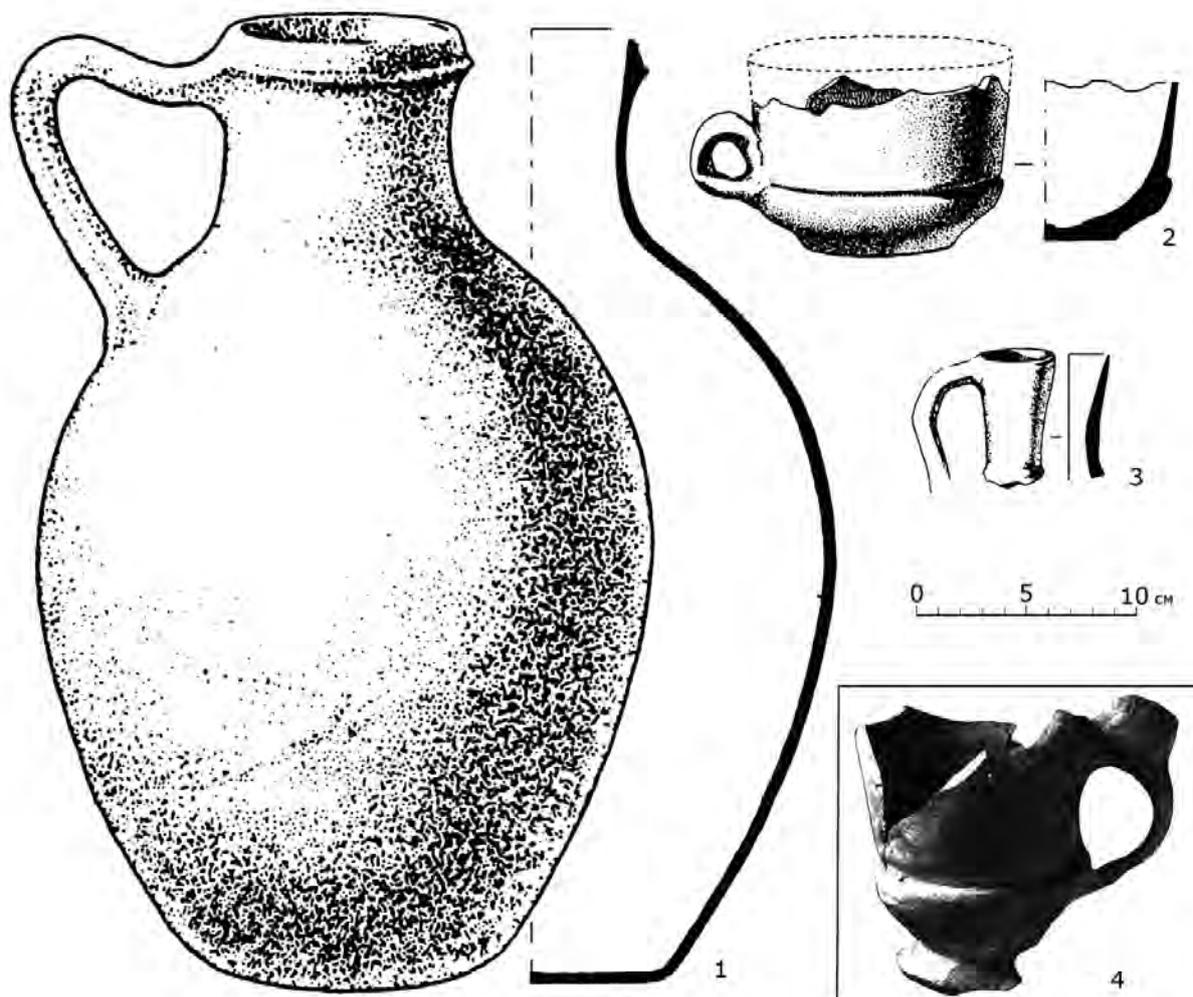

Рис. 8. Керамика, «использованная на поминках», найденная при раскопках 1954 года церкви с кладбищем (по: Кызласов, 2006)

ции западного фаса кирпичной стены, зафиксированной на разрезе. При ремонте /восстановлении /перестройке церкви кирпичные стены срезаются по одному уровню в 0,6 м от пола и на них ставятся стены из пахсовых блоков. При этом толщина стен увеличивается вдвое за счет увеличения во внешнюю сторону. И лишь после этого ставятся стены двора. Последним пристраивается «боковое» помещение: при его возведении используется уже сформированные «красные» линии двора и «центрального» помещения. О одновременности возведения двора и «бокового» помещения свидетельствуют разная толщина южных стен и различная высота пахсовых блоков.

Мы прекрасно отдаем себе отчет в шаткости предложенных реконструкций строительной истории объекта. Данные – вербальные, графические или фотографические – о стратиграфии напластований могли бы подкрепить или опровергнуть наши предположения. Но в опубликованных материалах их нет. Нет их и в текстовой части машинописного

Рис. 9. Комплекс христианских церквей (Объект VIII) городища Ак-Бешиш. Аэроснимок 2005 года

ции, отраженных очень суммарно и тезисно, и, вследствие этого, перенося акцент на архитектурные параллели, он датирует памятник несколько более ранним временем – серединой VII – началом VIII веков [Высоцкий, 1989]. При этом А.М. Высоцкий совсем не учитывает находки на объекте, в том числе нумизматические. Такая передатировка нашла признание некоторых исследователей [Горячева, Перегудова, 1994. С. 86]. Л.Р. Кызласов при переиздании посчитал, что такая передатировка проведена «без всяких серьезных доводов» [Кызласов, 2006. С. 322, прим. 198].

От себя заметим, что обнаруженные монеты дают лишь нижнюю границу возможного строительства объекта. Но не верхнюю! Хорошо известно, что монеты тюргешей и тюргешского круга на городищах Чуйской долины попадаются и в караханидских слоях, причем чаще, чем фельсы и дирхемы. А значит, более корректно говорить, что церковь построена не ранее третьей четверти VIII века – по найденной китайской монете Цянь-Юань Чжун-Бао, выпускавшейся в 758-762 годах. Забегая вперед скажем, что так как большинство относительно надежно датированных христианских памятников Кыргызстана датируются не ранее караханидского времени, то можно подозревать, что и эта церковь построена в начале II тысячелетия.

Комплекс христианских церквей городища Ак-Бешиш – Объект VIII (комплекс христианских церквей) – располагался в юго-восточном углу шахристана-1 (рис. 9). Он исследовался в 1997-1998 и 2000-2001 годах, но остался полностью не раскопанным. В 2004-2006 годах была проведена его частичная консервация обратной засыпкой с использованием маркировки раскопанного.

Издание добротного археологического отчета по основному массиву проведенных работ [Семенов, 2002] избавляет нас от его подробного описания, как в предыдущем случае. Но, являясь участниками этих работ, по ряду вопросов мы имеем свои наблюдения и выводы.

отчета¹¹. Остается надеяться, что они будут обнаружены в архиве Института археологии РАН или личном архиве Леонида Романовича Кызласова.

Л.Р. Кызласов датировал Объект IV, раскопанный его отрядом в 1954 году, VIII веком. Основанием ему служили находки тюргешских, «круга тюргешей», т.е. тухуских и китайской монет, строительная техника и материалы, малочисленные керамические находки (рис. 8) и, в меньшей степени, архитектурно-планировочные параллели [Кызласов, 1959. С. 231-233, 241].

В конце 80-х годов прошлого века А.М. Высоцкий возвращается к рассмотрению этого памятника. Основываясь на данных первичной публика-

¹¹ Иллюстративная часть кыргызстанского экземпляра отчета утеряна.

Состоит Объект VIII из четырех смежных церквей (А – D) с единой восточной фасадной стороной и хозяйственно-бытовых помещений в северо-западной части раскопанного пространства. Общие размеры культовой части 60х45 м (рис. 10). Объект весьма неплохо сохранился – высота стен колеблется от 1,0 до 3,5-4,0 м (рис. 11). Порой частично сохранялись своды (рис. 12), а также арки ниш и проходов (рис. 13).

Каждая из церквей состояла из центрального/алтарного помещения в восточной стороне и нефа или открытого двора перед ним с запада, соединённых проходом на центральной оси. Напротив входа в алтарном помещении во всех четырех случаях находилась ниша, из которой выступала невысокая эстрада-алтарь.

В самой южной церкви А вокруг алтарного помещения имеются обходные коридоры, разделенные проходами на три секции. На каком-то этапе они были превращены в винодельню и хранилище вина – хум-хону (рис. 15). В продолжении боковым обходным коридорам и параллельно центральному нефу, перекрытому серией куполов (?), шли длинные боковые нефы со сводчатыми перекрытиями. Они соединялись с главным двумя проходами каждый. Три нефа соединялись с запада с одним вытянутым помещением, которое можно интерпретировать как трансепт. В трех остальных церквях обходных коридоров, боковых нефов и трансепта нет, но по бокам алтарных помещений в церквях В и С имеется по помещению. В церкви D, самой северной и маленькой выход из алтарного помещения был оформлен ступенями; только в нем на полу был зафиксирован обгорелый дверной брус (рис. 14). Стены помещений были расписаны клеевыми красками (рис. 16); в декоре алтарного помещения церкви С применялось золото, найденное в виде небольших кусочков тончайшей фольги.

Рис. 10. План комплекса христианских церквей (Объект VIII). Ак-Бешиш

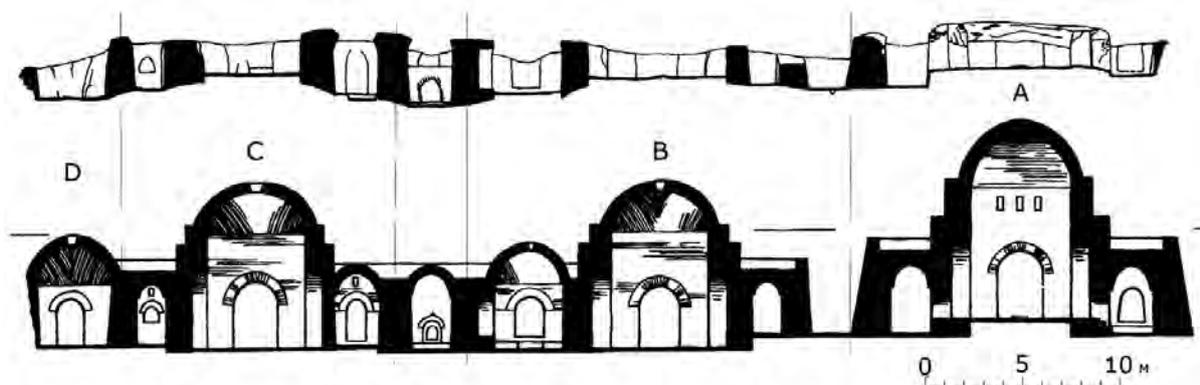

Рис. 11. Архитектурный разрез через алтарные помещения комплекса христианских церквей (Объект VIII) городища Ак-Бешиш и его графическая реконструкция (по: Семёнов, 2002)

Рис. 12. Арка ниши помещения 24 комплекса христианских церквей (Объект VIII). Ак-Бешим

Рис. 13. Проход между помещениями 31 и 32 комплекса христианских церквей (Объект VIII). Ак-Бешим

Рис. 14. Выгоревший брус порога церкви D комплекса христианских церквей (Объект VIII). Ак-Бешим

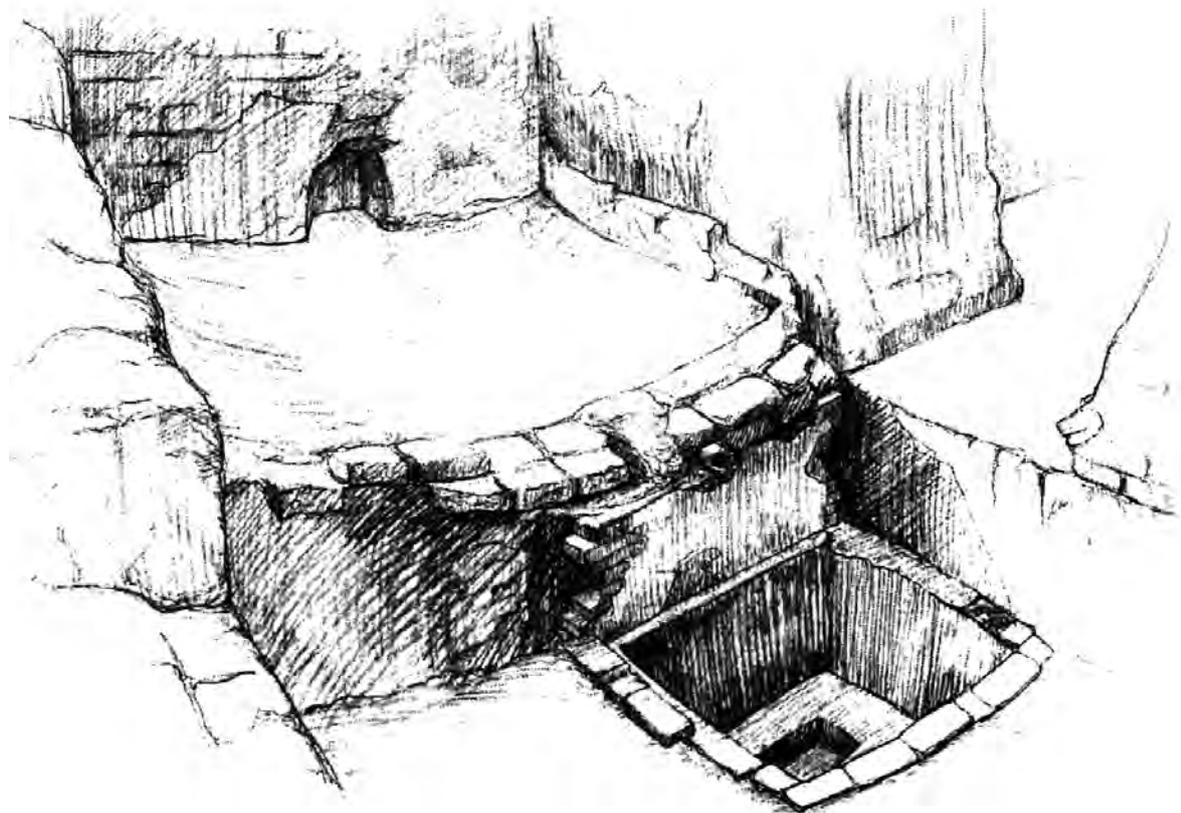
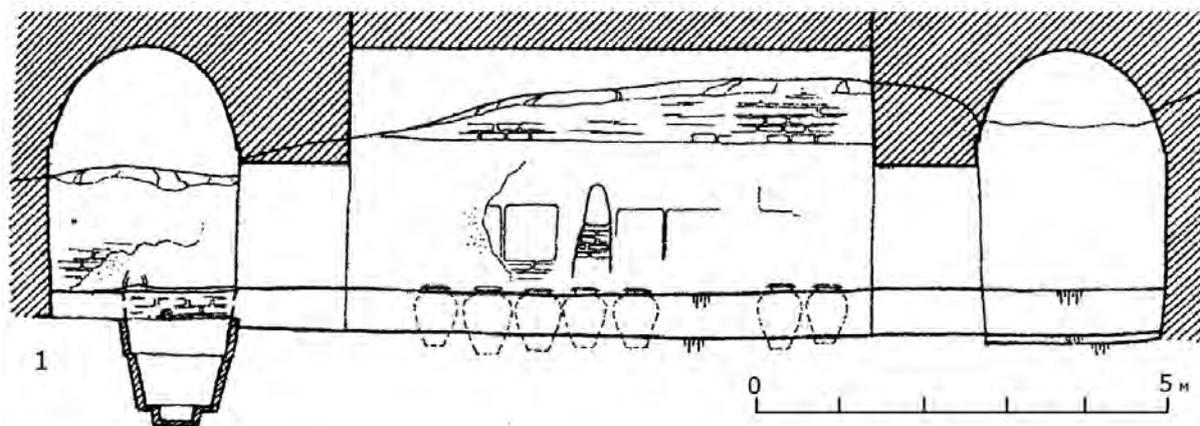

Рис. 15. Винодавильня и хум-хона в церкви А комплекса христианских церквей (Объект VIII) городища Ак-Бешим: 1 – архитектурный разрез с элементами реконструкции через восточный коридор и примыкающие части северного (справа) и южного (слева); 2- графический рисунок раскопанного помещения-винодавильни (по: Семёнов, 2002)

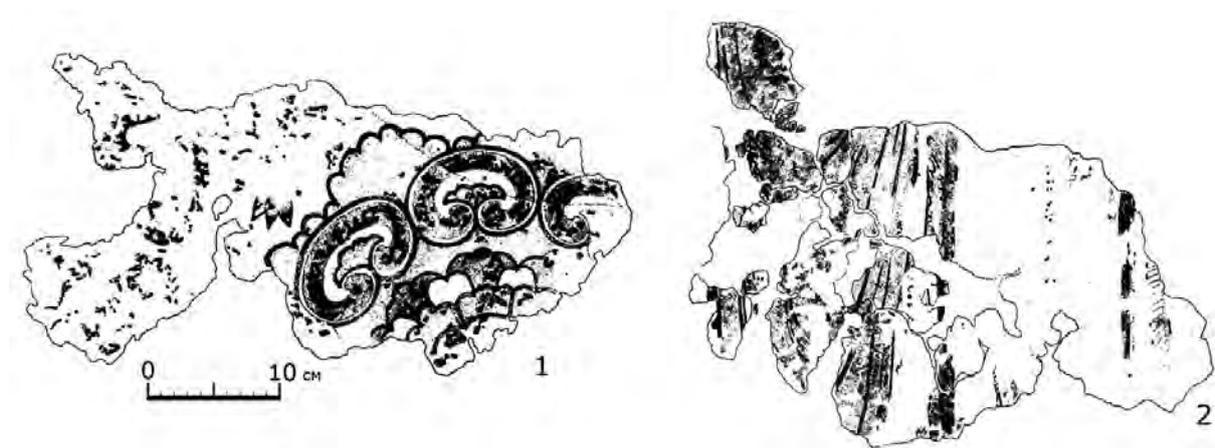

Рис. 16. Прорисовки сохранившихся фрагментов настенных росписей из церкви А комплекса христианских церквей (Объект VIII) городища Ак-Бешим (по: Семёнов, 2002)

Христианскую атрибуцию памятника, определенную в ходе полевых исследований 1998 года, «подтверждают, помимо планировки, и находки нескольких несторианских крестов, а также сирийские надписи» [Семёнов, 1999. С. 73-74]. Здесь имеются ввиду изображения на трех фрагментах терракотовых плакеток (плиток) (фото 5; рис. 17), одна из которых является частью штампа-патрицы, и небольших изделий из необожженной глины (рис. 18). Кресты на плакетках с удлинненной нижней частью и расширяющимися от середины к концам краями, увенчанные двумя «каплями», водружены на двухступенчатый пьедестал (Голгофа – ?). Несколько аналогичных изделий было найдено в 2000-2001 годах. «Случайно» найденный на объекте любителями древностей бронзовый крест с согдийскими надписями на концах (фото 5, 4) имеет такую же иконографию [Klein, Reck, 2004]. А горизонтальная часть относительно большого бронзового креста, по всей видимости – требного, найденная в 2000 году, также имеет расширения к краям, но на концах дано по три капли (фото 5, 5). На одном изделии из необожженной глины – вероятно, детали декора интерьера – равноконечный крест с расширяющимися концами без капель. На другом – равноконечный крест, образованный пересечением двух прямых прочерченных по глине линий (рис. 18). Поэтому нахождение такого количества крестов бесспорно относит памятник Объекта VIII к разряду христианских, но найденные изображения нескольких разных типов крестов называть суммарно «несторианскими» представляется некорректным.

Что же касается «сирийских надписей», под которыми подразумеваются фрагменты нескольких слипшихся страниц найденной рукописной книги, законсервированной в полевых условиях (рис. 19 и 20), и надпись на обороте керамической плакетки (рис. 17, 2), то необходимо сказать, что качество сделанных в поле фотоснимков (еще в эру доцифровой съемки!) и отсутствие в составе отряда специалиста-сиролога (семитолога) делает заключение о языке и даже о шрифте лишь вероятностным. Впрочем, ознакомившийся с фотографией надписи на плакетке сиролог В. Кляйн согласился, что буквы сирийские, но прочитать не смог.

Датировка комплекса основана на найденной на полах глазурованной (поливной) керамике и единичных плохо сохранившихся монетах караханидского облика (при преоб-

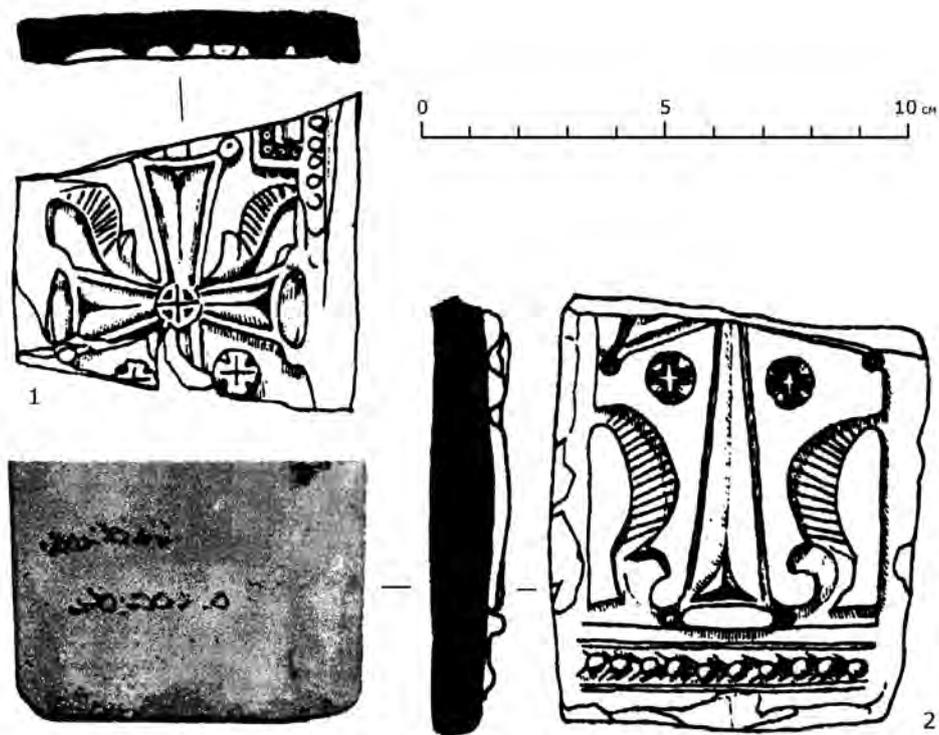

Рис. 17. Фрагменты керамических плакетки и патрицы для изготовления подобных артефактов, найденные при раскопках комплекса христианских церквей (Объект VIII). Ак-Бешим: 1 – фрагмент плакетки; 2 – фрагмент патрицы с надписью на обороте (по: Семёнов, 2002)

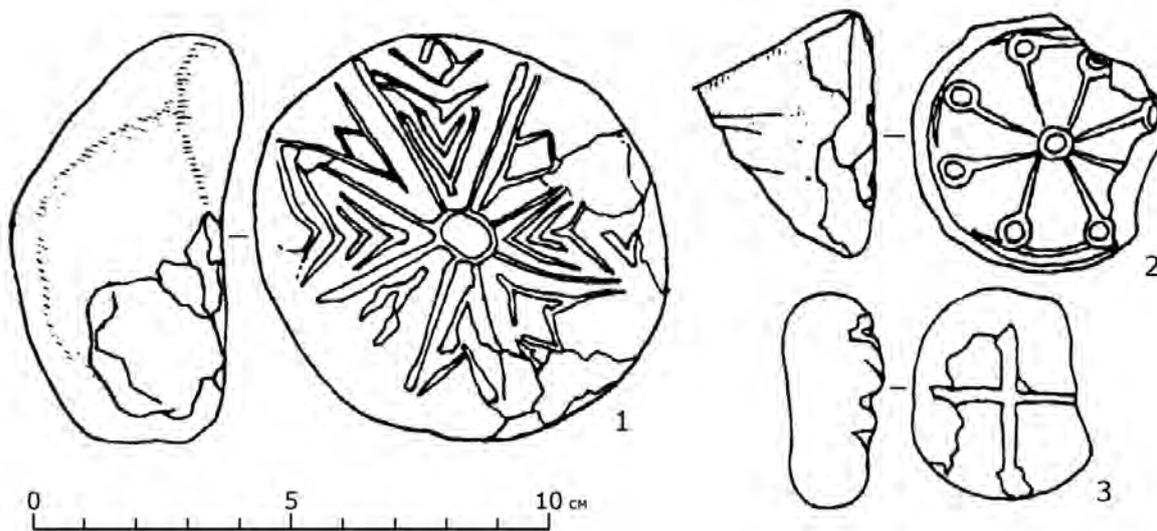

Рис. 18. Артефакты с изображением креста, найденные при раскопках комплекса христианских церквей (Объект VIII). Ак-Бешим: 1 и 3 – необожжённая глина; 2 – керамика (по: Семёнов, 2002)

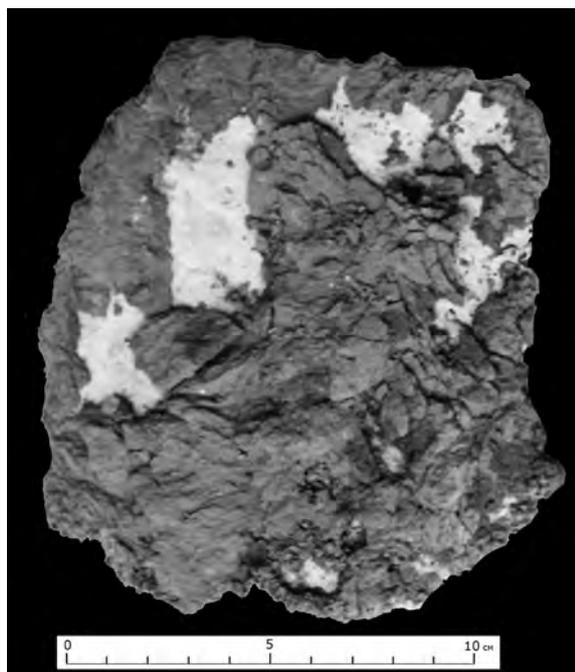

Рис. 19. Фрагмент страницы рукописи, обнаруженной при раскопках комплекса христианских церквей (Объект VIII). Ак-Бешиш.

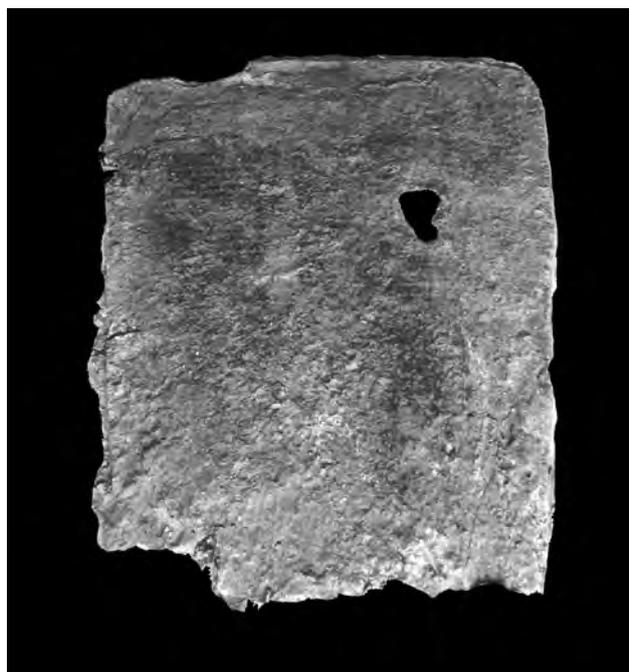

Рис. 20. Кожаная обложка книги, обнаруженной при раскопках комплекса христианских церквей (Объект VIII). Ак-Бешиш

ладании тюргешских и тухусских) на полах и в заполнении помещений. Впрочем, это не исключает более раннего возникновения комплекса или его отдельных частей – подстилающие пол слои не исследовались.

Таким образом, с указанной оговоркой соглашаясь с Г.Л. Семеновым в датировке Объекта VIII на городище Ак-Бешиш и его атрибуцией как христианского, считаем несто-рианскую принадлежность комплекса вероятностной, но недоказанной исследованными материалами раскопок.

Строения Припишпекского (Кара-Джигачского) кладбища. Как сказано выше, на планах Припишпекского кладбища, составленных в ходе исследований 1886 года, обозначены два небольших архитектурных объекта (рис. 21). Н.Н. Пантусов о них писал: «Из следов построек обращают на себя внимание две, похожие с первого взгляда на разрушенные часовни или церкви и состоящие, по видимому, из одной почти квадратной формы комнаты (как указывают валики-остатки стен) и присоединенной ... к стороне... пристройки, указывающей как бы на форму алтаря. ... Потом, однако, при раскопках оказалось, что пристройки, похожие на алтарь, составляют места усыпальниц. ... Места эти были окружены стенами: валики, составляющие большие квадраты, суть остатки стены или насыпи, примыкавшей к сей усыпальнице и вероятно составлявшей запасное место для прочих членов семьи или же садики» [Пантусов, 1888. Л. 42-а].

Из имеющейся в нашем распоряжении вербальной и графической документации можно извлечь об этих архитектурных формах некоторую фактическую информацию. Так, «Усыпальница №1» расположена в северо-западном углу выявленной части кладби-

ща. Она ориентирована углами по странам света (с небольшими отклонениями) (рис. 22). Как видно на рисунках и описано в тексте, она представляла собой квадрат с длиной стен 12,8 м¹², с выступом в середине юго-восточной стены. Этот выступ, размерами по 5,3 м в длину и ширину, описывается следующими словами: «полукружие или такой-же только меньший квадрат, при разрушении принявший форму более похожую на полукруг». Строение было зафиксировано по внешним признакам и не раскапывалось. В топографии объекта вокруг него отмечается ровик, из которого, по мнению Н.Н. Пантусова, бралась земля для стен [Пантусов, 1886. Л. 2-а, -б].

«Усыпальница №2» отмечена на плане как самый северный выявленный объект кладбища. Ориентирована сторонами по странам света (рис. 23). Ее размеры указаны на рисунке в дневнике: с севера и юга – по 18,1 м, с востока – 17,8 м, с запада – 13,85 м. В середине восточной стены показан неширокий проход. В середине западной стороны сооружение имело широтно ориентированный выступ размерами (по данным разных рисунков) – 5,3х6 м. Поверхность в нем возвышалась над остальной частью постройки. В середине этого выступа на плане показана западина. По внешним признакам выступ предполагался с округлым абрисом (что и зафиксировано на общем плане) [Пантусов, 1886. Л. 30-а].

¹² В оригинале здесь и далее размеры даны в старорусской системе мер.

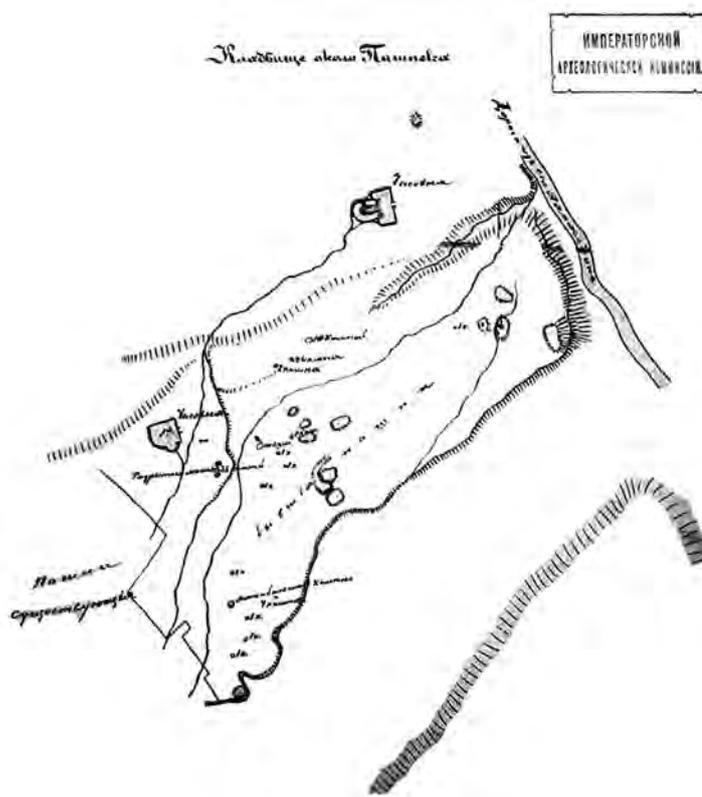

Рис. 21. План Притишпекского/Кара-Джигачского христианского кладбища. 1886 г. (по: Пантусов, 1888)

Рис. 22. Схематический план «Усыпальницы №1» Притишпекского/Кара-Джигачского христианского кладбища. Вырезка с общего плана 1886 года (по: Пантусов, 1888)

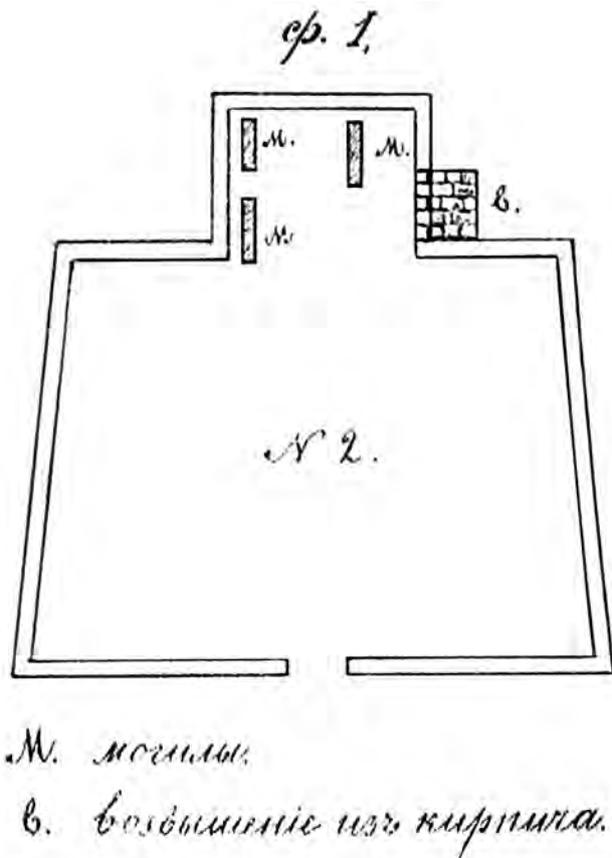

Рис. 23. План «Усыпальницы №2»
Пришпишпекского/Кара-Джигачского
христианского кладбища. 1886 год
(по: Пантусов, 1886)

либо вне границ раскопа, либо не были зафиксированы.

«Холм А» располагался в 115 м восточнее «усыпальницы №1» (рис. 24). Он был около 10 м в диаметре и 0,9 м высотой. На вершине имелась западина [Пантусов, 1886. Л. 16-а] (рис. 24, 2). К северо-востоку и северо-западу от него на незначительном расстоянии располагалось еще три холма несколько меньших размеров, а к юго-востоку метрах в пятидесяти – «холм В».

В ходе раскопок была выявлена прямоугольных очертаний конструкция, ориентированная сторонами по странам света, размерами 3,15x2,45 м (рис. 24, 3). Внутри нее зафиксировано два погребения, над которыми найден один камень с крестом (еще два погребения были выявлены под полами холма). Сохранившаяся высота «глинобитных» стен прямо не указана. Однако исходя из рисунка (рис. 24, 2 и 4) и приведенного расстояния от вершины до верха перекрытия одной из могил, они сохранились на высоту до 0,9 м, т.е. высота холма равна высоте стен «ограды». Проходы в эту конструкцию не обозначены. Но в описании и на рисунке указано, что у северного конца восточной стены было круглое отверстие, засыпанное песком и мелкою галькой [Пантусов, 1886. Л. 16-а –

Эта западная часть подверглась раскопкам. «С боков» были расчищены «частью глинобитные, частью из сырцового кирпича» стены с остатками саманной штукатурки, высотой несколько более 60 см; в плане они имели прямоугольный контур.

На глубине 0,6-0,7 м от современной дневной поверхности строения отмечены разбросанные жженные кирпичи «разных размеров». На этом же уровне в середине был найден «камень-валун с Андреевским крестом», размерами 58x45 см.

Вдоль северной и южной стен было выявлено и изучено три погребения, определивших и итоговую интерпретацию постройки как усыпальницы или мавзолея [Пантусов, 1886. Л. 30-б – 31-а].

Кроме того, на архивных планах 1886 года обозначено еще с десятков холмов (рис. 21), три из которых (А, В и С) раскапывались, и под двумя из них – А и С – были зафиксированы архитектурные остатки. Логично предполагать, что и под третьим раскопанным холмом – В – имелись остатки стен, которые остались

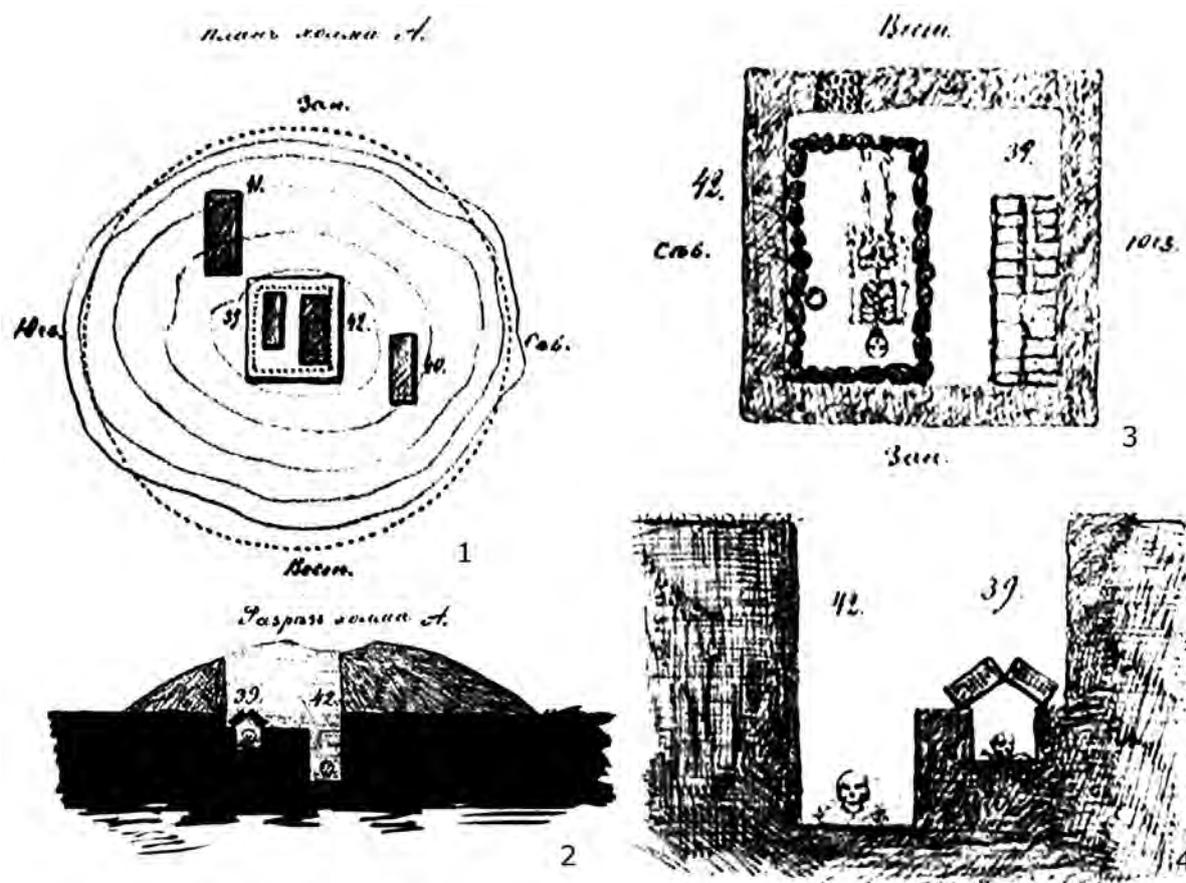

Рис. 24. «Холм А» Приишпекского/Кара-Джигачского христианского кладбища:
 1 – план; 2 – разрез; 3 – план выявленной постройки с погребениями 39 и 42;
 4 – разрез погребений 39 и 42. 1886 год (по: Пантусов, 1886)

17-а]. Судя по рисунку (рис. 24, 3), оно было настолько мало, что человек мог бы с трудом в него пролезть, и принимать его за проход-лаз кажется неверным¹³.

«Холм С» находился в середине восточной группы из четырех холмов и был расположен в 120-125 м к юго-востоку от «усыпальницы №2» (рис. 21). Он был несколько больших размеров: диаметр 14 м, высота 1,4 м. На вершине была западина, «поверхность которой представляет скорее квадратную, чем круглую форму». Это было обусловлено наличием в нем почти квадратной постройки (4,44x4,31 м), стены которой были поставлены «на стены ямы, высеченной в грунте» (рис. 25). В середине восточной стены располагался проход [Пантусов, 1886. Л. 18-а – 18-б]. В нем на полу был найден «валун с изображением креста без надписи» (рис. 26, 1).

Строение было из сырцового кирпича. Оно сохранилось фактически на высоту холма. Исходя из рисунка, кладка стен была выполнена в 1,5 кирпича с чередованием рядов (рис.

¹³ Впрочем, в несколько более ранние зороастрийские наусы/ограды на городище Красная Речка и севернее села Ново-Покровское входы-лазы были примерно такими (ср.: [Горячева, 2010; Кольченко, 2005. С. 270-271 и др.]).

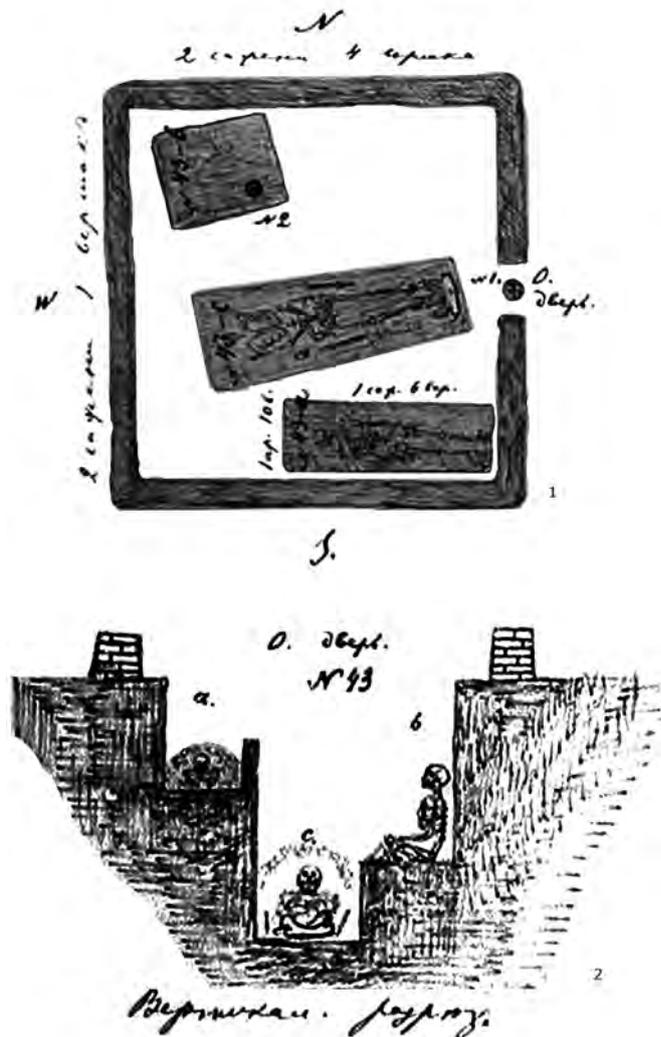

Рис. 25. Строение с погребениями в «холме С» Приишпекского/Кара-Джигачского христианского кладбища: 1 – план; 2 – разрез (по: Пантусов, 1886).

в «кубическом ящике» с лицом, обращенным на юг, и (с) сидячее с сопроводительным инвентарем в деревянном гробе с лицом, обращенным на восток; второе из них сопровождал камень с изображением креста, но без надписей (рис. 26, 2).

Н.Н. Пантусов в дневнике резюмирует: «оградка эта была ни что иное, как мавзолей, украшенный внутри колоннами и раскрашенный красками. Мавзолей этот был, вероятно, построен над прахом какого либо вождя и обрушился. После же того, как это место не представляло уже мавзолея, был погребен труп №43-в в ящике. Это доказывается тем, что ящик этот, или гроб кубической формы, окружен был мусором развалин мавзолея. Так же судя по количеству золы и толщине прожженной поверхности мусора, заполнявшего оградку, или внутреннее пространство мавзолея, здесь были, вероятно, учиняемы жерт-

25, 2). Поверхности стен были «оштукатурены известью» и расписаны. В кирпичном завале, фиксируемом до глубины в 3,4 м, попадались «глыбы кирпичей сырцовых, оштукатуренных алебастром и окрашенных черными и красными цветами».

Здесь же были найдены две полуколонны – «т.е. как бы вдоль по длине расколота колонна, – из глины, выштукатурена алебастром и на ней слабые, едва приметные рисунки, произведенные черной и красною красками». Причем найдены они были от поверхности холма на глубине 2,15 м в средней части и на глубине 3,38 м ближе к северо-западному углу. Фрагменты были длиной около 0,8 м, с диаметрами на концах в 30 и 40 см [Пантусов, 1886. Л. 19-б – 20-а].

В верхней части завала – на глубине 1,25 м от поверхности холма – в северном секторе отмечены зола, угли и прокаленная огнем земля, а в южной на такой же глубине – куски дерева. Также в завале, до глубины в 1,4 м, попадались «куски орнаментов здания из жженого кирпича» [Пантусов, 1886. Л. 19-а]. Вероятно, они принадлежали внешнему декору.

Внутри этой конструкции были раскопаны три погребения [Пантусов, 1886. Л. 19-а – 21-а]: (а) трупоположение в деревянном гробе, (б) сидячее

воприношения» [Пантусов, 1886. Л. 18-а – 21-а].

Нам представляется, что возможна иная интерпретация изложенного: это было строение (мавзолей/усыпальница) с росписями стен в интерьере и наружным рельефным декором из жженого кирпича, имевшее деревянное перекрытие, опиравшееся на две полуколонны; оно было построено над общей погребальной ямой, бывшей, вероятно, открытой, в которой ниже дневной поверхности стояло три деревянных гроба. Разрушение строения сопровождалось пожаром.

Подчеркнем, что описанные выше строения Припишпекского христианского кладбища в дошедшей до нас документации отражены крайне недостаточно. И нет надежд на существенное пополнение этих данных новыми архивными материалами. Так же маловероятны новые продуктивные полевые исследования этого памятника – территория кладбища (и селища в целом) за прошедшие 130 лет полностью изменена хозяйственной деятельностью, включавшей нивелирование всех холмов, рельефных складок, оврагов. Поэтому архитектурные решения этих строений, излагаемые ниже, весьма условны и гипотетичны.

Функционально строения едины – погребальные сооружения на 2–4 человека. Их размеры достаточно близки (от 2,45 до 6 м) и продиктованы, надо полагать, доступными технологиями и строительными материалами, прежде всего – к сооружению перекрытия. Исходя из данных по постройке в холме С, перекрытия везде были деревянными, точнее – с деревянным/жердевым каркасом, и двускатными. Судя по сохранности стен и описанному рельефу, постройки были невысокими.

Таблица 1. Некоторые данные об архитектурных объектах Припишпекского (Кара-Джигачского) средневекового кладбища

	Размеры	Ориентация входа / открытая сторона	Кол-во погребенных
Усыпальница №1	5,3x5,3 м 12,8x12,8 м – дворик	Северо-запад	?
Усыпальница №2	5,3x6 м 18,1x17,8x18,1x13,85 м – дворик	Восток	3
Строение в холме А	3,15x2,45 м	Нет	2
Строение в холме С	4,44x4,31 м	Восток	3

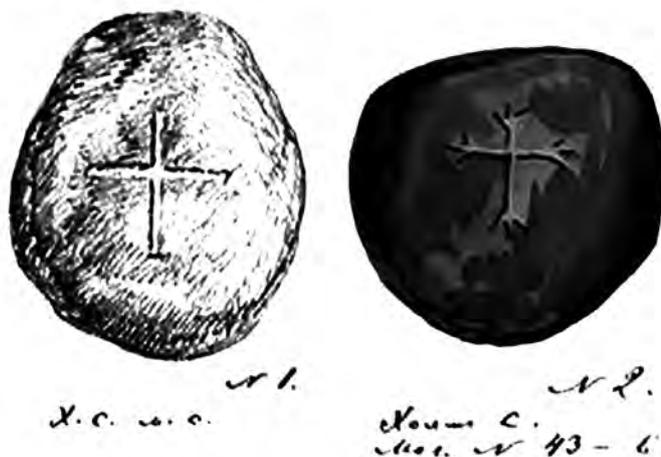

Рис. 26. Рисунки камней с изображениями крестов, найденных при раскопках «холма С» Припишпекского/Кара-Джигачского христианского кладбища: 1 – из прохода; тушь; 2 – из погребения № 43-с; акварель (по: Пантусов, 1886).

Еще автором полевых исследований было выделено (без формального акцентирования) типологически два типа: (1) мавзолеи с огороженным пространством перед ними и (2) кубические мавзолеи¹⁴, несколько меньшие в размерах. Если для вторых параллели весьма многочисленны, то к первому типу они не столь очевидны.

Датировка припишпекских строений должна быть обобщенной и опираться на даты намогильников с этого кладбища – XIII-XIV века.

Кладбища. Намогильные камни

Средневековые кладбища христиан и отдельные намогильные камни в Чуйской долине в разное время были открыты на городищах Красная Речка, Ак-Бешим и Бурана, селище Припишпекском (/Кара-Джигач), а также на Иссык-Куле, на реке Жууке между селами Саруу и Дархан.

Погребальные находки городища Красная Речка. На городище Красная Речка в разные годы и в разных местах были обнаружены единичные намогильники. М.Е. Массон сообщал, что где-то у села в 1919 году было найдено несколько христианских кайраков [Массон, 1978]. Впрочем, этим информация о них и исчерпывается. Затем в 1938 году «среди остатков мусульманского кладбища» в юго-западной части городища был поднят фрагмент жженого кирпича с изображением креста и сиро-тюркской надписью (рис. 3) [Бернштам, 1941. С. 74, 107; Борисов, 1963. С. 56-57]. В 1980 году при раскопках верхнего слоя цитадели в фундаменте было найдено еще две гальки с эпитафиями [Горячева, 1988. С. 62-66; Горячева, Перегудова, 1994. С. 93-94]. И наконец, в 2010-х годах в рабаде у восточного отрезка длинных стен случайно было найдено четыре фрагментированных надгробия, переданные на хранение в музей КРСУ. Кроме того, В.Д. Горячева писала, что на позвонках одной погребенной городского некрополя (Раскоп 3) был найден нательный крестик (рис. 27) [Горячева, 1988. С. 67]; погребение было совершено в яме, некогда перекрытой «большими прямоугольными сырцовыми кирпичами» сводом. Такой разброс местонахождения артефактов не позволяет говорить о собственно христианских кладбищах, но позволяет утверждать, что на городище Красная Речка обитала значительная община христиан, часть из которых хоронилась на общегородском некрополе. Последнее место нахождения намогильных кайраков дает надежду, что христианское кладбище все же будет найдено у восточной оконечности длинной стены городища. Некоторым дополнительным аргументом к такому предположению является нахождение нами в этом районе небольшого фрагмента керамического сосуда с изображением равноконечного креста, прочерченного до обжига (рис. 28), аналогичного акбешимскому с Объекта III.

Вопрос с датировкой христианских находок Красной Речки как минимум дискуссионен. Фрагмент кирпича-эпитафии исследователи датировали второй половиной XI – XII вв., исходя, прежде всего, из факта его обнаружения среди мусульманских захоронений этого времени и, в меньшей степени, из-за особенностей начертания букв, которые «очень близки к письму основной массы семиреченских надгробий» [Борисов, 1963. С. 56-57; Бернштам, 1941. С. 107]. Т.е. основания весьма шатки. Нательный крестик из раскопа отнесен к середине VIII века, хотя в погребении других находок не было [Горячева, 1988.

¹⁴ Конечно, нельзя исключать, что это были действительно только «ограды», подобные тем, что известны в этнографических описаниях.

Рис. 27. Нательный крестик из женского погребения в некрополе. Красная Речка

Рис. 28. Изображение креста на фрагменте керамического сосуда. Случайная находка 2004 года. Красная Речка-2

С. 66-68], а вопросы стратиграфии и, как следствие, датировки некрополя в целом далеки от разрешения. Вновь вывод бездоказательный. В надгробиях с цитадели по про-тиркам и фотографиям А.В. Пайковой первоначально были прочитаны весьма ранние даты – 1100/789 и 1220/909 года [Горячева, 1988. С. 64-65]. Однако четверть века спустя В. Кляйн, работая непосредственно с камнями, прочитал иные цифры – 1426/1114-1115 и 1606/1295 гг. [Klein, 2000. PP. 163-165], что представляется типологически более оправданным.

Ак-Бешим, погребения Объекта IV. Вокруг и внутри христианской церкви Ак-Бешима было вскрыто 18 погребений с западной ориентацией и 5 – с северной (рис. 6). Вторые интерпретированы как более поздние мусульманские впускные погребения в холм, образовавшийся над разрушенным строением. Погребения с западной ориентацией определены как христианские, «относящиеся к тому же времени», т.е. синхронные самой церкви [Кызласов, 1959. С. 131-133; Кызласов, 2006. С. 322, 329]. Вероятно, при вскрытии всего двора и расширении раскопа количество выявленных погребений возросло бы. Причем преимущественно за счет внешних по отношению к строению.

Автор раскопок отмечает три типа вскрытых христианских погребений: (1) ямные с обкладкой стенок кирпичом и покрытые «в виде двускатной крыши» из того же кирпича, (2) с подбоем в южной стенке и (3) с небольшой катакомбой под стеной здания с входом с западной стороны, заложенным кирпичом. Исходя из изображений погребений на плане, можно конкретизировать эти данные (рис. 29).

Погребений типа 1 было обнаружено четыре. Причем два из них – в центральном (алтарном) помещении и, судя по пунктиру контура ямы, их стенки не были обложены кирпичом (рис. 29, 12 и 14). Два других погребения этого типа размещались к востоку среди основной массы погребенных. Исходя, опять-таки, из данных плана, можно думать, что еще одно из

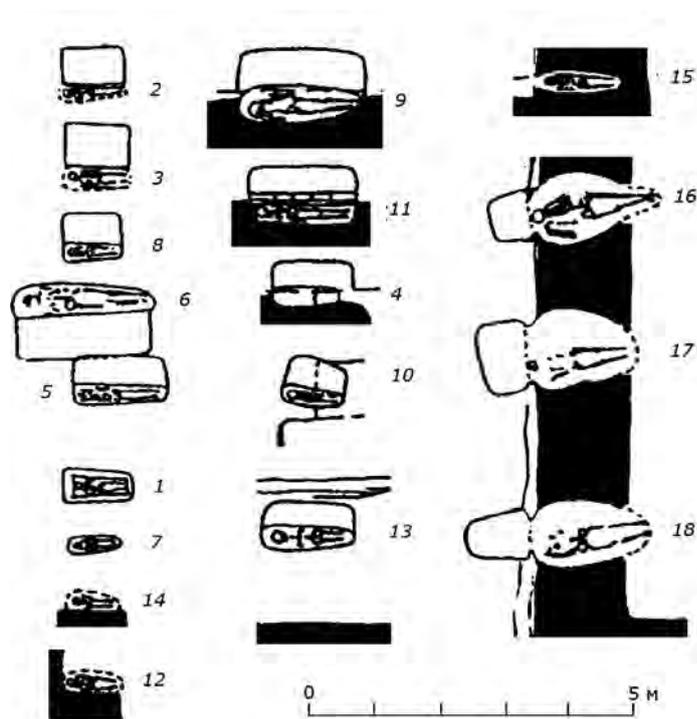

Рис. 29. Таблица погребений, обнаруженных при раскопках 1954 года Объекта IV (христианская церковь) городища Ак-Бешим. Номера в таблице соответствуют номерам на плане (по плану объекта: Кызласов, 1959)

них – №7 – не было обложено кирпичом (рис. 29, 7). И лишь погребение №1 соответствует описанному (рис. 29, 1). Таким образом, обкладка стенок ямы кирпичом является лишь одним из вариантов типа 1, который в целом должен быть определен просто как ямные погребения.

Погребения типа 2 наиболее многочисленны – их десять. Как и описано в публикации, они имеют подбой в южной стенке и лишь в одном случае (№5) он сделан с северной стороны входной ямы. В одном случае – №11 – показано, что подбой заложено кирпичом регулярной кладкой. О закрытии подбоя в остальных погребениях информация отсутствует. Нет ее и о соотношении уровней полов во входовой яме и подбое. Территориально погребения этого типа отмечены как под стенами – внешними (№№ 4¹⁵ и 9), и стеной двора (№11), так и среди каких-то конструкций у прохода из двора к

святылищу, а также с внешней стороны к востоку от объекта.

Наконец, погребения типа 3 – в небольших катакомбах с входом с западной стороны под стенами церкви. Три из них сделаны под стену с внешней западной стороны (рис. 29, 16-18), а еще одно – под восточной стеной «бокового» помещения (рис. 29, 15), т.е. в самом помещении. Если в первых случаях катакомбы по рисунку кажутся относительно просторными, то в последнем – они сделаны аккуратно под погребенного. Вход-лаз в катакомбу был аккуратно заложен сырцовым кирпичом (рис. 30).

Как хорошо видно на плане, большая часть погребений совершена с внешних сторон строения и лишь треть – внутри. В отношении этой трети не приходится говорить о какой-либо закономерности, разве что об их тяготении к стенам. Зато большая половина внешних захороненных (семь) расположена компактно с восточной стороны – пять могил образуют почти ровный ряд. Достаточно системной выглядит и группа из трех погребений с западной стороны церкви. Заметим, что с торцов строения входов во внутреннее пространство точно не было и они не мешали движения в храм. Это позволяет предполагать начало формирования кладбища во время функционирования объекта. А вот погребения внутри могли появиться уже после прекращения деятельности по пря-

¹⁵ Размещение этого погребения №4 опровергает саму возможность наличия стены к северу от центрального/алтарного помещения.

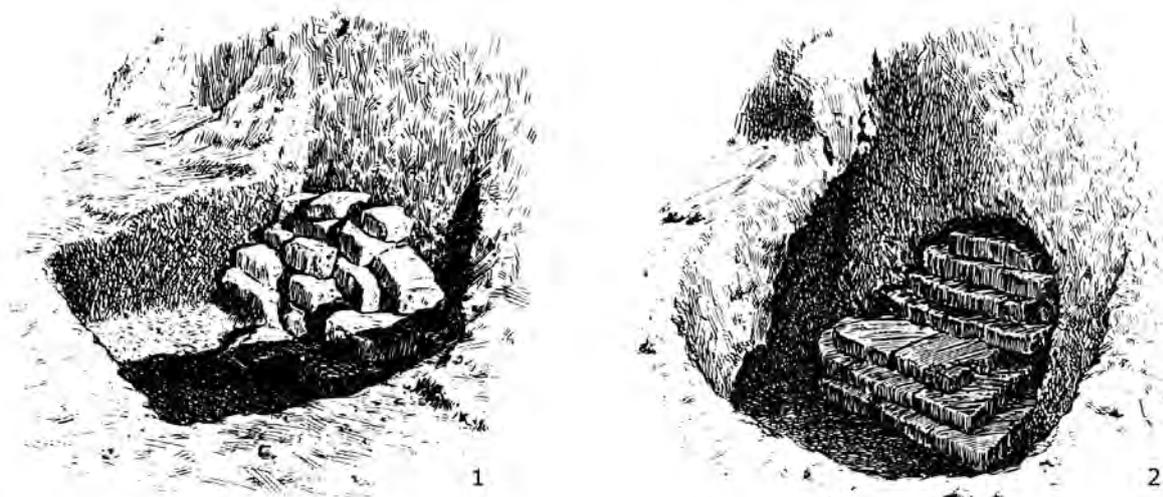

Рис. 30. Заклады входов в катакомбные погребения под стеной христианской церкви на городище Ак-Бешиш: 1 – могила 17; 2 – могила 18 (по: Кызласов, 2006)

тому назначению – надо полагать, что христианская община Ак-Бешиша продолжала владеть его территорией и решила использовать под кладбище. В. Кляйн предположил, что прекращение функционирования связано с сооружением нового, более просторного храма – церкви А Объекта VIII [Klein, 2000. Р. 256]. А значит, произошло это в X-XI веке.

Также хотелось бы акцентировать внимание на размерах могил. Ровно половина из них, если исходить из сомасштабности плана, по длине не превышает одного метра. А это означает, что многие из погребенных умерли еще в детском или подростковом возрасте.

Припишпекское (Кара-Джигачское) кладбище. Как сказано в историографической части, исследования на Припишпекском (Кара-Джигачском кладбище) проводились в 1885-1886 годах: в первый год было раскопано 35 погребений, во второй – еще 85. Отчет, включавший некоторое количество рисунков и чертежей, а также дневник, были представлены в Археологическую комиссию. В дальнейших описаниях мы исходим из данных в выявленных нами архивных материалах ИИМК РАН, прежде всего «Описания ...» и «Дневника ...» [Пантусов, 1886; Пантусов, 1888].

Припишпекское кладбище расположено в предгорьях «верстах в трех» (~3,200 км) к северу от Кыргызского (устар. Александровского) хребта «на право (на запад) от кочевой дороги, ведущей из селения Аламедина в горное ущелье Кентер или Науруз; между большими оросительными каналами (арыками) Джелаир (с северо-запада) и Аксак-Бюри (с юго-востока)». Оно тянется с ЮЗ на СВ в «четверти версты» (266,7 м) от правого берега арыка Джелаир. Его размеры исследователи определили «приблизительно в 3 десятины» (3,278 га) (рис. 21). Критериями определения являлись не визуально выраженные границы, которые «в виде ограды, валов или чего-либо подобного» отсутствовали, а «надгробные памятники в виде камней», часть из которых «будучи погружены на всю свою толщину, а иные и глубже, в землю, правильно указывали на изголовья погребенных в соответствующих им могилах» [Архив ИИМК, Дело № 40-б, л. 46].

По данным Н.Н. Пантусова и А.М. Фетисова, поверхность кладбища сохранила «слабые намеки на ряды могил, сглаженных тысячелетнею давностью», которые располага-

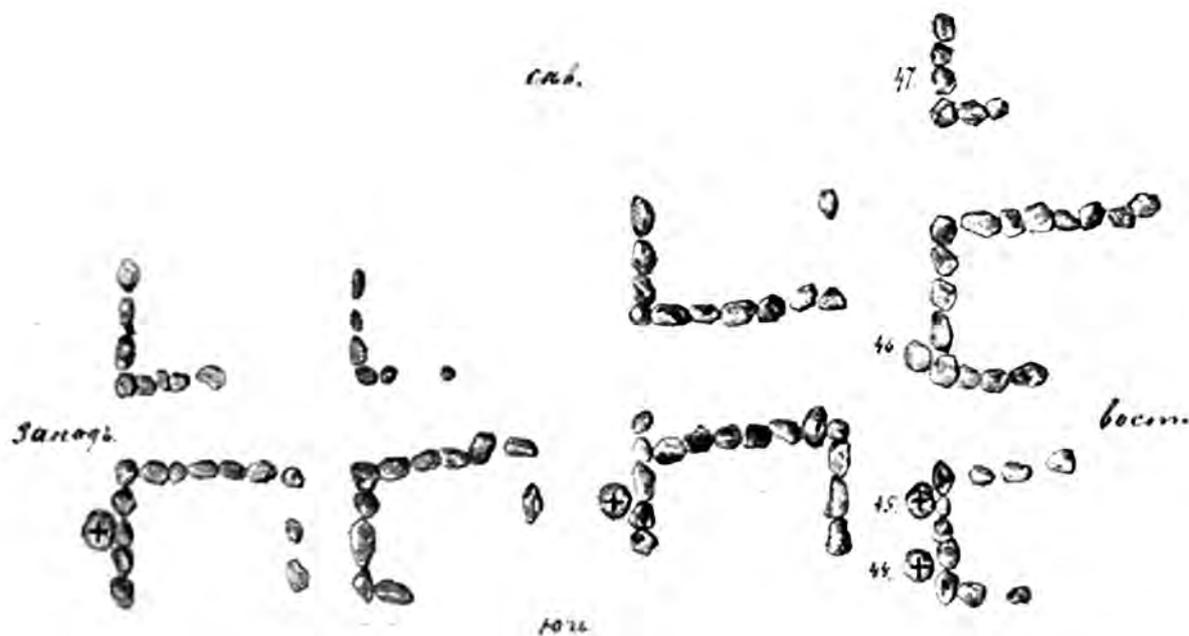

Рис. 31. Каменные ограды группы погребений в северной части Приишпекского/Кара-Джигачского христианского кладбища. 1886 год (по: Пантусов, 1886).

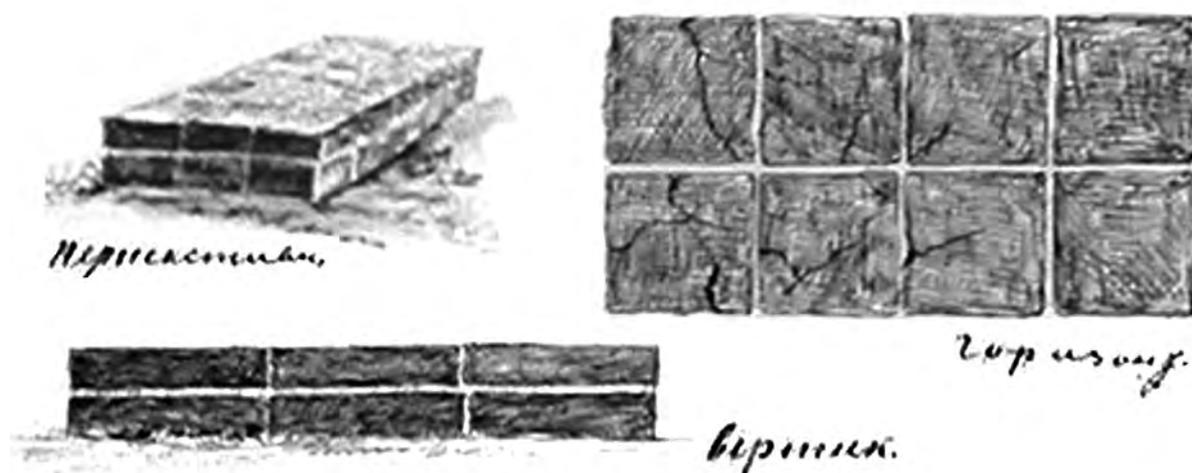

Рис. 32. Надмогильные конструкции некоторых погребений Приишпекского/Кара-Джигачского христианского кладбища. 1886 год (по: Пантусов, 1886)

лись «более или менее правильно в линию по направлению с юга на север». Ими также отмечаются наличие некоторых архитектурных форм, описанных выше.

При проведении исследований было выяснено, что на поверхности эти могилы на отдельных участках кладбища имели каменные ограды, вытянутые в широтном направлении, в западной стороне которых устанавливались камни-эпитафии (рис. 31) (ср. с тюркскими оградками и расположением каменных изваяний). В других случаях из кирпича в 2-3 ряда выкладывалось сплошное прямоугольное надгробие (рис. 32), в западной стороне которого вертикально устанавливалась памятная надпись. Но большинство имело

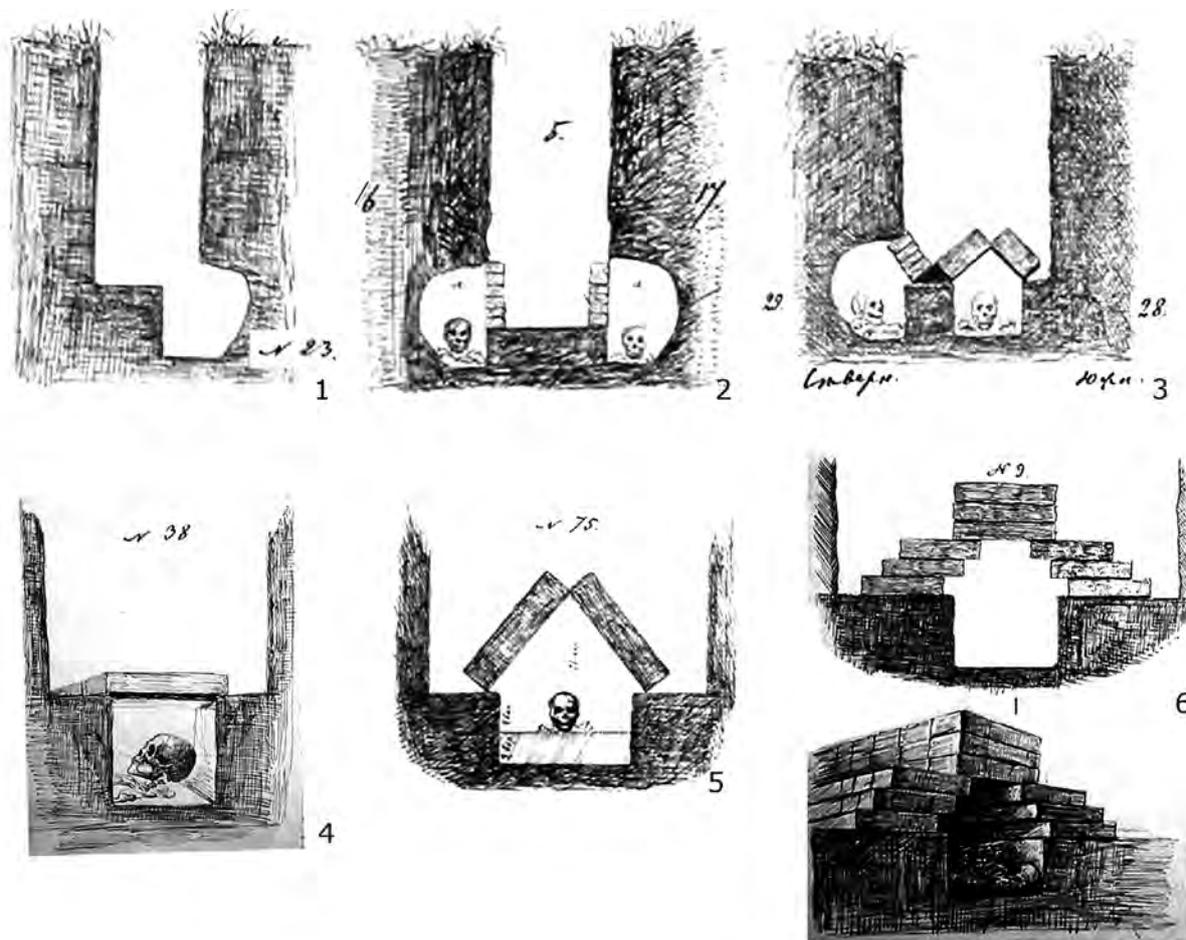

Рис. 33. Типы могильных конструкций погребений Прииштекского/Кара-Джигачского христианского кладбища. 1886 год (по: Пантусов, 1886)

лишь небольшой земляной холм, к моменту исследования практически снивелированный естественными процессами.

Устройство самой могилы (т.е. подземных конструкций) также имеет варианты. Первый из них характеризуется устройством подбоя с северной стороны или с двух сторон, заглубленного насколько ниже входной ямы; в ряде случаев подбой закрывался кирпичом (рис. 33, 1-2). В другом варианте в прямой могильной яме с плечиками формировался своеобразный склепик, стенками которого являлись стенки грунтовой ямы, а перекрытие, опиравшееся на плечики, выкладывалось из кирпича в разных вариантах кладки (рис. 33, 3-6). В ряде случаев зафиксировано сочетание обоих вариантов в одной могильной яме. Зафиксировано также использование деревянных гробов, но без крышки – они закрывались кирпичами, опиравшимися на проложенные жерди. Однако их использование не было массовым. В изголовье одного гроба сохранилось изображение креста (рис. 34).

Во всех случаях погребенный укладывался вытянуто на спине, головой на запад. В положении рук имеется ряд вариантов.

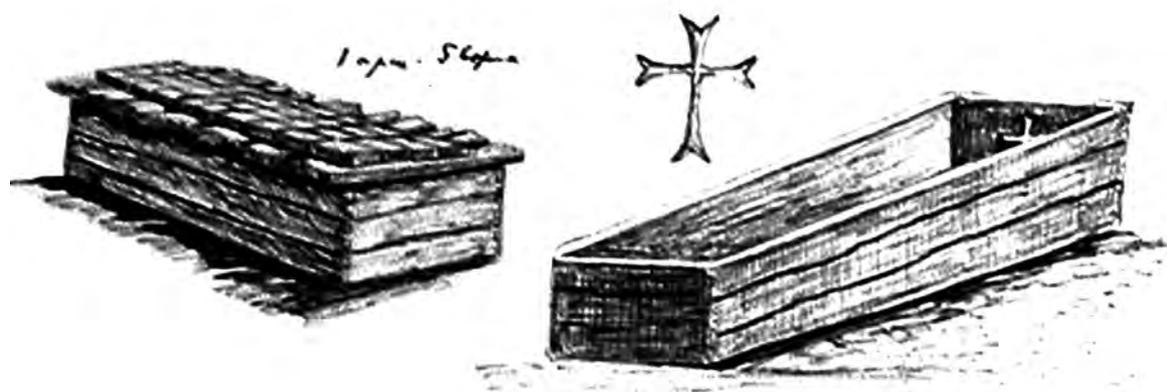

Рис. 34. Деревянный гроб из погребения в холме В и изображение креста на его стенке
(по: Пантусов, 1886)

Также на кладбище имелось несколько небольших архитектурных погребальных сооружений, описанных выше. Таким образом, мы можем констатировать, что погребальный обряд на кладбище был, в основном, близким, но не однородным. В тоже время ряд погребений противоречит христианской традиции, но наличие камней с крестами указывает на погребение именно христиан. Чем вызваны различия – социальной, культурной, этнической или хронологической причинами – вопрос для интерпретаций.

Буранинское кладбище («близ Токмака»). Раскопки на кладбище проводились в 1885-1886 годах. В 1885 году Ф.В. Поярков вскрыл траншеей 4x1 м некоторое количество погребений, а в следующем 1886 году А.М. Фетисов по Открытому листу Н.Н. Пантусова исследовал еще 34 погребения [Фетисов, 1888. Л. 102-120].

В отчете сказано, что кладбище «находится на урочище Бурана, ... в верстах 5¹⁶ на север от предгорий Александровского хребта, на правом берегу значительного горного ручья Каерма-Арык (истекающего из ущелья Александровского хребта), в южной части развалин древнего города, на расстоянии около 1½ версты к югу от древней башни, именуемой киргизами Бурана, каковое название носит и городище. ... саженьях в 100¹⁷ на север от кладбища проходит сухое русло Бурана-Сайнын-бою. ... на северо-восточной стороне, саженьях в 50¹⁸ от этого кладбища стоят два довольно высоких кургана» (рис. 35-36). С севера и запада границей кладбища служили края естественной террасы.

Внешних признаков погребения фактически не имели. Как отмечается в архивном документе, пространство кладбища «представляет почти гладкую поверхность, и при этом замечается большая бедность в надгробных камнях (а в особенности с надписями). ... только изредка встречаются под верхним слоем почвы надгробные камни с крестами, да и те, как указывали раскопки, теперь лежат не на своих местах и по этому не служат указателями соответствующих им могил» [Пантусов, 1888. Л. 100-а]. Вследствии этого проводилась сплошная раскопка территории на глубину до 1,75-1,8 м, начиная от восточного конца траншеи Ф.В. Пояркова 1885 года (рис. 37).

¹⁶ т.е. 5,3 км.

¹⁷ Примерно 213,36 м.

¹⁸ Примерно 106,68 м.

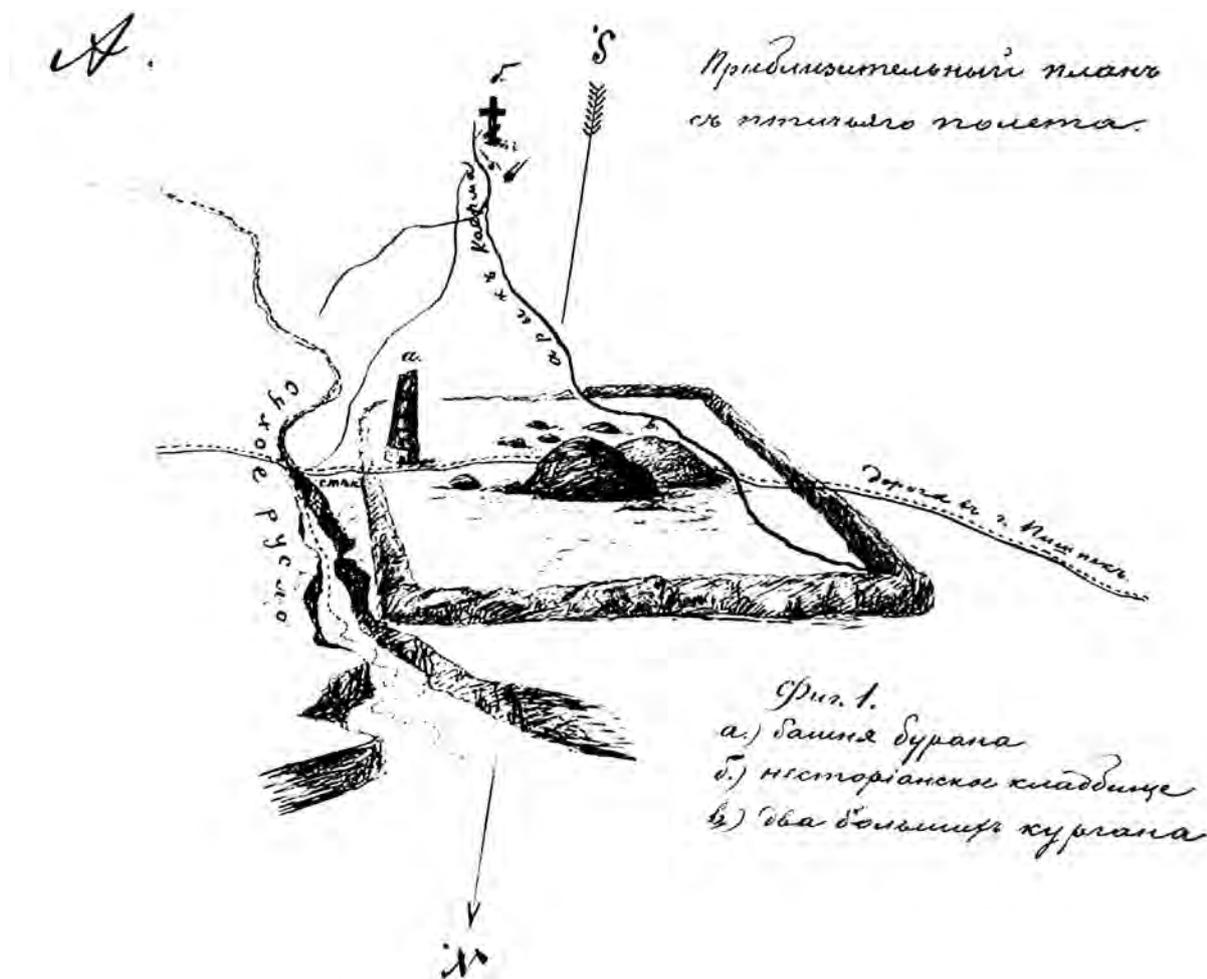

Рис. 35. Эскизный рисунок городища Бурана с обозначением месторасположения христианского кладбища. 1886 (по :Фетисов, 1888)

Это позволило выявить более 30 погребений. В дневнике 1886 года имеются описания 31 раскопанной могилы и приведено несколько рисунков к ним. Оказались пропущенными описания «могил» №№ 14 и 15, а последняя описанная – №33 [Фетисов, 1888]. Установлено, что расстояние между могилами так ничтожно, что промежутки между костяками не превышали 1 м [Пантусов, 1888. Л. 100-б]. Однако особой системности в их расположении нет – А.М. Фетисов отмечает, что в одном ряду не более 3-4 могил, а затем порядок их расположения менялся [Фетисов, 1888. Л. 120-а].

Было выяснено, что погребения совершены в грунтовых ямах, подбоях и, в одном случае, катакомбе. «Стандартная» глубина могилы – 1,6–2 м, отдельные опущены на 2,25–2,3 м. Все погребенные были уложены в могилы головой на запад (с небольшим отклонением). Погребения безинвентарные, но в 7 случаях найдены отдельные личные украшения – перстни, серьги, браслеты и один нательный крест.

Среди раскопанных погребений большинство оказалось совершенными в ямах – 17 случаев. Но здесь необходимо оговорить, что в 9 из них захоронен ребенок/«малолеток» с молочными зубами; зачастую они совершены на меньшей глубине – 0,7-1,15 м.

Захоронений в подбоях зафиксировано 13. Во всех случаях, кроме одного, подбой заложен сырцовым кирпичом. Как правило, его расположение относительно входной ямы не указывается, но оно было приведено для первых двух случаев – с северной стороны [Фетисов, 1888. Л. 103-а, 105-а]. Надо полагать, что далее подразумевается аналогичное положение. В трех случаях подбоя отмечены с двух сторон входовой ямы [Фетисов, 1888. Л. 108-а – 110-б, 118-б – 120-а].

Датировка этого кладбища также определяется по датам намогильных камней, найденных здесь, – преимущественно XIII-XIV века.

Сравнивая данные по Припишпекскому (Кара-Джигачскому) и Бураннинскому кладбищам с исследованиями других средневековых некрополей (правда, несколько более ранних) – Ак-Бешима (церковь, раскопанная в 1954 г. Л.Р. Кызласовым), Красной Речки, Беловодской Крепости, нужно указать на разную организацию пространства: в первом случае оно однослойно (нет фактов повреждения одной могилы другою) и жестко упорядочено четко выраженными рядами могил. Погребения на некрополях Красной Речки и Беловодской Крепости многослойны (нередко одна могила перерезает другую) и поликонфессиональны. Погребения именно христиан на них обосновано не выделены из массы погребенных, но среди них имеются захороненные с западной ориентацией в подбоях и грунтовых ямах. Лишь погребения христиан на Объекте IV Ак-Бешима также однослойны и моноконфессиональны.

Но самое главное – ни для погребенных в церкви Ак-Бешима, ни на некрополях Красной Речки и Беловодской Крепости не известно установление намогильных камней с эпитафиями. Мы считаем, что это новая культурная традиция, принесенная в Чуйскую долину новой волной христиан в XII в., наложившаяся на погребальные традиции местного тюркоязычного населения.

Джуукинское кладбище (Покровское) кладбище. О Джуукинском (Покровском) средневековом христианском кладбище практически ничего не известно. Камни с христианскими (и мусульманскими – ?) эпитафиями в 1907 году нашли местные жители. Н.Н. Пантусов получил снимки двух камней (христианского, который и был издан П.К. Коковцовым, и мусульманского) и собрал об обстоятельствах находки только письменные расспросные сведения. Согласно приведенным им данным, эпитафии были найдены «верстах в восьми на запад от с. Покровского (Сливкино), ..., против ущелья Зауке (по каракиргизскому Джууке), саженях в 150 от южного берега Иссык-Куля, по течению р. Зауке» [Пантусов, 1909. С. 14]. Т.е. они найдены в 300-350 м от береговой линии того времени и в 8-9 км на запад от села, называющегося ныне Кызыл-Суу (Джеты-Огузский район) у берега реки Джууке (без уточнения на каком именно). Сейчас по трассе в 8,5-9 км на запад (с некоторым отклонением к югу) от села Кызыл-Суу река Джууке разделяет села Дархан и Саруу. Береговая линия в месте впадения реки в озеро находится в 4,5-5 км от этих сел; она нестабильна и подвержена регулярным колебаниям, ввиду чего привязываться к ней для локализации находки камней почти бессмысленно. Под водой в прибрежной зоне озера здесь находится одно из крупнейших средневековых городищ – Дархан, датированное исследователями VIII-XII вв. [Винник, 1967. С. 99-100].

Повторим, что первоначально было найдено четыре камня – три христианских и один мусульманский, в том числе два с надписями и один только с изображением креста. Они

якобы были переданы на хранение в Иссык-Кульский православный монастырь, что располагался на северо-восточном побережье озера. Н.Н. Пантусову был передан снимок, надо полагать, с одного из двух христианских камней с надписью. Затем Н.Н. Пантусов получил письмо, в котором сообщалось о наличии еще одного камня с «сиро-халдейскими письменами» и крестом, а также камня со «старо-китайской» надписью [Пантусов, 1909. С. 15]. Осмотр местности под руководством начальника Пржевальского уезда полковника Шосте выявил «несколько камней (бульжников) с изображением креста, но камней с надписями ... не обнаружил»; камни были оставлены на кладбище. Со слов Шосте, переданных Н.Н. Пантусовым, «могильные возвышения почти сгладились с уровнем земли, и занимаемое им небольшое пространство представляет площадь, усеянную врытыми в землю бульжниками разных форм и величины» [Пантусов, 1909. С. 15].

В 1966 году где-то здесь же житель села Саруу нашел еще один камень с надписью, которая была переведена и опубликована Ч.Д. Джумагуловым [Джумагулов, 1982. С. 40-43. Таб. XVIII].

Отдельные христианские предметы, в том числе намогильная галька, известны с Ново-Покровских IV и V городищ (в музее школы села Ново-По-

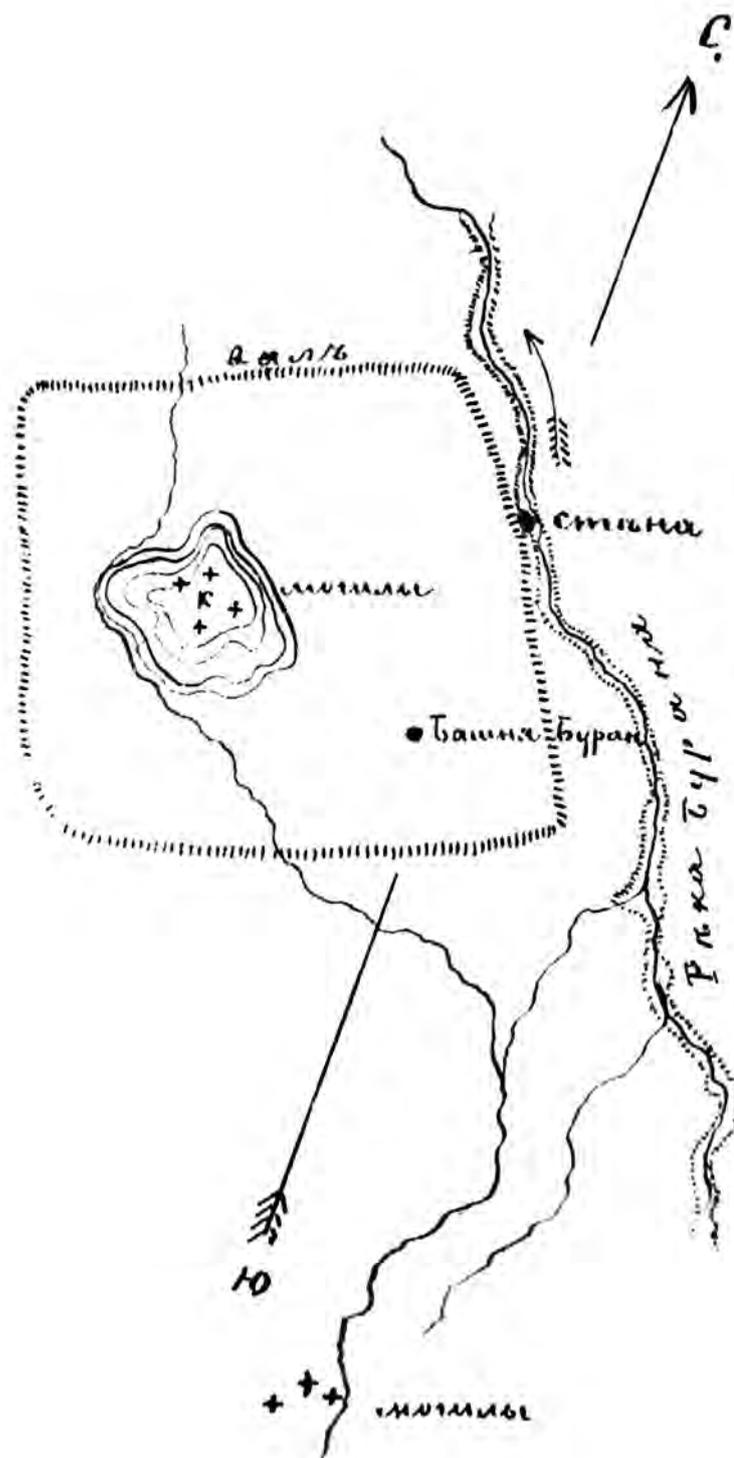

Рис. 36. План городища Бурана с обозначением месторасположения христианского кладбища. 1886 (по: Фетисов, 1888)

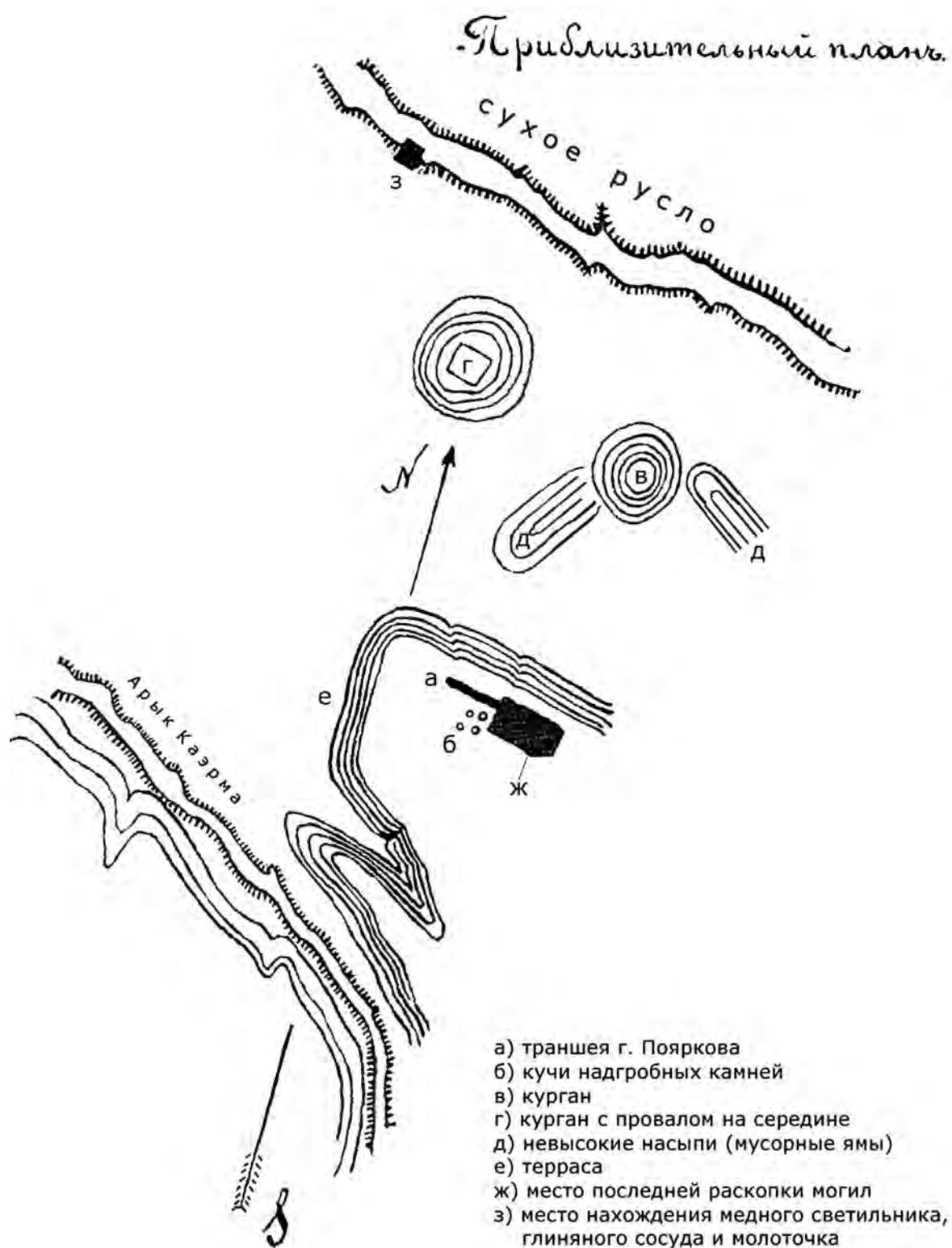

Рис. 37. План христианского кладбища городища Бурана. 1886 (по: Фетисов, 1888)

кровка) (рис. 38; рис. 39, 3). Представляет интерес информация Н.Н. Пантусова: «Киргизы говорят также, что встречаются большие каменные памятники с крестами по реке Чу значительно ниже Пишпека, в нескольких десятках верст от последнего» [Пантусов, 1886. С. 78]. Но подтверждения она не получила.

Намогильные камни. Обратимся к христианским эпитафиям. При этом, не будучи филологами, будем опираться на работы специалистов в данной области.

Точное количество найденных в Чуйской долине (а также на Иссык-Куле и у Алмалыка) христианских намогильных камней неизвестно. Приводятся цифры порядка 700 экземпляров [Джумагулов, 1987. С. 38]. Надписи на них выполнены сирийскими буквами, за исключением одной надписи, частично написанной армянской графикой [Март, 1894]. В языковом отношении это сирийские, сиро-тюркские, тюркские и один, выше названный, армянский тексты.

В центре лицевой стороны камня помещается изображение креста (в эпитафиях из Алмалыка он более мелкий и расположен в верхней части). Его обрамляют горизонтальные, написанные справа налево строки сверху и снизу, и вертикальные, читаемые сверху вниз, расположенные справа и слева от него. Количество строк с каждой стороны – 1-2, реже – до 4. Впрочем, строки могут отсутствовать по сторонам, сверху или снизу (рис. 40-42). Значительное количество камней имело только изображение креста (рис. 41, 4); в XIX веке такие камни почти все были оставлены на месте (см. выше).

В отношении лишь одной надписи однозначно фиксируется ее не несторианский (армянский) характер, и делается вывод о существовании общины этого

Рис. 38. Кайрак (намогильный камень) с изображением креста и имитацией (?) надписи. Случайная находка в районе городища Ново-Покровское-IV. Музей школы №2 с. Ново-Покровка

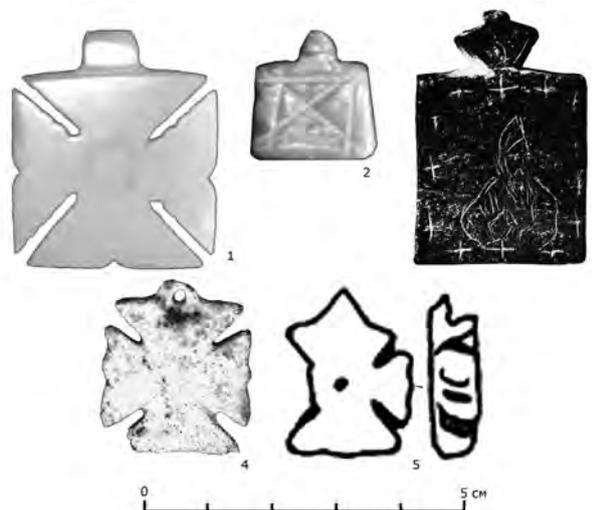

Рис. 39. Нательные кресты и амулеты из камня: 1, 2, 4 – городище Красная Речка; 3 – городище Ново-Покровское-V; 5 – городище Ак-Бешиш, комплекс христианских церквей

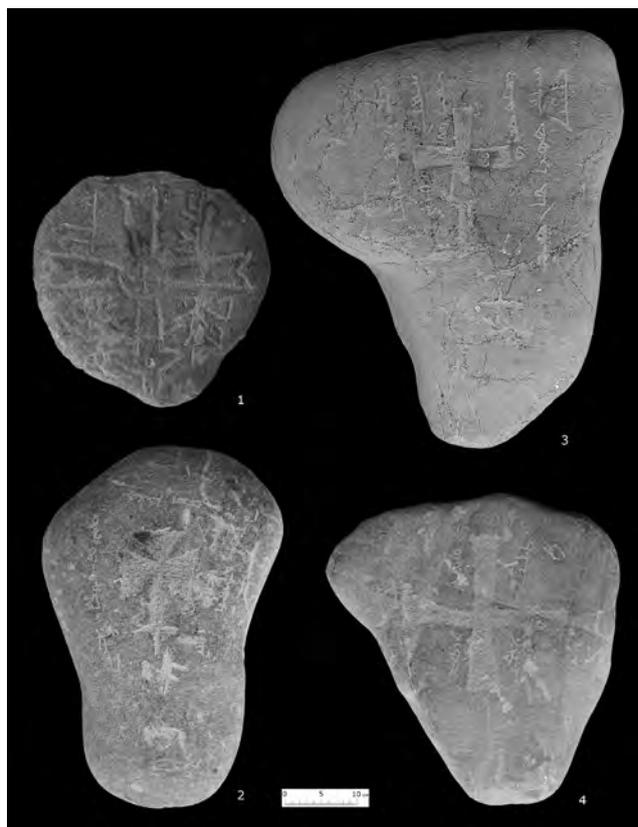

Рис. 40. Кайраки (намогильные камни).
Случайные находки. Фонды археолого-
архитектурного музея «Башня Бурана»

Рис. 41. Кайраки (намогильные камни).
Случайные находки. Фонды археолого-
архитектурного музея «Башня Бурана»

направления [Marr, 1894. С. 348]. Остальные надписи большинство исследователей определяют как несторианские.

Учитывая твердость и неподатливость материала – камень, – многие специалисты-филологи предпочитали не определять почерк как эстрангело, несторианский, яковитский или мелькитский, а только указывали на его сирийский характер. Впрочем, Д. Хвольсон писал: «Все наши надписи принадлежат несторианам и писаны сирийско-несторианскими письменами более позднего типа... В них письмена начинают переходить в курсивные, и являются совершенно новые формы для некоторых букв» [Хвольсон, 1886. С. 85]. Ч.Д. Джумагулов однозначно считает шрифт несторианским, не приводя, однако, сколько-нибудь убедительной аргументации, ограничившись воспроизведением сравнительной таблицы К. Броккельмана и К.Ц. Церетели [Джумагулов, 1971. С. 23-24]. Эстрангело, будучи древнейшей формой сирийского книжного и эпиграфического письма, сложившегося к I–II векам на основе финикийского, является маюскульным, т.е. письмом с отдельным написанием букв [Мещерская, 1987. С. 124, 127], в то время как на рассматриваемых памятниках буквы в словах написаны курсивом, слитно, т.е. использовано миюскальное написание [Мещерская, 1987. С. 127]. В отношении написания некоторых букв, например ‘тав’, П.К. Коковцов, вслед за Д. Хвольсоном, говорит о ее графике, характерной для мелькитов или яковитов (монофизитов), но не для эстрангело или несторианского

почерков и приводит статистические выкладки по начертанию этой буквы на имевшихся в его распоряжении 132 надписях. Исключительно такое ее написание используется более чем в 80% случаев. В еще около 10% эпитафий буква 'тав' пишется на одних и тех же памятниках в характерной манере как для мелькитского-яковитского, так и для эстрангело-несторианского почерков [Коковцов, 1909. С. 779-780].

Другим фактом, позволяющим усомниться в несторианской принадлежности надмогильников, является вертикальное написание строк. По мнению ряда западных исследователей, таких как Land и Duval, приводимому Е.Н. Мещерской, вертикальное написание характерно для яковитского книжного письма [Мещерская, 1987. С. 135]. Впрочем, Захау приводит ряд эпиграфических памятников с вертикальным написанием строк [Sachau, 1882. PP. 142-167]. Ч.Д. Джумагулов характеризует этот факт двусмысленно: «как писали несториане-тюрки? Большинство ученых признают у сирийцев вертикальное письмо» [Джумагулов, 1971. С. 18], т.е. можно заключить, что для него изначально рассматриваемые памятники – несторианские, как и сирийская письменность – исключительно несторианская.

Другим характернейшим критерием для определения стилевых направлений сирийского письма является система огласовки. В яковитском она осуществляется представлением строчных букв греческого алфавита над и под строками, в несторианском – аналогичным использованием точек, а мелькитский характеризуется отсутствием дополнительных знаков вовсе [Мещерская, 1987. С. 136]. На приводимых в многочисленных публикациях фотографиях и прорисовках надписей какие-либо диакритические знаки практически не просматриваются. Правда, Ч.Д. Джумагулов говорит о применении точек для обозначения множественного числа, аналогичному их употреблению в тюркской рунике [Джумагулов, 1971. С. 25]. Мы не обнаружили каких-нибудь над- и подстрочных значков при непосредственном осмотре доступных нам памятников. Но следует помнить, что вышеназванная характеристика приводится исследователями для книжного письма.

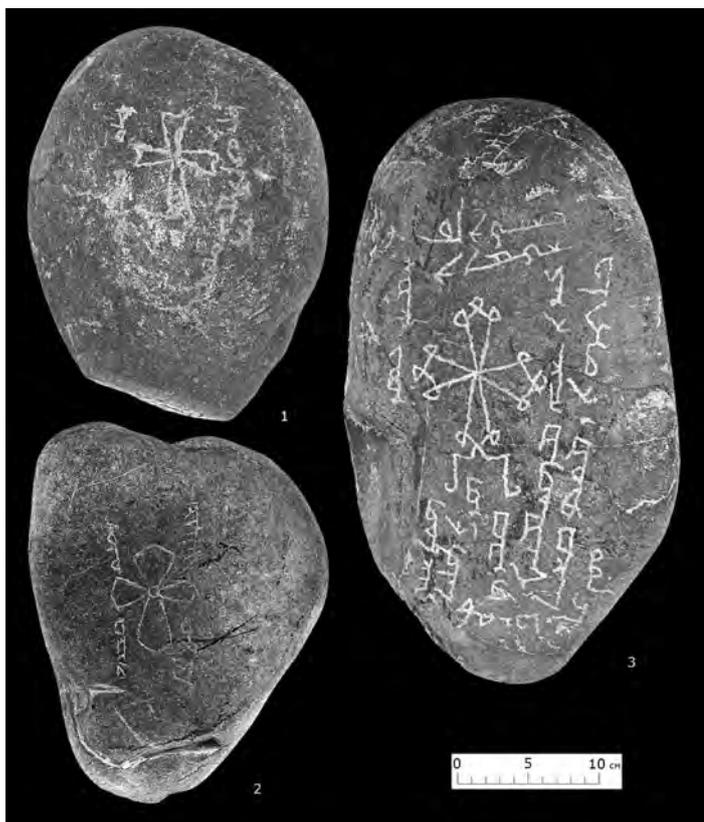

Рис. 42. Кайраки (надмогильные камни). Случайные находки. Фонды Института истории и культурного наследия НАН КР

С другой стороны, есть факты, однозначно относящие ряд надписей к христианам несторианского толка. П.К. Коковцов обратил внимание на название месяцев, имеющих у несториан свои наименования, и недель, обозначаемых первыми строками соответствующих церковных гимнов [Коковцов, 1909. С. 789-794]. Но группа памятников со столь точной датировкой весьма ограничена.

Хотелось бы сказать несколько слов о системе обозначения года в рассматриваемых памятниках. Он указывается в линейной и цикличной форме. Причем может использоваться как тот, так и другой вариант по отдельности, а могут и оба вместе. В ряде памятников датировка отсутствует вовсе. В цикличной форме используется 12-летний тюрко-монгольский животный цикл. При этом название года дается, как правило, на тюркском языке. При использовании только такой формы дата фактически остается неопределимой.

При линейной форме летоисчисления в памятниках употребляются две различные эры: армянская, – единственный зафиксированный случай [Март, 1894], и Александра. Подсчет случаев употребления последней не проводился, но ее употребление устойчиво. На значительном количестве камней при указанной цифре года название эры не указано, но из сопоставления чисел явствует, что имеется в виду, несомненно, эра Александра. В современной литературе она носит название селевкидской – по имени полководца и одного из приемников Александра Македонского Селевка Никатора, и начинается в 311 году до н.э. Интересно отметить, что в сирийских книгах, вышедших из под пера как несториан, так и монофизитов, эта эра называется «греческой» [Пигулевская, 1941. С. 83; История..., 1958. С. 75]. Данный факт позволил П.К. Коковцову назвать употребление в названии эры имени Александра спецификой семиреченских надписей [Коковцов, 1909. С. 783].

Датируется семиреченская христианская эпиграфика, в основном, XIII–XIV вв., но есть единичные памятники X–XII и даже VIII века [Хвольсон, 1886. С. 88-89; Горячева, Перегудова, 1994. С. 91-92]. Впрочем, последняя дата оспаривается В. Кляйном, предложившим свое прочтение спорных эпитафий. Он читает 1426/ 1114-1115 гг. и 1606/ 1295 гг. [Klein, 2000. С. 163-165].

Суммируя вышесказанное о христианских надгробных надписях, можно констатировать наличие бесспорной группы несторианских надгробий и одного армянского. Из текстов же подавляющего количества эпитафий делать заключение об их принадлежности какому-либо течению в христианстве представляется неправомерным. Сопоставления взглядов и наблюдений специалистов-филологов над палеографией не дает возможности однозначной интерпретации памятников как несторианских и требует дальнейших графологических изысканий с четкой аргументацией выводов.

Отдельные находки

Найденные в Кыргызстане и относящиеся к средневековому христианству отдельные артефакты можно условно разделить на несколько групп: нательные и близкие к ним по размеру кресты и амулеты из металла и камня; керамические изделия – сосуды с благожелательными надписями и терракотовые плакетки; детали интерьера.

К последним, надо полагать, относится найденное в окрестностях Оша каменное усеченно-биконическое изделие (фото 7). На его торцевых сторонах выбит равноконечный крест с расширяющимися концами. Причем на одной стороне изображение очень четкое и рельефное, а на второй – как бы стертое и потому расплывчатое. Мы воздержимся

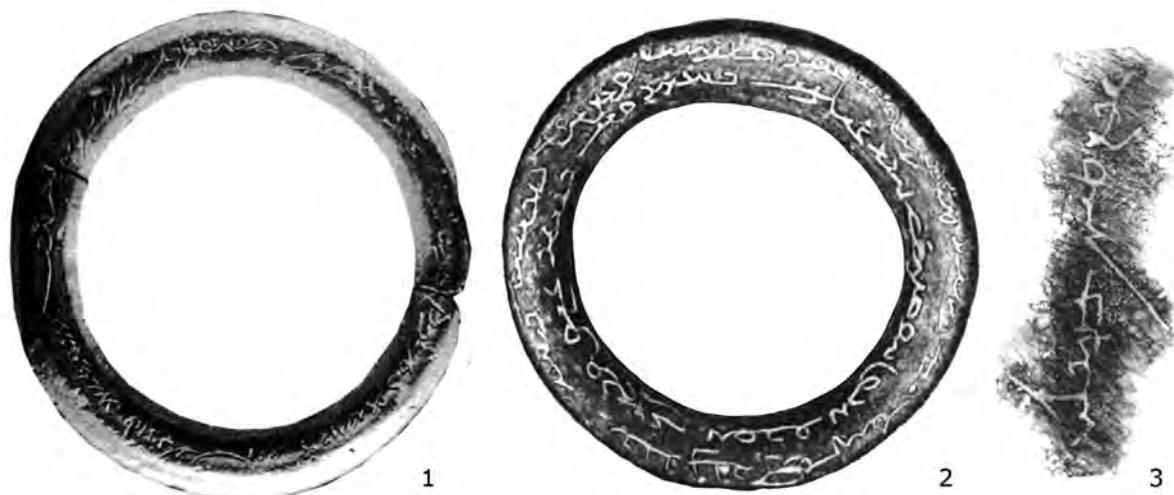

Рис. 43. Согдийские надписи на хумах с христианским контекстом: 1 – с городища Красная Речка; 2 – из окрестностей села Ново-Покровка; 3 – с городища Тараз (по: Лившиц, 2008)

от датировки и функционального определения этого артефакта. Заметим лишь, что это единственный христианский артефакт в кыргызстанской части Ферганской долины.

В связываемых с христианством керамических изделиях упомянем, прежде всего, согдийскую надпись на хуме (рис. 43, 1), найденном южнее центральных развалин городища Красная Речка при строительстве БЧК в 1941 году [Чуйская долина, 1950. С. 89], о которой мы упоминали выше. В.А. Лившиц первоначально перевел ее так: «Этот хум (предназначен) для учителя Йарук-тегина. Мастер – Пастун. Пусть будет он (- хум) наполненным. Аминь, аминь!» [Лившиц, 1989. С. 81-82; ср.: Лившиц, 2002. С. 131. Рис. 3]. Двадцать лет спустя появилось несколько иное прочтение окончания надписи: «Этот сосуд (сделан) для учителя Йарук-тегина. Мастер (?) – Паштван. Да будет (учитель ?) усердным» и отмечается, что слово «учитель» – от сирийского «*mpl'nu*» [Лившиц, 2008. С. 353-354], т.е. с религиозным подтекстом.

Кстати заметить, что известно еще две надписи с аналогичной подписью «мастер Пастун/Паштван» – с того же городища Красная Речка и из окрестностей села Ново-Покровка. Обе они найдены также в 1941 году при строительстве БЧК. Первая из них фрагментарная и короткая: «Мастер этого хума – Пастун» [Лившиц, 1989. С. 82]. Другая – в две строки (рис. 43, 2). Она обнаружена где-то в районе села Ново-Покровка, вероятно в его западной части [Чуйская долина, 1951. С. 91]. находка напрямую не связана ни с одним из пяти городищ, фиксировавшихся в свое время в окрестностях села [Кожемяко, 1959. С. 107-111, 141-144; Кольченко, Ротт, 2005]. Надпись гласит: «(1) Этот сосуд – дар народа (или «общины») Пакапа. Это вино в радостное время пей, государь ясновидящий (?). (2) Для государя Алп-бильга, получившего харизму от богов (в) собственность (?). Да будет (он) счастливым, благоденствующим» [Лившиц, 2008. С. 354-355].

Последней по времени обнаружения стала согдийская надпись на хуме (рис. 44), найденном в части А комплекса христианских церквей на Ак-Бешиме. Хотя надпись напрямую не говорит о христианстве – «Этот сосуд вместе с посудой (?) ..., подаренный для

Рис. 44. Надпись на хуме из хум-хоны в церкви А комплекса христианских церквей (Объект VIII) городища Ак-Бешим

надписью «...епископ Ширфан» [Лившиц, 1989. С. 83; Лившиц, 2008. С. 355]. Так же с территории Казахстана, но уже из средневекового Тараза в средней части долины реки Талас, происходит еще одна надпись на хуме (рис. 43, 3) с указанием на церковное лица: «пресвитер Иль-таг» [Лившиц, 1989. С. 83; Лившиц, 2008. С. 355-356].

Если употребление слова «учитель» (*malp'ânâ*) в большой надписи Пастуна с Красной Речки и упомянутых лиц на надписях из Кысмычи и Тараза можно понимать как указание и на христианство, и на манихейство, то факт занятия виноделием именно христиан в Чуйской долине, зафиксированный находкой в комплексе церквей Ак-Бешима, добавляет аргумент для первого из этих толкований.

Среди случайно найденных керамических артефактов другого рода, нежели надписи на хумах, необходимо упомянуть фрагмент плакетки с шахристана городища Красная Речка (рис. 45). Он своевременно не был идентифицирован и опубликован среди керамики X-XII вв. со штампованным орнаментом [Горячева, 2010. Рис. 211], хотя совершенно аналогичен плакеткам с Ак-Бешима.

На том же городище Красная Речка еще в 80-х годах прошлого века были найдены маленький прямоугольный медальон из белого камня с прочерченным косым крестом и нефритовый нательный крест (рис. 39, 1-2, 4) [Горячева, 1988. Рис. 27]. Еще один нефритовый крестик, с несколько иной трактовкой концов, был найден на Ак-Бешиме при раскопках Объекта VIII (рис. 39, 5) [Семенов, 2002. Рис. 54, 6]. Наконец, в архиве школьного музея с. Ново-Покровка нами была сделана копия фотографии небольшого медальона (рис. 39, 3) и записи о нем в инвентарной книге, гласившая: «Медальон прямоугольной формы из черного камня с небольшим сердцеобразным выступом в верхней части для прикрепления; ушко отломано. На одной стороне рисунок, напоминающий накрест лежащие мечи, изображенные 3-мя параллельными линиями, окаймленные по краю пря-

(его) величества Алана благоденствующего» [Лившиц, 2002. С. 128; Лившиц, 2008. С. 358-363], но сам факт ее находки в храме в хум-хоне свидетельствует о христианском виноделии [Семенов, 1999], а также косвенно о том, что Объект VIII был большим монастырем со своим хозяйством (и землями – ?). Эта находка также важна в плане дополнительного археологического подтверждения датировки подобных надписей началом II тысячелетия.

Более определенно с христианством (или манихейством) текстом связана находка в казахстанской части Чуйской долины на городище Кысмычи, которое А.Н. Бернштам считал средневековым городом Якалыг [Чуйская долина, 1950. С. 27. Табл. XXVII, 1]. Это фрагмент с

моугольника 2-мя параллельными линиями. На лицевой стороне изображен воинственный мужчина в остроконечном меховом колпаке и меховой одежде. Напоминает сака. По краю прямоугольника маленькие крестики (13 шт.)». Там же указано, что найден он был в районе городища Ново-Покровское-V и приведены его габариты: общая высота с выступом – 3,8 см, размеры прямоугольника 3х2,4х0,3 см. Нам представляется, что на лицевой стороне изображен монах с бородкой в тканном головном уборе и рясе, а на обороте – крест, аналогичный таковому на медальоне с Красной Речки. Таким образом вырисовывается серия христианских атрибутов индивидуального пользования из камня. В силу случайного характера обнаружения большинства из них об их временном единстве говорить едва ли уместно и лишь акбешимская находка является в этом неким хронологическим репером.

В последние годы «случайно» выявлено большое количество таких христианских артефактов, как металлические нательные кресты. Кажется, их общее количество, найденное на территории страны, перевалило за сотню. Подавляющее большинство из них небольшие по размерам – 2-5 см, и сделаны из бронзы. Но встречаются экземпляры по 6-8 см. Помимо бронзы известны крестики из серебра и свинца (?). В плане первичной классификации можно подразделить их на три группы. Первые две – плоские и округлые в сечении изделия; и те, и другие являются литыми. Причем, как уже указывалось, местного производства [Ротт, 2005. С. 48]. Отдельную классификационную группу составляют кресты, сделанные из монет – тюркешских и караханидских (фото 8); последние особенно важны для их датировки началом 2-го тысячелетия.

Кресты круглые в сечении (фото 9), кажется, не успели пройти цикл функционирования, который привел бы к определенной унификации. Мы имеем ввиду то, что встречаются как равноконечные кресты, так и с равно-удлиненными вертикальными частями, или доминированием верхней или нижней из них. Но во всех случаях концы крестов не просто цилиндрические, а сложно-профилированные, каждый состоящий как-бы из трех-пяти элементов, нанизанных на ось. В месте перекрестья достаточно регулярно с одной или двух сторон прочерчивается крест.

Плоские литые кресты также встречаются с разным абрисом, но всегда без антропоморфных или иных изображений (фото 10). Наиболее устойчивым является вариант с равноконечными, расширяющимися от центра к краям концами, оканчивающимися двумя перлами. Несколько реже встречается вариант с раstraивающимися концами. В обоих

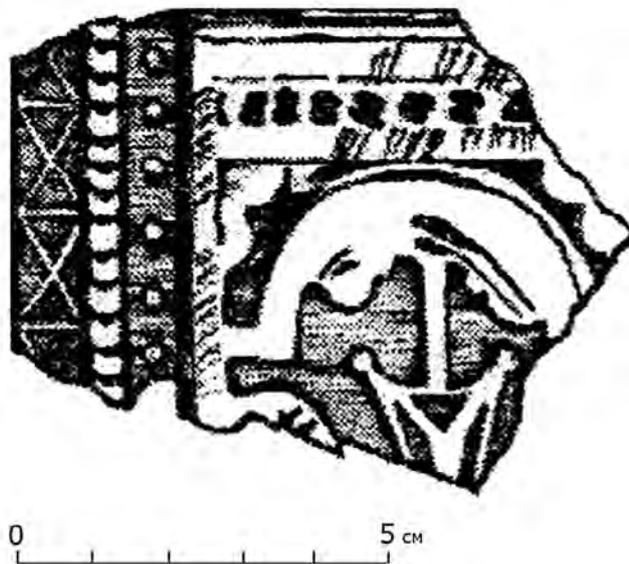

Рис. 45. Фрагмент керамической плакетки с городища Красная Речка. Случайная находка (по: Горячева, 2010)

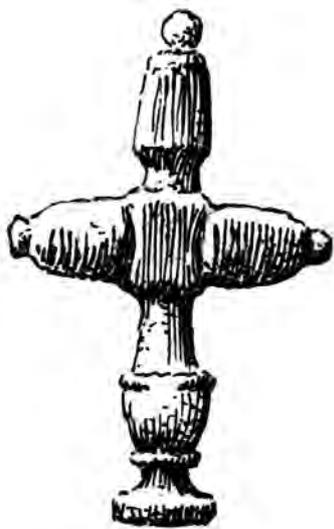

Рис. 46. Бронзовый нательный крест из погребения в христианской церкви (Объект IV) городища Ак-Бешим. Раскопки 1954 года Л.Р. Кызласова

вариантах зачастую выделяется перекрестье – небольшим перлом, рельефной окружностью или увеличенной толщиной.

Крест в обрамлении фестончатой четырехлепестковой рамки, превращающей его, по сути в медальон, является еще одним традиционным вариантом.

Датировать эти кресты достаточно сложно, так как лишь три (!) из них имеют некоторый археологический контекст. Да и те сами нуждаются в датировании. Тем не менее, это плоский крест с расширяющимися концами, найденный в женском погребении на некрополе городища Красная Речка (рис. 27), плоский крест, найденный при раскопках жилого дома (караханидского времени – ?) в 1972 году на том же городище [Горячева, 1988. С. 67], и круглый в сечении крест из раскопок Л.Р. Кызласова христианской церкви на Ак-Бешиме (он не был опубликован при раскопках, но нам удалось обнаружить его карандашный рисунок в рукописной полевой описи находок с объекта¹⁹) (рис. 46). Следовательно, их датировка с учетом как первоначально предложенных дат объектов, так и высказанного выше – VIII–XI (XII) века.

География «случайных» находок нательных крестиков достаточно узка. Это городища Бурана, Ак-Бешим, Красная Речка и Кара-Джигач в Чуйской долине и район Каракола – Курментов на побережье оз. Иссык-Куль. Как это ни странно, но их не встречено любителями поиска древностей западнее Бишкека. Связано ли это с недостаточностью работ или отсутствием в средневековье в многочисленных городах указанной зоны христианских общин – остается непонятным.

Находки аналогичных изделий в Средней Азии в целом не многочисленны, но регулярны и известны во многих историко-культурных областях: в среднем течении соседней Таласской долины [Ремпель, 1983. С. 169-176], Чаче [Богомолов, 1994. С. 71-78], Согде [Тереножкин, 1950. С. 166; Беленицкий и др. 1982. С. 217], Мерве [Логинов, Симпсон, 1994] и др. При описании таких христианских находок часто используется фраза, ставшая во многом штампом: «несторианский крест». Применение термина к описанию иконографически различных изображений (ср. [Тереножкин, 1950. С. 167] и [Мусакаева, 1994. С. 46]) ставит следующие за описанием культурологические выводы о принадлежности вещи именно несторианам под сомнение. К сожалению, нам не удалось отыскать исходной точки применения данного термина или его описания/рисунка в литературе.

Насколько можно судить, чаще всего имеется в виду равноконечный крест с четырьмя концами, расширяющимися от центра к краю. Но такая форма креста употреблялась как

¹⁹ Опись была предоставлена нам Б.Э. Аманбаевой, за что выражаем ей нашу благодарность. К ней она попала от Г.А. Брыкиной, ее автора, при сборе материалов к кандидатской диссертации. И.Л. Кызласов сообщил нам, что в архиве Л.Р. Кызласова им также обнаружены рисунок и фотография этого крестика.

в Византии VI–X вв. [Даркевич, 1966. Таб. 15, 21; Моран, 1982. С. 255-256. Рис. 429-430], так и в более западных районах, например, в Ливерсе (Голландия), где несторианства никогда не было [Даркевич, 1966. С. 8]. Крест такой формы А. Донино называет «мальтийским» [Донино 1989. С. 160-161]. Среди российских, и не только, наградных орденов эта форма также обычна и традиционна, к примеру – Георгиевский крест. Кстати, такой же крест изображен на шатровом куполе иссыккульского «монастыря армянских братьев» Каталанской карты 1375 года [Klein, 2000. С. 430].

Другим иконографическим вариантом, к которому часто применяют термин «несторианский крест», является аналогичный изображению на плакетках Ак-Бешима – с удлинённой нижней частью и раздваивающимися концами. Но абсолютно такая же иконография крестов также широко распространена. К примеру, армянские надгробные сооружения-хачкары, синхронные кладбищам Кара-Джигача и Бураны [Мемориальные ..., 1984].

Некоторые дополнительные сведения об этих формах крестов имеются в статье Ф. Ротта [Ротт, 2005. С. 48-50].

Приведенные примеры показывают неудачность термина или, во всяком случае, недопустимость отнесения предметов с его изображением к христианам-несторианам лишь на основании иконографии. Разнообразие же изображений даже равноконечных крестов только с надгробных Чуйской долины [Джумагулов, 1987. С. 134; Горячева, Перегудова, 1994. С. 93] делает термин «несторианский крест» попросту пустым.

Обобщения

Подводя итог нашему рассмотрению, хотелось бы остановиться на двух аспектах: географии распространения христианских древностей по территории Кыргызстана и их датировке. Затем, скоррелировав археологические данные с письменными источниками, мы изложим наше видение истории средневекового христианства нашей страны.

География распространения. Нам известно о шести пунктах находок христианских древностей в Чуйской долине, двух – в Таласской долине и одного – в Ферганской. Итого, можно говорить о восьми пунктах/ареалах фиксации средневекового христианства в Кыргызстане. Безусловно, они неравнозначны между собой ни по достоверности информации, ни по концентрации и разнообразию в этой точке, ни по датировке.

Первой точкой фиксации христианских древностей является Припишпекское (Кара-Джигачское) кладбище вблизи одноименного селища. Оно расположено километрах в 5-7 к юго-востоку от современной границы города Бишкек. Некоторыми исследователями Припишпекское (Кара-Джигачское) селище отождествляется с городом Тарсакент, упомянутым у Мухаммада Хайдера. Как мы писали выше, в XIX веке здесь исследовались: погребения в подбоях и ямах под могильными конструкциями (земляными холмиками, выкладками из кирпича, каменными оградами) и в мавзолеях; надгробные камни с этих могил, часть из которых имеет точные даты; также здесь были найдены нательные крестики вне раскопанных погребений (фото 9, 2-3).

Вторая точка фиксации христианских древностей – село Ново-Покровка. Оно расположено в 6-8 км к север-северо-востоку от Кара-Джигача и примыкает с востока к границам современного Бишкека. Здесь было четыре находки, связанные с христианством. Это обнаруженный в середине села в холме набор серебряной посуды, на кувшин которого надчеканены христианские символы [Городецкий, 1926] (фото 6); миниатюрный каменный медальон с изображением монаха, найденный в северо-восточной

части села у городища Ново-Покровское-V (рис. 39, 3); обнаруженный в 1986 году в районе городища Ново-Покровское-IV в северо-западной части села намогильный камень с изображением креста (рис. 38) и выкопанный вероятно там же в 1941 году хум с надписью, содержащей характерные христианам обороты (рис. 43, 2). Иными словами, христианские артефакты находились в разных частях современного села на удалении друг от друга до 3-4 километров и не привязываются к одному из городищ Ново-Покровской группы.

Третий пункт обнаружения христианских древностей – городище Красная Речка. Оно расположено в 32-36 км восточнее Бишкека и является самым большим в Чуйской долине. Городище отождествляется со средневековым городом Невакет/Синь-чен. В разные годы здесь находились надписи на хумах, увязываемые с христианством (рис. 43, 1), нательные крестики разных типов из бронзы и камня, один из которых был найден в погребении (рис. 27), а другой – в жилом караханидском доме, фрагменты керамических иконки-плакетки (рис. 45) и сосуда с изображением креста (рис. 28), керамический и каменные намогильники (рис. 3). Одни из перечисленных находок обнаружены в разных частях центральных развалин, а другие – у восточного участка длинной стены, т.е. удаленность мест нахождения христианских древностей на этом городище составляет от 200-300 м до 3-4 км. Тем не менее, они найдены в пределах одного средневекового обрзования.

Следующий, четвертый пункт – городище Ак-Бешим. Оно расположено в 20 км по прямой к юго-востоку от центральных развалин городища Красная Речка и в 8 км почти к западу от современного города Токмак. Городище отождествляется со средневековым городом Суяб – столицей западных тюрок и тюркешей. Только на этом городище в ходе профессиональных археологических раскопок были обнаружены и изучены христианские архитектурные объекты: церковь в шахристане-2 и комплекс церквей в шахристане-1, описанные выше. Артефакты, найденные при этих раскопках, являются важнейшими хронологическими реперами для датировки найденных случайно предметов. Помимо христианских артефактов из раскопок на этом городище «случайно» было найдено значительное количество металлических нательных крестов. В том числе к северо-западу от шахристана-1. Но здесь не обнаружено ни одной намогильной эпитафии.

Самый восточный, пятый и последний достоверно известный пункт средневекового христианства в Чуйской долине – городище Бурана. Он расположен в 8 км к юго-востоку от центральных развалин Ак-Бешима и в 10 км по прямой на карте к югу от Токмока. Городище отождествляется с одной из столиц караханидов и кара-китаев (киданей) городом Баласагун. В XIX веке здесь по намогильным эпитафиям было обнаружено христианское кладбище, расположенное южнее центральных развалин, и раскопано около 50 погребений (см. выше). В одном из них был найден нательный крестик. В свое время М.Е. Массон писал об обнаружении им нового христианского кладбища к северу от шахристана, но не привел ни рисунков, ни фотографий, ни описаний в подтверждение этого. Таким образом, эта точка является созданной лишь фразой авторитетного ученого. В последующие годы на городище было найдено много надгробных камней, но точной статистики не велось; часть из них публикуется на рис. 40 и 41. Также вокруг центральных развалин было найдено несколько нательных бронзовых крестов.

Также в Чуйской долине по информации от владельца частной коллекции артефактов на городище Шиш-Тюбе, что расположено в 60 км к западу от г. Бишкек, на северной окраине г. Кара-Балта, отождествляемого со средневековым городом Нузкет, был найден крестик, сделанный из караханидской монеты конца XI – начала XII века (фото 8, 2).

Шестой достоверный пункт нахождения христианских древностей Кыргызстана расположен уже в Иссык-Кульской котловине, в юго-восточной части побережья, на реке Жуука. От крайнего восточного пункта в Чуйской долине – городища Бурана – он удален на 220-225 км по прямой на карте. Здесь в разные годы было найдено несколько надгробных камней, позволивших считать это местонахождение кладбищем. Два камня с надписями опубликованы, о чем мы писали выше.

Другое иссыккульское местонахождение христианских древностей – ареал от Каракола до села Курменты, включая само городище Курменты, – отстоит от кладбища на реке Жуука на 45-55 км по прямой в северо-восточном направлении и занимает северо-восточное побережье озера. Здесь «случайно» были найдены несколько нательных крестов и серебряная коробочка-мошевик (?).

От ареала нахождения Курменты – Каракол в северо-восточном направлении за двумя горными хребтами в 100 км по прямой на карте находится городище Талгар (Казахстан), которое является ближайшим пунктом обнаружения христианских древностей.

В Таласской долине находится седьмой достоверный пункт обнаружения христианских древностей – городище Ак-Тобе Таласское. Оно отождествляется со средневековым городом Текабкет. Среди опубликованной керамики из раскопок 1956 года на одном фрагменте изображен прочерченный до обжига равноконечный крест с расширяющимися от центра к краям концами [Кожемяко, 1963. Табл II].

Также в Таласе, на городище Садыр-Курган, отождествляемом со средневековым городом Шельджи, было «случайно» найдено два или три бронзовых медальона, которые можно трактовать как христианские [Камышев, 2012. С. 102. Илл. VII,2 и IX]. Городище Садыр-Курган расположено в 55 км западнее Ак-Тобе Таласского и в 30 км к юго-востоку от Тараза.

Таким образом, мы имеем относительно компактную группу местонахождений в восточной части Чуйской долины, между крайними точками которой 55 км по прямой (Припишпекское и Буранинское кладбища), и два пункта на побережье Иссык-Куля, которые условно можно объединить в отдельную группу. В западном и северо-западном направлениях от восточно-чуйской группы ближайшие пункты нахождения христианских древностей расположены в 60 км по прямой на карте – городища Шиш-Тюбе и Ак-Тобе Степнинское соответственно. Они оба расположены еще в Чуйской долине; между ними по прямой 45 км. В восточном-северо-восточном направлении по прямой на карте до упомянутого выше городища Талгар 170-175 км. В южном направлении известные христианские древности находятся на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в 350-400 км.

У нас нет достаточных данных для объяснения феномена этих двух групп той или иной гипотезы. С одной стороны предполагать, что в средневековье в средней части Чуйской долины христиане не селились – было бы нелогично. А значит, дело лишь в степени изученности территорий вокруг восточно-чуйской группы памятников. Однако

любители «случайного» поиска археологических металлических артефактов бывали и на многочисленных городищах между Бишкеком и Мерке, но информации об обнаружении ими христианских артефактов нет. В настоящее время мы предпочитаем, обозначив этот вопрос, оставить его открытым.

Хронология древностей. Вопрос датировки христианских древностей Кыргызстана достаточно проблематичен как по отдельным раскопанным объектам, что мы стремились показать выше в соответствующих местах, так и по категориям находок и их группам в отдельных локациях. Это во многом связано с характером происхождения – многие артефакты были найдены вне раскопок и, следовательно, не имеют археологического контекста, помогающего в вопросе датировки. А количество артефактов, полученных при раскопках, незначительно для надежной датировки методом аналогий.

Тем не менее, этот вопрос не абсолютно безнадежен и имеет локальные и предварительные решения.

Так, для датировки и осмысления христианских древностей Припишпекского (Кара-Джигачского) кладбища можно опереться на следующие моменты. По монетным находкам селища датируется от середины XI до второй половины XIV века, причем ранних, т.е. домонгольских, монет найдено не много, что указывает на неразвитость поселения в этот период. Другие категории артефактов с селища, в том числе керамические, специальному анализу не подвергались. Виденные нами фрагменты керамики также позволяют говорить о наличии небольшой фракции глазурованной посуды (как достаточно индикативной) конца XI – начала XII века при доминировании более поздней, вплоть до тимуридского времени. На надгробных эпитафиях исследователи (не разделявшие камни с Припишпекского и Буранинского кладбищ) прочитали преимущественно даты между 1255 и 1342 годами [Слущкий, 1889. С. 17], хотя самая ранняя из них относится, кажется, к 1251 году [Хвольсон, 1895. С. 118], а самая поздняя – к 1373 году [Слущкий, 1889. С. 17]. Такая датировка намогильников вполне вписывается в рамки жизни селища/города. Но она склоняет к предположению, что его основание не связано непосредственно с христианами, а было следствием урбанистического взрыва караханидской эпохи. Христианская же община появилась в нем позже, но заняла доминирующее положение, позволившее сформировать кладбище, на котором не выявлено явных нехристианских захоронений; даже те два описанные выше погребения в холме С, что совершены в сидячем положении, явно противоречащем христианской практике, сопровождаются камнями с крестами.

Часть нательных крестиков из частных коллекций, найденных по сопровождавшей их информации на этом городище (фото 9, 3), и крестик, найденный в свое время Н.Н. Пантусовым (рис. 1), а также створка креста-энколпиона [Историко-археологический..., 2013. С. 87] типологически выпадают из общего ряда и не могут быть реперами при датировке по аналогии для остальных крестиков. Но это не мешает им быть синхронными христианскому кладбищу. Здесь же находили круглые в сечении литые кресты (фото 9, 5).

В целом же христианские памятники Припишпекского (Кара-Джигачского) селища, включая кладбище, представляются хронологически единой, функционировавшей в рамках одной культурной общности без прерывов и серьезных потрясений группой.

Близкое обоснование датировки должно быть дано и христианским древностям Бураны. Разница будет в том, что городище Бурана к началу X века было уже достаточно

крупным населенным пунктом, в котором доминирующее положение, исходя из зафиксированных памятников и их размещения в самом шахристане, занимал ислам. Однако христианские надгробные камни, как сказано выше, датированы серединой XIII – серединой XIV века, т.е. временем, когда былое величие этого города осталось в прошлом. Но в его центре продолжали жить мусульмане, хоронившие своих умерших обособленно на территории шахристана. Вероятно, христианская община этого времени (сер. XIII – сер. XIV вв.) располагалась обособленно южнее шахристана.

Вопрос с нательными крестами Бураны является несколько сложнее случая с припишпекскими. Дело в том, что типологически они хорошо вписываются в группу плоских литых крестиков с расширяющимися концами и выделенным перекрестьем, широко представленных в сборах с городищ Красная Речка и Ак-Бешим (фото 10). Но по имеющимся в настоящее время данным, Ак-Бешим к середине XIII века стоял уже заброшенным (см. ниже), а значит, нательные крестики Бураны должны быть датированы более ранним временем. Впрочем, что мешает обсуждаемому типу продолжать бытовать далее, после крушения культуры, его породившей?!

Здесь же заметим, что архивные документы XIX века привязывают кладбище Бураны к группе холмов, сохранившихся до настоящего времени, в которых допускают наличие культовых зданий. Значит, это предположение может быть однажды проверено археологически.

Достаточно уверенно датируются христианские памятники городища Ак-Бешим. Само городище, по археологическим данным, полноценно существовало в караханидское время, но к приходу монголов в начале XIII века уже перестало функционировать.

Недавно частично раскопанный комплекс христианских церквей, как мы отмечали выше, надежно датируется караханидским временем – X-XI веками, и может быть, продолжал функционировать в XII веке.

Раскопанная в шахристане-2 церковь датируется временем не ранее третьей четверти VIII века (см. выше), что не исключает ее строительства на рубеже II тысячелетия. Принимая предложенный В. Кляйном тезис о переносе церкви из этого, ставшего тесным здания на новое место в шахристане-1 и превращение ее участка в кладбище, мы получаем дополнительный аргумент к более поздней датировке объекта. А это означает, что погребение 15, в котором был найден нательный крестик, синхронно комплексу христианских церквей, и, соответственно, тип круглых в сечении литых крестов бытует в X-XII веках. Впрочем, появиться этот тип мог и раньше.

Таким образом, можно полагать, что акбешимские христианские артефакты – как полученные в раскопках, так и найденные «случайно» – относятся в основном к X-XII векам или несколько более раннему времени.

Христианские древности с городища Красная Речка, пожалуй, самые разнообразные. Для многих из них предложены датировки, ряд из которых оспаривается специалистами. Наиболее ранняя дата дана для плоского литого нательного крестика, найденного в погребении на некрополе, – VIII век (рис. 27). Как мы уже отмечали, приведенных в публикациях данных не достаточно для бесспорности такой датировки. Но они и не позволяют исключать ее.

Достаточно четко датирован другой артефакт – фрагмент керамической плакетки-иконки (рис. 45). Он отнесен к X-XII векам. Причем такая дата вытекает как из технологических признаков, на которые опиралась В.Д. Горячева, еще не понимая, с чем имеет дело [Горячева, 2010. Рис. 122], так и по аналогии с акбешимскими плакетками из комплекса христианских церквей.

Такую же дату – X-XII века – имеет хум с согдийской христианской надписью. Это вытекает как из наблюдений специалистов-филологов над палеографией, так и по аналогии с надписью на хуме из комплекса христианских церквей на Ак-Бешиме.

Подобная дата – вторая половина XI века или XII век – была предложена и для фрагмента жженого кирпича с эпитафией и изображением креста (рис. 3). Напомним случайный характер находки. А.Я. Борисов отмечает, что по начертанию сам шрифт очень близок эпитафиям на камнях XIII-XIV веков [Борисов, 1963. С. 56], т.е. может быть и несколько более позднего времени, чем предложенная дата.

Найденные на цитадели в фундаменте дома два намогильных камня датируются по разным чтениям концом VIII и началом X веков [Горячева, 1988. С. 64-65] или началом XII и концом XIII веков [Klein, 2000. PP. 163-165]. Типологически второе чтение выглядит предпочтительнее. При первом чтении эти два камня оказываются самыми ранними в Чуйской долине, причем с временным зазором от последующих камней, что нам представляется маловероятным. Так как археологические материалы из дома, в фундаменте которого камни были найдены, не опубликованы, то археологический аргумент применить невозможно. Решение имеющейся дилеммы видится нами в новом прочтении этих камней с развернутой аргументацией оснований к выводам. Как бы ни был решен вопрос с их датировкой, бесспорным остается то, что камни использованы вторично. Логично предполагать, что кладбище, с которого их взяли для строительных нужд, расположено где-то поблизости. И еще следует подчеркнуть: в обоих случаях получается, что возраст намогильников разнится более чем на век – на 120 или 180 лет! Это тот минимальный срок, который функционировало кладбище.

Последние по времени обнаружения намогильные камни с Красной Речки, найденные в 2,5-3 километрах от цитадели на восточной окраине городища, остаются пока не датированными. Лишь на одном из них имеется сохранившаяся частично надпись, дарящая надежду на получение точных дат после прочтения. Типологически кайраки предварительно могут быть датированы серединой XIII – серединой XIV века.

Недалеко от места их обнаружения в 2004 году нами был поднят фрагмент керамического сосуда с прочерченным до обжига изображением равноконечного креста (рис. 28). Исходя из абриса, особенностей формовки и формовочной массы, характера обжига, мы склонны датировать этот фрагмент в пределах XII–XIV веков.

Интуитивно склоняясь к датировке «случайно» найденных на городище Красная Речка нательных крестов X-XII веками, мы не можем исключить возможности их появления на памятнике на один-два века ранее, как и бытования на его территории до XIV века. В целом вопрос датировки нательных крестов должен оставаться открытым до получения хотя бы некоторого количества стратифицированных находок.

Обобщенную датировку христианских древностей городища Красная Речка сформируем таким образом: бесспорно наличие артефактов X-XII веков; весьма вероятно да-

тировка группы артефактов, преимущественно найденных на восточной окраине городища, XII-XIV веками; не исключено наличие христианских артефактов VIII-IX веков.

Также хронологически весьма пестра новопокровская группа христианских находок.

Наиболее точно и надежно датируется надпись на хуме (рис. 43, 2) – X-XII века.

Намогильный камень (рис. 38) типологически может быть отнесен к XIII-XIV векам.

Четких критериев для датировки миниатюрного каменного медальона с изображением монаха (рис. 39, 3), как и отнесение его самого к христианским древностям, не существует. Хотя бы в силу единичности антропоморфного изображения как такового на христианском артефакте региона. На память приходит лишь крест-энколпион из Кара-Джигача, датируемый по аналогиям XIII веком.

Дата изготовления серебряного кувшина с надчеканом (фото 6), как и всего комплекса посуды (рис. 2), определена Б.И. Маршаком VII-VIII вв. [Маршак, 1971. С. 91]. Однако подобные металлические сосуды могут долго оставаться в обращении, а надчеканка христианских символов могла быть выполнена далеко не сразу. Исходя из этого, дату VII-VIII века следует воспринимать как *terminus post quem* для комплекса, т.е. не исключая и более поздних дат.

Из выше резюмированного следует, что восточно-чуйская группа средневекового христианства делится на две хронологические подгруппы – X-XII и XII-XIV вв. Но нельзя исключать и того, что христиане появились здесь несколько ранее – в VIII веке.

Про иссыкульскую группу говорить особо нечего. Переведенный камень имеет дату 1642 год «счисления хана Александра» [Коковцов. 1909. С. 788], т.е. 1310 год. Она хорошо вписывается в датировку всех христианских намогильных камней Кыргызстана и прилегающих территорий.

Те несколько нательных крестиков и одну серебряную коробочку-мошевик с христианскими напаянными орнаментальными мотивами, что известны с городища Курменты и прилегающего ареала, датировать весьма сложно в силу неразработанности типологии артефактов, размытости данных о местах их обнаружения и недостаточности данных по хронологии самого городища Курменты, как основного в этом ареале. Тем не менее, здесь найдены два литых крестика: круглый в сечении и плоский равноконечный с расстроенными концами «корсунчик» [Историко-археологический..., 2013. С. 87]. Последний по аналогии с крестиками с территории Европейской России может быть датирован XIII-XIV веками, а первый сопоставлен с аналогом с Припишпекского кладбища, а также из христианской церкви на Ак-Бешиме.

Таким образом, иссыкульская группа христианских древностей, кажется, целиком относится к XIII-XIV векам.

Письменные источники привносят мало дополнительной информации о средневековом христианстве на территории Кыргызстана. Хотя косвенно к территории страны относится значительное количество сообщений [Кольченко, 2002. С. 170-178], но достаточно конкретно можно локализовать лишь немногие. Хронологически первое из них принадлежит Наршахи (899-959 гг.), который в своей «Истории Бухары» сообщает, что в городе Мирки мечеть располагалась в здании бывшей церкви [Бартольд, 1996. С. 269]. Несколько позже ал-Мукаддаси, живший во второй половине X – начале XI века, сообщает, что после захвата города Тараза в 893-894 годах эмиром Исмаилом Самани «главная церковь» была превращена в соборную мечеть [Бартольд, 1996. С. 269]. Иными словами,

эти авторы фиксируют наличие христиан на западе Чуйской долины и расположенном несколько западнее городе Таразе в конце IX века.

Средневековый сирийский историк церкви Амр б. Матта в составленном им в середине XIV века списке существовавших когда-либо несторианских метрополий, наряду с Гератом, Мервом, Самаркандом, Туркестаном, Тангутом, называет метрополии «халлухов» и «Невакета и Кашгара» [Бартольд, 1996. С. 285]. Причем, в последнем случае не совсем однозначное понимание – идёт речь об одной или двух разных метрополиях. Но в списках участников несторианских синодов за период с V по середину VII веков среднеазиатских представителей еще не значится [Бартольд, 1996. С. 261]. Однако эти сообщения мало что дают к хронологии – список указывает лишь на то, что перечисленные метрополии существовали между VII и XIV веками. Заметим, что локализация «халлухов» сообщения, как и в одном из посланий несторианского патриарха/католика Тимофея I (778-823) «тюркских племен», обращенных им, весьма проблематична [Кольченко, 2002. С. 175-176].

Автор XIII века Ала ад-Дин Джувейни (1226-1283) сообщает, что до «совращения в идолопоклонство» христианами были многие найманы во главе с их предводителем Кучлуком. В 1205 (или 1208) году найманы переселились из Прииртышья к Баласагуну, а в 1213 году захватили в нем власть [Бартольд, 1996. С. 288]. Последним по времени сообщением о христианстве нужно считать информацию Шараф-ад-Дина Али Йазди, умершего в 1454 году. В вводной части своего сочинения этот автор, говоря о событиях накануне монгольского завоевания, заверяет, что дочь последнего каракиданьского гурхана из рода Елюй Даши, ставшая женой предводителя найманов Кучлука, была христианкой [Бартольд, 1996. С. 285]. Последние два сообщения важны в плане информации о притоке христианского населения в Чуйскую долину в конце XII – начале XIII века.

История средневекового христианства Кыргызстана. Из всего выше изложенного следует, что на рубеже I и II тысячелетий христианство было одной из практикуемых религиозных систем для Чуйской долины. Об этом свидетельствуют монументальные строения в городах, причем в их центральных частях, в пределах крепостных стен (церкви Ак-Бешима). Чуйские христиане в быту пользовались согдийским языком и алфавитом (благопожелания на хумах), но на культовых предметах надпись делались сирийским буквами (крест и матрица для плакеток из Ак-Бешима). Для идентификации себя как христиан носились нательные (и нашивные – ?) крестики. Последние отливались (плоскими и круглыми в сечении) или вытачивались из монет (и прочих подходящих кусочков бронзы), а изредка вырезались из камня (в том числе нефрита). Христиане хоронили своих умерших как на городских некрополях (Красная Речка), так и имели обособленные кладбища (Ак-Бешим). Но, кажется, до установления индивидуальных эпитафий не доходило; редко погребенных сопровождали и нательные кресты.

Отдельные факты (новопокровский серебряный кувшин) дают возможность предполагать несколько более раннее проникновение христианства в Чуйскую долину. Но более точно о времени этого проникновения, его интенсивности и характере имеющиеся факты говорить не позволяют.

Для рубежа I и II тысячелетий, а тем более для предшествующего времени нет фактических данных – ни в письменных источниках, ни в наличных артефактах – для расширения географии христианства по территории Кыргызстана за пределы Чуйской долины.

В XII-XIII веках ситуация изменилась. С одной стороны мы имеем указания письменных источников о притоке нового христианского населения в лице кара-китаев/киданей и найманов, пришедших с востока и северо-востока. С другой стороны археологические данные дают ряд существенных изменений. В условиях затухания жизни на крупных городищах в XIII веке христианские древности обнаруживаются на периферии вне центральных развалин (Красная Речка, Бурана) и на селищах – остатках поселений без фортификационных сооружений (Припишпекское/Кара-Джигач). Зато география расширяется и простирается на Иссык-Кульскую котловину (кладбище на реке Джуука, Курментинское городище и его округа). Это находит подтверждение и в картографическом материале – изображении на Каталанском атласе 1375 года, на западном краю листа 6 которого изображено строение с двумя башнями (-колокольнями – ?), увенчанными крестами. Причем это изображение равновелико озеру, на южном (sic !) берегу которого оно и показано. Рядом дана поясняющая надпись: «Это место называется Исикол. В этой местности расположен монастырь армянских братьев, где, как говорят, находятся [погребены] останки Св. Апостола и Евангелиста Матфея» [Клян, 2003. С. 322].

Мы не имеем для этого периода выявленных археологически общественных христианских строений, что не исключает их обнаружения в будущем. На христианских кладбищах в грунтовых могилах наряду с одним погребенным, как было в предшествующее время, появляются захоронения по два-три человека в одной входной яме с обособленным положением каждого из них. Более того, появляются мавзолеи на несколько умерших. Оба этих факта говорят, по нашему мнению, об изменениях в социальной стратификации общества – возрастании значения семьи, рода, клана. В то же время появляются индивидуальные эпитафии, выполненные сирийской графикой. Примечательно при этом то, что язык надписей не только сирийский, но также тюркский и сиро-тюркский. А это свидетельство изменения доминирующей языковой ситуации. В то же время анализ группы черепов с Припишпекского (Кара-Джигачского) кладбища привел Г.Ф. Дебеца к выводу о памиро-ферганском антропологическом типе погребенных, монголоидная примесь у которых не более, чем у «усуней» этого же района [Дебец, 1948. С. 283-284]. Для периода также известны нательные крестики, но погребенных они практически не сопровождают.

Во второй половине XIV века происходит прерывание христианской истории Кыргызстана. Мощный удар был нанесен чумой, как о том свидетельствуют сами надгробия. Но главным стало общее затухание городской жизни и переход от симбиоза оседлости и номадизма к доминированию последнего.

Фото 5. Христианские артефакты из раскопок комплекса христианских церквей городища Ак-Бешим

Фото 6. Серебряный сосуд с штампами крестов на дне.
Село Ново-Покровка

Фото 7. Каменное изделие с изображением креста из окрестностей города Ош.
Фонды НИАМК Сулайман-Тоо

Фото 8. Нательные кресты, сделанные из монет. Случайные находки. г. Бишкек

Фото 9. Нательные кресты, круглые в сечении. Случайные находки. Частные коллекции г. Бишкек

Фото 10. Нательные кресты, плоские в сечении. Случайные находки. Частные коллекции г. Бишкек

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулгазиева Б.А.** Крышка сосуда из Андижана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.
- Абдуллаев К.** Археологическое изучение городища Канка // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 12. Ташкент, 1975.
- Абдуллаев К., Станчо Л., Бохач Л.** Археологические работы на Джандавляттепа Шерабадского района Сурхандарьинской области // Археологические исследования в Узбекистане – 2002. Вып. 3. Ташкент, 2003.
- Абрамов М.О.** О несторианском надгробном камне // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год 6-й. Ташкент, 1901.
- Абрамян А.Г.** Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964.
- Авалов Э.В.** Крепость Шамкир – выдающийся памятник зодчества Азербайджана / Шамкир: археологическое наследие, история и архитектура. Материалы Первой Республиканской научно-практической конференции. Баку, 2008.
- Ақымбек Е.Ш., Нұржанов А.Ә.** Ортағасырлық Ақтөбе қаласындағы шарап шеберханасы // Известия НАН РК, сер. обществ. наук. 2009. №1.
- Алексидзе З.** Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке текста, обнаруженного на Синайской горе // The History of Caucasus. Baku, 2001. №1.
- Алексидзе З.** Что может рассказать об истории церкви Кавказской Албании обнаруженный на Синайской горе грузинско-албанский палимпсест // The History of Caucasus. Baku, 2002. №2.
- Алиев В.А.** Исследования в Лачинском районе // Археологические открытия – 1980 года. Москва, 1981.
- Алышов Н.А.** Сведения об археологических исследованиях на христианском памятнике Кильсяли Тепе // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2013. №4 (71).
- Альбаум Л.И.** Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Альбаум Л.И.** Христианский храм в Старом Термезе // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.
- Анбоев И.А.** Древний несторианский клад (?) в г. Ташкент // Известия АН УзССР, серия «Общественные науки». 1959. №6.
- Аракелян Б.Н.** Армения в IX-XIII веках / Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII века). Москва, 2003.
- Артамонов М.И.** История хазар. Ленинград, 1962.
- Археологические открытия в Семиреченской области // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. 1. 1886. Вып. 1. СПб., 1887.*
- Асланов Г.М.** Мингечаурское погребение с костяком, закованным в кандалы // Доклады Академии Наук Азербайджана. Т. IX, 1953. №4.
- Асланов Г.М.** Материальная культура Мингечаура I-VII вв. (на основе археологии катакомбных погребений) / Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Баку, 1963.

Атаханов Т.М., Хмельницкий С.Г. О работе Шаартузского археологического отряда в 1968-1970 гг. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. X. Москва, 1973.

Атеистический словарь. Под общей редакцией М.П. Новикова. Москва, 1983.

Ахундов Д.А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку, 1986.

Ахундов Д.А. О круглых в плане храмах Кавказской Албании // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1985 г.). Баку, 1986а.

Ашрафи М.М. Персидско-таджикская поэзия в миниатюрах XIV–XVII вв. Душанбе, 1974.

Бадер О.Н., Смирнов А.П. Серебро закамское первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение // Труды Государственного Исторического музея. Памятники культуры. Вып. XIII. Москва, 1954.

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Ленинград, 1990.

Байе. Византийское искусство // Пер. с фр. Санкт-Петербург, 1888.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.

Байпаков К.М. Христианство Казахстана в средние века // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998.

Байпаков К.М. Исследования некрополя Джамуката в Таласской долине // Вестник КазГУ. Сер. истор. №12. Алматы, 1999.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга I. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы, 2012.

Байпаков К.М., Ермакович Л.Б. Керамика средневекового Отрара. Алма-Ата, 1991.

Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы, 2005.

Байпаков К., Савельева Т., Петров П. Локализация города Иланбалык (Иланнбали) в Илийской долине // Промышленность Казахстана, 2015. №2(89).

Байпаков К.М., Терновая Г.А. «Знаки Рюриковичей» в Семиречье // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК), Национальная академия наук Республики Казахстан. Сер. общ. наук. Алматы, 2003, №1.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). МОН РК, Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII вв.). Алматы, 2007.

Байтанаев Б.А. Древний Испиджаб. Средневековые города Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. Шымкент-Алматы, 2003.

Барановский П.Д. Памятники в селениях Кум и Лекит / Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами. Москва-Баку, 1947.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. II. Ч. 1. Москва, 1963.

- Бартольд В.В.** Очерк истории Семиречья. Сочинения. Т. II. Ч. 1. Москва, 1963.
- Бартольд В.В.** О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1894. (Сочинения, Т. II, кн. 2. Москва, 1964).
- Бартольд В.В.** К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане // Сочинения. Т. IV. Москва, 1966.
- Бартольд В.В.** Отчет о командировке в Туркестан // Сочинения. Т. 4. Москва, 1966.
- Бартольд В.В.** Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. // Записки ИАН по ист.-фил. отд., VIII сер., Т. 1. Вып. IV, 1897. XVII табл. (Сочинения. Т. IV. Москва, 1966).
- Бартольд В.В.** По поводу христианского селения Вазкерд // Сочинения. Т. 4. Москва, 1966.
- Бартольд В.В.** Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1996.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.** Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973.
- Беленицкий А.М., Маршак Б.Я., Распопова В.И., Исаков А.И.** // Археологические открытия – 1966 г. Москва, 1977.
- Беляев Л.А.** Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. Санкт-Петербург, 2000.
- Беляева Т.В.** Христианский памятник из Ходжента // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.
- Бернштам А.Н.** Кенкольский могильник / Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. II. Ленинград, 1940.
- Бернштам А.Н.** Согдийская колонизация Семиречья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 6. 1940.
- Бернштам А.Н.** Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
- Бернштам А.Н.** Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата, 1941.
- Бернштам А.Н.** (ред.) Чуйская долина // Труды Семиреченской археологической экспедиции // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 14. 1950.
- Бетгер Е.К.** Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн Хаукаля // Труды Среднеазиатского государственного университета. Археология Средней Азии. Ташкент, 1957.
- Бируни А.** Избранные произведения. I: Памятники минувших поколений. Ташкент, 1957.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том II. Москва-Ленинград, 1950.
- Богомолов Г.И.** О христианстве в Чаче // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.
- Богомолов Г.И.** Каменная стела из окрестностей Мингурюка // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. №4 (16).
- Богомолов Г.И., Буряков Ю.Ф., Жукова Л.И., Мусакаева А.А., Шишкина Г.В.** Христианство в Средней Азии // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.

- Бондарь О.** Дарохранительница // Церковный Ювелир, 2012. №36.
- Борисов А.Я.** К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях // Труды отдела Востока Эрмитажа. Т. II. 1940.
- Борисов А.Я.** Сирийская надпись на сосуде из Тараза // Известия АН КазССР. Серия Археология. 1948. Вып. 1(46).
- Борисов А.Я.** Сиро-тюркская надпись из развалин Сарыка // Эпиграфика Востока. Т. 15. 1963.
- Борисов А.Я., Луконин В.Г.** Сасанидские геммы. Ленинград, 1963.
- Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В.** Искусство Азербайджана IV-XVIII веков. Москва, 1976.
- Булатова В.А.** Древняя Кува. Ташкент, 1972.
- Буряков Ю.Ф.** Горное дело и металлургия средневекового Илака. V – начало XIII в. Москва, 1974.
- Буряков Ю.Ф.** Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975.
- Буряков Ю.Ф.** Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Буряков Ю.Ф.** Христианство на Великом шелковом пути // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.
- Буряков Ю.** Христианство в Средней Азии в древности и средневековье // Культура народов Центральной Азии. Самарканд, 1999.
- Буряков Ю.Ф.** Взаимодействие оседлых и кочевых народов Средней Сырдарьи (в древности и средневековье) // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Самарканд-Ташкент, 2010.
- Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И.** Канка // Археология Ташкентского оазиса. Ташкент, 2009.
- Буряков Ю.Ф., Бурякова Э.Ю.** Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1969-1971 гг.) // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.
- Буряков Ю.Ф., Грицина А.А.** Мавераннахр на Великом шелковом пути. Самарканд-Бишкек, 2006.
- Буряков Ю.Ф., Филанович М.И.** «По следам древнехорезмийской цивилизации» (к 100-летию Сергея Павловича Толстого) // O'zbekiston tarihi. 2007.
- Бутакова Н.** Древний символ – Свастика // Митра. 2011. №11 (15).
- Ваидов Р.М.** Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва, 1954. Вып. 54.
- Ваидов Р.М.** Эпиграфические памятники Кавказской Албании. Баку, 1985.
- Ваидов Р.М., Гулиев Н.М.** Нововыявленный храм на горе Килисадаг / Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР. Баку, 1972.
- Ваидов Р.М., Гулиев Н.М.** Раскопки городища Торпаггала (Таузский район) // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974 г.). Баку, 1975.

- Ваидов Р.М., Гулиев Н.М.** Раскопки на участке III городища Торпаггала // Археологические открытия – 1977 года. Москва, 1978.
- Ваидов Р.М., Гулиев Н.М.** Обследование и раскопки городища Торпаггала // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1976 г.). Баку, 1979.
- Ваидов Р.М., Гулиев Н.М., Гасымов Э.А.** Работы Таузского отряда // Археологические открытия – 1976 года. Москва, 1977.
- Ваидов Р.М., Гулиев Н.М., Гасымов Э.А.** Археологические работы Таузского отряда в 1975 году // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975 г.). Баку, 1978.
- Ваидов Р.М., Мамедзаде К.М., Гулиев Н.М.** Новый памятник архитектуры Кавказской Албании // Археологические открытия – 1971 года. Москва, 1972.
- Ваидов Р.М., Фоменко В.П.** Средневековый храм в Мингечауре // Материальная культура Азербайджана. Т. II. Баку, 1951.
- Вайнберг Б.И.** Монеты древнего Хорезма. Москва, 1977.
- Ведутова Л.** Архаичные представления в раннесредневековой художественной культуре Кыргызстана в свете восстановительных ритуалов // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996.
- Ведутова Л.М.** Третий буддийский храм на городище Ак-Бешим // Известия НАН КР, 2015, №4.
- Величко В.Л.** Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990.
- Винник Д.Ф.** К исторической топографии средневековых поселений Иссык-кульской котловины // Древняя и средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
- Виноградов А.В., Итина М.А.** К 60-летию С.П. Толстого // Советская археология. Москва, 1967.
- Владимир (Иаким).** По стопам апостола Фомы. Христианство в Центральной Азии. Москва, 2011.
- Волин С.Л.** Переводы Ибн Русте, Кудамы и других арабских географов. Рукопись. Архив ИВ АН СССР. Фонд 93. Оп. 1. Док. №21. Ленинград, 1959.
- Волин С.** Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Труды института истории, археологии и этнографии. Т. 8. Алма-Ата, 1960.
- Восточный Туркестан в древности и в раннем средневековье: Этнос, языки, религии* / Под ред. Б.А. Литвинского. Москва, 1992.
- Высоцкий А.М.** Христианский памятник на городище Ак-Бешим: интерпретация, датировка, реконструкция // Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Москва, 1989.
- Вяткин В.Л.** Городище Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. Самарканд, 1926.
- Гаджиева С.** Неповторимость культовой архитектуры Кавказской Албании / Qafqaz Albaniyasının etno-mədəni irsi. Beynəlxalq Elmi konfrans. Bakı, 2001.
- Гадиров Ф.В.** Археологические раскопки 1977 года в Кабале (в Сельбуре) // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1977 г.). Баку, 1980.
- Гадиров Ф.В.** О полевых исследованиях Сельбирского (Кабалинского) археологического отряда (1980-й год) // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980-1981 гг.). Баку, 1986.

Гандзасарский монастырский комплекс (историческая справка) // История Азербайджана по документам и публикациям. Под ред. З.М. Буниятова. Баку, 1990.

Геюшев Р.Б. О могиле Григориса, католика Кавказской Албании / Материалы к Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1969 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку, 1970.

Геюшев Р.Б. Раскопки на храмовом участке средневековой Барды (Азербайджан) / Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в СССР в 1970 году. Тбилиси, 1971.

Геюшев Р.Б. Храм Елисей в Азербайджане / Материалы к Сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР. Баку, 1972.

Геюшев Р.Б. Работы на городище Гявуркала // Археологические открытия – 1977 года. Москва, 1978.

Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1984.

Геюшев Р.Б., Ваидов Р.М., Гулиев Н.М. Работы Гяуркалинского археологического отряда (Агдамский район) // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1973г.). Баку, 1974.

Геюшев Р.Б., Гулиев Н.М. О пещерном храме Кавказской Албании / Материалы к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1970 года в Азербайджане. Баку, 1971.

Геюшев Р.Б., Нуриев А.Б. Поселение Татлы // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975 г.). Баку, 1978.

Гинзбург В.В. Антропологическая характеристика черепа человека из впускного погребения в кургане №3 в урочище Уч-тепе / Материалы по археологии СССР, №125. Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Т. II. 1956-1960 гг. Москва–Ленинград, 1965.

Гмыря Л.Б. Языческие культы у гуннов Северо-Восточного Кавказа / Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1986.

Городецкий В. Серебряные сосуды из курганов села Покровского, Пишпекского уезда // Изв. Средазкомстариса, Вып. 1. Ташкент, 1926.

Горячева В.Д. Город золотого верблюда. Фрунзе, 1988.

Горячева В.Д. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII вв.). Бишкек, 2010.

Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.

Григорьев Г.В. Каунчи-тепа. (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.

Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Вып. I. 1948. №46.

Григорьев Ф.П., Железняков Б.А. Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины. <http://vedikz.narod.ru/>

Грицина А.А. К семантике знаков на керамике каунчинской культуры // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 19. Ташкент, 1984.

Грицина А.А. Материалы XII – начала XIII в. с городища Культепа (Северная Уструшана) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 25. Ташкент, 1991.

- Грицина А.А.** К истории Заamina и Зааминского района // Археология и художественная культура Центральной Азии. Тезисы докладов. Кн. 2. Ташкент, 1995.
- Грицина А.А.** Уструшанские были. Ташкент, 2000.
- Грицина А.А.** Средневековый Зерман // Древние цивилизации Центральной Азии. Материалы международной конференции, посвященной тридцатилетию Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного музея Востока. Москва, 2014.
- Грицина А.А., Алимов К.** Каунчинские печати // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 20. Ташкент, 1986.
- Грицина А.А., Мамбетуллаев М. С.П.** Толстов – выдающийся исследователь древних культур Центральной Азии // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 36. 2008.
- Грицина А.А., Савченко А.В., Иванов Г.П.** Отчет о работах Восточно-Согдийской археологической экспедиции АН Узбекистана и АН Украины. Самарканд–Киев, 2006.
- Губаев А.** Раскопки 1971 г. на Ак-депе // Каракумские древности. Вып. 5. Ашхабад, 1977.
- Гудкова А.В.** Ток-кала. Ташкент, 1964.
- Гумилев Л.Н.** В поисках вымышленного царства. Москва, 1991
- Давидович Е.А.** Саманидские монеты Кубы // Советская археология. 1960. №2.
- Даркевич В.П., Маршак Б.И.** О так называемом сирийском блюде из Пермской области // Советская археология. 1974. №2.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР. Москва, 1948.
- Джафаров Ю.Р.** Гунны и Азербайджан. Баку, 1985.
- Джумагулов Ч.Д.** Эпиграфика Киргизии. Вып.1. Фрунзе, 1963.
- Джумагулов Ч.Д.** Эпиграфика Киргизии. Вып.2. Фрунзе, 1982.
- Джумагулов Ч.Д.** Эпиграфика Киргизии. Вып.3. Фрунзе, 1987.
- Джумагулов Ч.Д.** Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971.
- Джумагулов Ч.Д.** Новые сирийские памятники (из округа г. Фрунзе) // Тюркские исследования. Фрунзе, 1983.
- Достиев Т.М.** Раскопки цитадели средневекового Шамкира / Кавказ: археология и этнология. Материалы Международной научной конференции. Баку, 2009.
- Драчук В.С.** Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975.
- Древности Туябугуза.* Ташкент, 1978.
- Дресвянская Г.Я.** Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания / Автореф. канд. дис. Ташкент, 1968.
- Елеуов М.Е.** Раскопки средневековой мастерской на городище Актобе // История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980.
- Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф.** Русская мемориальная скульптура. Москва, 1978.
- Заднепровский Ю.А.** Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.
- Залеская В.Н.** Сирийское бронзовое кадило из Ургута // Средняя Азия и Иран. Ленинград, 1972.

Залесская В.Н. Ампулы – эвлогии из Малой Азии (IV-VI вв.) // Византийский временник. Т. 47. 1986.

Залесская В.Н. Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофизиты. Несториане // Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. Санкт-Петербург, 1998.

Залесская В.Н. К интерпретации сюжета на несторианском дискосе из села Григоровское 2013 // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвящ. памяти Б.И. Маршака (1933-2006). Санкт-Петербург, 2013.

Зуев Ю. А. Манихейское святилище под Таразом // Известия НАН РК. Сер. общ. наук. Алматы, 2004. №4.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., комментарии Н. Велихановой. Баку, 1986.

Иваницкий И.Д. Христианская символика в Согде // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.

Иваницкий И.Д., Шпенева Л.Ю. Основные итоги работ 1999 г. в юго-западной части Афрасиаба (P-27B) // Научная конференция, посвященная 60-летию доктора исторических наук Р.Х. Сулейманова «Согд в системе культурных связей Центральной Азии». Тезисы докладов. Самарканд, 1999.

Иванов А.А. О так называемых несторианских подсвечниках // Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 2008.

Известия Азкомстариса. Вып. №4. С приложением 65 рисунков и планов. Баку, 1929.

Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: Наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях. Том 1. Открытие пути для ислама: рассказ об Исхак Бабе, XIV–XIX вв. Алматы-Блумингтон, 2013.

Историко-археологический музей КРСУ / Ставская Л.Г., Джунушалиева Г.Д., Плоских В.В., Лужанский Д.В. Бишкек, 2013.

История агван Моисея Каганкатваци. Пер. с армянского К. Патканяна. Санкт-Петербург, 1861.

История Киргизской ССР. В 5-и томах. Т. 1. Фрунзе, 1984.

История мар Ябалахи III и раббан Саумы. Исследование, перевод с сирийского и примечания Н.В. Пигулевской. Москва, 1958.

Исхаков М.И., Ташходжаев Ш.С., Ходжайов Т.К. Раскопки Коштепа // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 13. Ташкент, 1977.

Игина М.А. Хорезмская экспедиция – основные итоги и перспективы исследований // Культура и искусство древнего Хорезма. Москва, 1981.

Ишханов Л.Г. К изучению храма в селении Лекит // Советская археология. 1970. №4.

Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент, 1977.

Казиев С.М. Новые археологические находки в Мингечауре // Доклады Академии Наук Азербайджана. Т. IV, 1948. №9.

Каллаур В.А. Ташрабатское ущелье // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год 3-й. Ташкент, 1898.

- Камышев А.** Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV веков. Том III. Торевтика. Кыргызстан. Самарканд-Ташкент, 2012
- Карахмедова А.А.** Христианские памятники Кавказской Албании (Алазанская долина). Баку, 1986.
- Карахмедова А.А.** Раннесредневековая часовня в селении Баш-Гейнук Шекинского района // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980-1981 гг.). Баку, 1986а.
- Карахмедова А.А.** Краткий отчет об археологических раскопках монастыря Катук – Лякит Кахского района 1981 г. // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980-1981 гг.). Баку, 1986б.
- Карахмедова А.А.** Результаты работ Алазанского отряда в 1985 году // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1985 г.). Баку, 1986в.
- Карахмедова А.А.** Археологическое исследование христианских памятников Шеки – Белоканской зоны / Тезисы докладов конференции «Великий Октябрь и развитие археологической и этнографической наук в Азербайджане». Баку, 1988.
- Карахмедова А.А.** Исследования монастыря Катук – Лякит Кахского района в 1982 г. // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1982 г.). Баку, 1990.
- Касимова Р.М.** Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку, 1960.
- Кастанье И.А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910. XXI табл. и карта / Труды Оренбургской архивной комиссии. Вып. XXII.
- Касумова С.** Христианство в Азербайджане в раннем средневековье. Баку, 2005.
- Каталог гор и морей (Шань хай цзин).* / Предисловие, перевод и комментарий Э.М. Яншиной. Москва, 1977.
- Кашовская Н.В., Кашаев С.В.** Иудаизм на Боспоре: археологический контекст // Хазары: миф и история. Москва-Иерусалим, 2010.
- Кдырнязов М-Ш.** Городская культура средневекового Хорезма (XII-XIV вв.). Самарканд, 2007.
- Керимов В.** Предварительные результаты раскопок Международной археологической экспедиции на территории Азербайджана (раскопки Кишского храма) // *Azərbaycan arxeologiyası*. 2000. №№ 3-4.
- Керимов В.** Храм Зейзит Кавказской Албании. История, архитектура, археология. Баку, 2008.
- Керимов В., Алиев М., Керимов И.** Лекитский храм и другие памятники Кавказской Албании / 2006-2007-ci illərdə Azərbaycanada aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatların yekunları. Bakı, 2007.
- Керимов В., Алиев М., Керимов И.** Результаты архитектурно-археологических раскопок Лекитского комплекса // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar*. Bakı, 2008.
- Керимов В., Алиев М., Керимов И., Эфенди М.** Курмукский храм Кавказской Албании. Баку, 2007.
- Керимов В., Стурфиел Б.** Киш. История, архитектура, археология. Баку, 2003.
- Киракос Гандзакечи.** История Армении / Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии Л.А. Ханларян. Москва, 1976.
- Кызласов Л.Р.** Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. Москва, 1959.

Кызласов Л.Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 2006. №2.

Кызласов Л.Р. Тюрко-согдийский город Суяб – столица Западно-тюркского каганата // Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Москва, 2006.

Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26 (89). Филология и история. Ленинград, 1978.

Кляйн В. География религий Средней Азии между реальностью и фикцией на Каталанском атласе (1375) // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Бишкек, 2003.

Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959, №5.

Кляшторный С.Г. Манихейские обители в стране Аргу // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2006. №1 (252).

Кобзева О.П. Находки памятников христианства на Великом шелковом пути европейскими учеными в конце XIX – начале XX в. // Духовность на рубеже тысячелетий. Материалы научной конференции, посвященной 2000-летию христианства. Ташкент, 2000.

Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

Коковцов П.К. Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. XVI. СПб., 1905.

Коковцов П.К. Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями // Известия Императорской Академии Наук. СПб., 1907.

Коковцов П.К. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья // Известия Императорской Академии наук. VI сер. Т. III, 1909, №11. 1 л. фото.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Ленинград, 1932.

Кольченко В.А. Заметки о христианстве в Чуйской долине // Manas Universitesi. Sosyal bilimler Dergisi. Bishkek, 2002. №3.

Кольченко В.А. Периодизация распространения христианства в Средней Азии по данным археологии // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии: Материалы международной конференции. Бишкек, 2003.

Кольченко В.А. Новопокровский средневековый некрополь (по материалам раскопок 1930 года) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы МК, посвященной 100-летию со дня рождения М.А. Белецкого (Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 г.). Санкт-Петербург, 2005.

Комиссаров С.А. Древние нефриты Восточного Туркестана (Синьцзяна): их распространение и использование // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.

Копылов И.И., Керекеша Л.И. Талкир (Древний Талгар) – развилка Великого шелкового пути // Археологические исследования в Казахстане. Межвузовский сборник научных трудов. Алма-Ата, 1992.

Корш Ф.Е. О турецком языке семиреchenских надгробных надписей // Древности восточные. Труды Восточной комиссии. Московское археологическое общество. Т. 1. 1889. Вып. I.

Кочнев Б.Д. Монетный чекан Кубы (X-XI вв.) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30. Самарканд, 1999.

Кравченко Э.Е., Кульбака В.К. Погребение хазарского времени из Мариуполя // Хазары: миф и история. Москва-Иерусалим, 2010.

Курдиани М. Год кончины Святой Нины по латинскому мартирологу и его отношение к дате христианизации Армении / Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержания докладов. Тбилиси, 2010.

Лакиер А.Б. Русская геральдика. Москва, 1990.

Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье. Лингвистические и эпиграфические свидетельства // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: доклады и сообщения 15-й научной сессии ЛО ИВАН СССР. Москва, 1981. Ч. 1(2).

Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и этнографические свидетельства // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

Лившиц В.А. Согдийская надпись на венчике хума из Ак-Бешима // Суяб – Ак-Бешим. Санкт-Петербург, 2002.

Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. Санкт-Петербург, 2008.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши Мира». Москва, 1972.

Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тыс. н.э.) // Москва, 1973.

Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях) / Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. Москва, 1983.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. Москва, 1971.

Лосев И.Л. Об одном современном христианском святилище / Тезисы докладов Конференции «Великий Октябрь и развитие археологической науки в Азербайджане». Баку, 1988.

Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. Москва, 1987.

Лурье П.Б. О следах манихизма в Средней Азии // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвящ. памяти Б.И. Маршака (1933-2006). Санкт-Петербург, 2013.

Магомедов М.Г. Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта // Советская археология. 1979. №3.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. Москва, 1983.

Магомедов М.Г. Новые раннесредневековые культовые памятники в Приморском Дагестане / Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.

Мамбетуллаев М. Кердерская чаша // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30. Самарканд, 1999.

Мамбетуллаев М. Куюккала – раннесредневековая столица Кердера // Археологические исследования в Узбекистане – 2012 год. Вып. 9. Самарканд, 2013.

Мамедова Г.Г. Зодчество Кавказской Албании. Баку, 2004.

Мамедова Г.Г. Албанские храмы Кедабекского района / Труды Международной конференции «Место и роль Кавказской Албании в истории Азербайджана и Кавказа». Баку, 2012.

Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку, 1986.

Мамедова Ф. Христианство Кавказской Албании. Баку, 2003.

Мамедова Ф.Дж. Кавказская Албания и Албаны. Баку, 2005.

Маммаев М.М. О христианских символах и сюжетах в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана / Дагестанское искусствознание. Махачкала, 1976.

Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н.э. – XV в. н.э.). Ереван, 1954.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

Маргулан А.Х. Комплексы Былкылдак // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.

Марков Г.Е. Очерки истории формирования северных туркмен. Москва, 1961.

Марр Н.Я. Надгробный памятник из Семиречья с армяно-сирийской надписью 1323 г. // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1894.

Марр Н.Я. Аркауи, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах // Византийский временник. Т. XII, 1906.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. Москва, 1971.

Масальский В.И. Туркестанский край (с рис., диаграммами и картами) / Россия. Полное описание нашего отечества. Под ред. В.П. Семёнова Тянь-Шанского. Т. XIX. СПб., 1913. X, 861 с.

Массон В.М. Средняя Азия и древний Восток. Москва-Ленинград, 1964.

Массон В.М. Великий шелковый путь как инструмент экономической и интеллектуальной интеграции // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье (тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО). Ташкент, 1990.

Массон М.Е. Городища Старого Термеза и их изучение // Труды Узб. Филиала АН СССР. Серия 1. Термезская археолого-комплексная экспедиция, 1936. Ташкент, 1940.

Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношении Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. XXIII. Ташкент, 1951.

Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.

Массон М.Е. Золотой медальон византийского облика из Ахангерана // Общественные науки Узбекистана. 1972. №7.

Массон М.Е. Происхождение двух несторианских намогильных галек в Средней Азии // Общественные науки Узбекистана. 1978. №10.

- Материалы по истории киргизов и Киргизии*. Вып. 1. Москва, 1973.
- Маханько М.А., Э. Н. Л.** Дароносица // Православная энциклопедия. Т. XIV. Москва, 2007.
- Маханько М.А., Э. Н. Л.** Дарохранительница // Православная энциклопедия. Т. XIV. Москва, 2007а.
- Махмуд Кашгарский.** Диван лугат ат-турк. Извлечения // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Москва-Ленинград, 1939.
- Меликсет-Бек Л.М.** К вопросу о генезисе армянского, грузинского и албанского алфавитов // Материалы по истории Азербайджана. Т. II. Труды Музея истории Азербайджана. Баку, 1957.
- Мемориальные памятники средневековой Армении, хачкары IX-XIII вв.* Ереван, 1984.
- Минасянц В.С.** Намогильные камни-кайраки с крестами и сирийскими надписями, хранящиеся в археологическом фонде Государственного Музея истории АНУз // Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Том 6 (XII). Новая серия. Москва, 2013.
- Минорский В.Ф.** История Ширвана и Дербенда X-XI веков. Москва, 1963.
- Мкртычев Т.К., Наймарк А.И.** Происхождение аркадной композиции на штампованных сосудах Самаркандского Согда // Культура и искусство народов Востока. Тезисы докладов конференции молодых ученых. ГМИНВ. Москва, 1987.
- Мнацаканян А.Ш.** О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969.
- Мобили Р.** Албанская церковь и восстановление национально-религиозных памятников удинов / Гейдар Алиев и религиозная политика в Азербайджане реальности и перспективы. Баку, 2007.
- Мокрынин В., Плоских В.** Технические приемы орнаментирования средневековой керамики (к культурным связям Киргизии в VI-X вв.) // Вопросы естествознания и техники в Киргизии. Материалы 11-й среднеазиат. науч. конференции историков естествознания и техники. Фрунзе, 1969.
- Мурадова Ф.М.** Археологические исследования в Казахском районе в 1985 году // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1985 г.). Баку, 1986.
- Мусакаева А.А.** О несторианах в Средней Азии (по нумизматическим данным) // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.
- Мусакаева А.А.** Брактеат Анастасия // Археология Узбекистана. №1 (6). 2013.
- Мусакаева А.А.** Брактеат Анастасия // Христианский Восток. Серия, посвященная христианской культуре народов Азии и Африки. Том 6. Москва, 2013.
- Мухелишвили Д.Л.** Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). Тбилиси, 1982.
- Мухамеджанов А.Р., Семенов Г.Л.** Химическая лаборатория в Пайкенде. (Работы на центральном раскопе в Пайкенде в 1982-1983 гг.) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 20. Ташкент, 1986.
- Мхитар Гош.** Албанская хроника. Баку, 1960.
- Насибли Ю.М.** Из истории этнокультурных взаимосвязей в Северо-Западном регионе Азербайджана VI-X вв. / 2003-2004-cü illərdə aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatların yekunlarına həsr olunmuş elmi sessiyanın materialları (çöl tədqiqatları və nəzəri problemlər). Bakı, 2005.

Насибли Ю.М. Средневековые христианские пещерные памятники Кешикчидагского хребта / Труды Международной конференции «Место и роль Кавказской Албании в истории Азербайджана и Кавказа». Баку, 2012.

Находка медного котла в [Сусамырской волости] Пишпекском уезде Семиреченской области // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год 6. Ташкент, 1901.

Негматов Н.Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н.э. // Материалы по истории Азербайджана. Москва-Ленинград, 1953. №37.

Негматов Н.Н., Авзалов Р.З., Мамаджанова С.М. Храм и мечеть Бунджиката на Калаи Каххаха I // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе, 1987.

Негматов Н.Н., Рахимов Н.Т. Уструшанско-Ходжентский узел Великого шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье (тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО). Ташкент, 1990.

Нейхардт А.А. Происхождение креста. Москва, 1956.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.

Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Москва, 1984.

Нуржанов А.А., Терновая Г.А. Столики-дастарханы из архитектурного комплекса Луговое Г (VII–XII вв.) // Хабаршы / Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. «Исторические и социально-политические науки». Алматы, 2014. №3.

Нуриев А.Б. Ремесло Кавказской Албании (III–VIII вв.). Баку, 2009.

ОАК за 1885 г. // Отчеты Археологической комиссии за 1882-1888 гг. СПб., 1891.

ОАК за 1886 г. // Отчеты Археологической комиссии за 1882-1888 гг. СПб., 1891.

ОАК за 1892 г. СПб., 1894.

Обельченко О.В. Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.) // Труды Южнотуркменской археолого-комплексной экспедиции. Том XIV. Ашхабат, 1969.

Орбели И.А. Гасан Джалал, князь Хаченский // Избранные труды. Ереван, 1963.

Отчет Восточно-Согдийской археологической экспедиции о раскопках в Ургуте в 2004 г. (Сулеймантепа, Кичик Суфйон, Урус-Мачит). Архив Института археологии АН Узбекистана. Киев, 2004.

Пайкова А.В., Маршак Б.И. Сирийская надпись из Пенджикента // Краткие сообщения Института археологии. 147. 1976.

Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Ленинград, 1983.

Пантусов Н.Н. Дневник раскопок, производимых Н. Пантусовым, в августе месяце 1886 года на при-Пишпекском несторианском кладбище. 1886 // Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмока Семиреченской области. Архив Института истории материальной культуры. Дело №40-б, л. 2а-31а.

Пантусов Н.Н. К отчету по раскопкам в 1886 году Н.Н. Пантусовым христианско-несторианского кладбища близ г. Пишпек. 1887-а // Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмока Семиреченской области. Архив Института истории материальной культуры. Дело №40-б, л. 62а-64б.

Пантусов Н.Н. Описание при-Пишпекского христианско-несторианского кладбища. 1888 // Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмока Семиреченской области. Архив Института истории материальной культуры. Дело №40-б, л. 42а-45а. (оно же: л. 46а-49а).

Пантусов Н.Н. План работ по раскопкам в 1886 году древнего несторианского кладбища близ города Токмак на урочище Бурана. 1888-а // Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмока Семиреченской области. Архив Института истории материальной культуры. Дело № 40-б, л. 98а-101а.

Пантусов Н.Н. Христианское кладбище близ Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. 1, 1886. СПб., 1887.

Пантусов Н.Н. Раскопка древнего христианского разрушенного двора близ несторианского кладбища, что к югу от г. Пишпека. 1889 // Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмока Семиреченской области. Архив Института истории материальной культуры. Дело № 40-б, л. 167а-173а.

Пантусов Н.Н. Таш-Рабат // Известия Императорской Академии наук. Вып. 4. 1902.

Пантусов Н.Н. Христианское кладбище в ущелье Зауке // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год 13-й. Ташкент, 1909.

Пантусов Н.Н. Город Алмалык и Мазар Туглук Тимур хана // «Кауфманский сборник», изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го», Москва, 1910.

Пещерова Е.М. Гонимое производство Средней Азии. Москва, 1959.

Пигулевская Н.В. Еще раз о сиро-тюркском // Тюркологический сборник. Москва, 1966.

Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. Москва, 1979.

Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени. Ташкент, 1978.

Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987.

Пидаев Ш.Р. Тармита-Термез до 1221 г.: генезис и эволюция города // Термез – древний и новый город на перекрестке великих дорог. Ташкент, 2001

Пиотровский М.Б. (ред). Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. Санкт-Петербург, 1998.

Плетнева С.А. Хазары. Москва, 1986.

Плоских В.М. О христианском наследии в культуре Кыргызстана // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003

Поляков С.П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. Москва, 1973.

Поярков Ф.В. Об открытии христианских памятников в долине р. Чу // Восточное обозрение. Отд. Хроника. СПб., 1885, 14 ноября. №44.

Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. II. Ташкент, 1950.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусства Узбекистана (с древнейших времен до середины девятнадцатого века). Москва, 1965.

Путешественники об Азербайджане. Т. I. Баку, 1961.

Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Москва, 1957.

Раимкулов А.А. Своеобразный культовый комплекс Южного Согда // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 28. Самарканд, 1997.

Раимкулов А.А. Пещерные архитектурные сооружения Средней Азии // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы Международной конференции в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, 1999.

Раимкулов А.А. Новые археологические материалы к истории христианства Средней Азии // Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В.М. Массона. Санкт-Петербург, 2000.

Раимкулов А.А. Христианские погребальные цилиндры из Коштепа Нахшабского // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 32. Ташкент, 2001.

Раимкулов А. О трех неизвестных типах христианских культовых сооружений Средней Азии // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 34. Самарканд, 2004.

Раимкулов А.А., Иванов Г.П. Нателный крест с городища Кува // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31. Самарканд, 2000.

Рамишвили Р.М. Грузия в эпоху раннего средневековья (IV-VIII вв.) / Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII века). Москва, 2003.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. (Оссуарии). Москва, 1971.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. Москва-Ленинград, 1952.

Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 69. 1957.

Ремпель Л.И. Каменный сосуд из Турткуль-тепе. О древних связях в искусстве Северного Туркестана и Мавераннахра // Художественная культура Средней Азии в IX-XIII вв. Ташкент, 1983.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. Москва, 1987.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Москва, 1993.

Ростовцев О.М., Иваницкий И.Д. Работы в Самаркандской области // Археологические открытия – 1976 года. Москва, 1977.

Ротт Ф.Г. Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. Бишкек, 2005.

Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. Ташкент, 1999.

Ртвеладзе Э.В., Ташходжаев Ш.С. Об одной тюркско-согдийской монете с христианскими символами // Византийский временник. Т. 35. Москва, 1973.

Ртвеладзе Э.В., Ташходжаев Ш.С., Федоров М.Н. Нумизматические этюды // Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент, 1974.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1990.

Сверчков Л.М. О локализации христианского селения Винкерд // ТД VI искусствоведческой научно-теоретической конференции молодых ученых. Ташкент, 1990.

- Свт. Димитрий Ростовский.** Жития святых. Том 1. htm.
- Семенов Г.Л.** Монастырское вино Семиречья // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. ТД. СПб, 1999.
- Семенов Г.Л.** Раскопки 1996-1998 гг. // Суяб – Ак-Бешим. Санкт-Петербург, 2002.
- Семенов Г.Л.** Согдийский город V–XI вв., формирование плана: По материалам Пайкенда в Бухарском оазисе и Ак-Бешима в Семиречье / Автореферат дис. на соиск. уч. ст. доктора ист. наук. Санкт-Петербург, 2002а.
- Семенов Г.Л., Ташбаева К., Малкиель И.К., Ведутова Л.М.** Раскопки Ак-Бешима в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия за 1997 год. ТД. Санкт-Петербург, 1998.
- Сенигова Т.Н.** Вопросы идеологии культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
- Сенигова Т.Н.** Новые находки в Семиречье // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
- Сенигова Т.Н.** Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
- Силкин А.В.** Антиминс // Православная энциклопедия. Том II. Москва, 2001.
- Символы веры христианства* // prayerssaints.ru.
- Синенькая Н.И.** К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара (X–XII вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
- Слуцкий С.С.** Семиреченские несторианские надписи // Древности восточные. Труды Восточной комиссии. Московское археологическое общество. Т. 1. Вып. I. 1889.
- Слуцкий С.С.** К семиреченским несторианским надписям // Древности восточные. Труды Восточной комиссии. Московское археологическое общество. Т. 1. Вып. II. 1891.
- Смирнова О.И.** Каталог монет с городища Пенджикент. Москва, 1963.
- Смирнова О.И.** Сводный каталог согдийских монет. Москва, 1981.
- Снесарев Г.П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. Москва, 1969.
- Ставиский Б.Я.** Амбула святого Мины из Самарканда // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 80. 1960.
- Стасов В.В.** Серебряное восточное блюдо императорского Эрмитажа // Журнал Министерства Народного Просвещения. CCCLVII, январь, 1905.
- Стецкевич Т. А.** Символика «раскрытой ладони» в шиизме // Символ в религии. Материалы VI Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений. Санкт-Петербург, 1998.
- Тереножкин А.И.** Согд и Чач // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 33. 1950.
- Терновая Г.А.** Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйрыктобе (вторая половина VII – первая половина IX вв.) // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. общ. наук. 2000. №1(224).
- Терновая Г.А.** Предметы христианского культа из коллекции средневекового города Невакет // Известия НАН РК. Серия общ. наук. 2004. №1.
- Терновая Г.А.** Каменная дарохранительница XI–XII вв. из Тортколь-тобе. (К вопросу о распространении христианства в Южном Казахстане) // Актуальные проблемы археологии Евразии. Сборник материалов международной научно-практической конферен-

ции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы, 2016.

Тихонин М.Р. Новые данные о керамическом производстве в рабаде городища Канка // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 20. Ташкент, 1986.

Ткаченко А.А. Евхаристия. Часть I // Православная энциклопедия. Том XVII. Москва, 2008.

Толстов С.П. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI в. // Советская этнография. 1946. №2.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва, 1948.

Топорков А.Л. Структура и функции сельского застольного этикета у восточных славян // Этнознаковые функции культуры. Москва, 1991.

Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира. Т. 2. Москва, 1982.

Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии // Этимология 1986–1987. Москва, 1989.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в.н.э. Москва–Ленинград, 1959.

Тургунов Б.А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Туребеков М. С.П. Толстов и некоторые результаты исследований городища Миздакан // ТД Международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур». Нукус-Бустан-Беруни, 2007.

Указ императора Николая I (Российский император Николай I 1796-1855) от 11 марта 1836 г, представленный Сенату. Российский государственный исторический архив. Ф. 796, шифр.17, дело 1821; Стр. 1-18.

Ульянов А.В. Русская символика. Москва, 2009.

Ундерова Л.В. Костюм несторианских христиан Центральной Азии // Из истории культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.

Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. Москва, 1963.

Усманова З.И. Христианские памятники Туркмении // Из истории культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.

Ушакова Л. Царские врата. Иконописное отделение СПб, ПДА. htm.

Фетисов А.М. Дневник раскопок несторианского кладбища близ города Токмака на урочище Бурана в Токмакском уезде Семиреченской области. 1888 // Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмока Семиреченской области. Архив Института истории материальной культуры. Дело № 40-б, л. 102а-122б.

Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим-Москва, 2001.

Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье (тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО). Ташкент, 1990.

Халилов Дж.А. Археологические памятники I тысячелетия у с. Худжбала в Азербайджанской ССР // Советская археология. 1965. №3.

- Халилов Дж.А.** О раннесредневековом могильнике у села Эных Кусарского района // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965а.
- Халилов М.Дж.** Церкви Урекванка (Нагорный Карабах) и Верхнего Чирюрта (Дагестан) / «Qarabağın arxeoloji irsi» Beynəlxalq Elmi Konfransın materialları. Bakı, 2016.
- Хвольсон Д.** Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. 1, 1886. Вып. 1. СПб., 1887-а.
- Хвольсон Д.** Несторианские надписи из Семиречья // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. 1, 1886. Вып. 3. СПб., 1887-б.
- Хвольсон Д.** Дополнения и поправки к статье «Несторианские надписи из Семиречья» // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. 1, 1886. Вып. 4. СПб., 1887-в.
- Хвольсон Д.** Сирийско-тюркские несторианские надгробные надписи XIII и XIV столетий, найденные в Семиречье // Восточные Заметки. СПб., 1895.
- Хлопин И.Н.** Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 91. Москва, 1962.
- Хмельницкий С.** Рецензия зарубежного автора // Известия АН ТаджССР. Серия: востоковедение, история, филология. 1989. №4.
- Ходжайов Т.К., Мамбетуллаев М.М.** Раннесредневековый некрополь Куюккала. Москва, 2008.
- Хожаниязов Г., Хакимниязов Ж.** Городище Дэвкескен-Вазир (Источники, топография, хронология). Нукус, 1997.
- Церен Э.** Лунный бог. Москва, 1976
- Чикоидзе Ц.Н.** Памятник раннего средневековья близ г. Телави / Труды Кахетской археологической экспедиции (1965-1966 гг.). Т. I. Тбилиси, 1969.
- Чичуров И.С.** (ред). Византийский Херсон. Каталог выставки. Москва, 1991.
- Чубинашвили Г.Н.** О художественной среде и хронологических рамках Мингечаурского рельефа // Материалы по истории Азербайджана. Т. II. Труды Музея истории Азербайджана. Баку, 1957.
- Шаген М.** Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Второе издание. Ереван, 1989.
- Шанидзе А.Г.** Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов // Материалы по истории Азербайджана. Т. II. Труды Музея истории Азербайджана. Баку, 1957.
- Шефер Э.Х.** Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. Культура народов Востока. Москва, 1981.
- Шишкина Г.В.** Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент, 1979.
- Шишкина Г.В.** Несторианское погребение в Согде Самаркандском // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.
- Шишкина Г.В., Наймарк А.И., Мкртычев Т.К.** Отчет о работах Среднеазиатской экспедиции в 1981 году на городище Дурмантепа. Архив Института археологии АН Узбекистана. ФИ 01Д 135. Самарканд, 1986.
- Ягодин В.Н.** Стреловидные планировки Устюрта // Археология Приаралья. Вып. V. Ташкент, 1991.

Ягодин В.Н. Приаральский микрорайон в VII – начале XIV вв. // Археология Приаралья. Вып. VII. Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. Ташкент, 2008.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздакхана. Ташкент, 1970.

Ядринцев Н. Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близ Токмока // ЗАН. Т. 52. СПб., 1886.

Якобсон А.Л. Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества // Советская археология. 1970. №4.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Москва, 1979.

Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Ленинград, 1985.

Якубовский А.Ю. Кашгарское блюдо // Памятники эпохи Руставели, Ленинград, 1938.

Ямпольский З.И. Памятники Кавказской Албании на горе Бешидаг // Советская археология. 1960. №2.

Ямпольский З.И. Древняя Албания III-I вв. до н.э. Баку, 1961.

Alişov N.Ə. Qafqaz Albaniyasında ilk xristian təriqətləri və onların mübarizəsi məsələlərinə dair // Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası. Bakı, 2011. №2.

Alişov N.Ə. Azərbaycanın Qax, Zaqatala və Balakən rayonları ərazisindəki xristian abidələri haqqında // Pedaqoji Universitetin xəbərləri. Bakı, 2013. №1.

Alişov N.Ə. Gədəbəyin xristian abidələri. Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının xəbərləri. Bakı, 2013. №1.

Alişov N.Ə. Azərbaycan Albaniyasının xristian abidələri (arxeoloji materiallar əsasında). Tarix üzrə fəlsəfə doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiyanın avtoreferatı. Bakı, 2014.

Alişov N.Ə. Balakən, Oğuz, İsmayılı, və Zaqatala rayonun ərazilərindəki xristian abidələri haqqında // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası, Bakı, 2016. №1.

Alişov N.Ə. Qafqaz Albaniyasının Trapesvari kilsələri Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. Bakı, 2016. №1.

Al-Muqaddasi. The best divisions for knowledge of the regions. A translation of Ahsan al-Taqasim fi Ma'rifatai-Aqalam. Translated by Basil Anthony Collins / Reviewed by Muhammad Hamid al-Tai. Garnet, 1994.

Azərbaycan Tarixi. 7 cildə, III c. Bakı, 2007.

Black J. The symbol of the Swastika and its 12,000-year-old history. htm.

Bogomolov G.I., Burjakov Yu.F. Sealings from Kanka // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Roma, 1995.

Buryakov Y.F., Baipakov K.M., Tashbaeva K.H., Yakubov Y. The cities and routes of the Great silk road (on Central Asia documents). Tashkent, 1999.

Bünyadov Z. Azərbaycan VII-IX əsrlərdə. Bakı: Azərbaycan Dövlət nəşriyyatı, 1989.

Chwolson D. (Хвольсон Д.) Syrische Grabinschriften aus Semirjetschie // Memoires de l'Academie Imper. d. Sciences de St.-Petersborg. 1886, VII ser., T. XXXIV, №4.

Chwolson D. (Хвольсон Д.) Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie // Memoires de l'Academie Imper. d. Sciences de St.-Petersborg. 1890, VII ser., T. XXXVII, № 8.

- Chwolson D.** (Хвольсон Д.) Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Neue Folge // Memoires de l'Academie Imper. d. Sciences de St.-Petersborg. VII ser., 1897.
- Dickens M.** Special Print From: Hidden Treasures and Intercultural Encounters. Studies on East Suriac Christianity in China and Central Asia. Edited by Dietvar W. Winkler and Li Tang, 2009.
- Dickens M.** More Gravestones in Syriac Scrip from Tashkent, Panjikent & Ashgbat // Winds of Jinglia. Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia. Zürich, 2016.
- Evans H.** (ed.). The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843-1261. New York, 1997.
- Gorbunova N.G.** The Culture of Ancient Fergana VI century A.D. – VI century A.D. British archeological Reports. International Series 281. Oxford, 1986.
- Göyüşov R.B.** Sığnaq yaşayış yerindən aşkar edilmiş məişət təsvirli xaç daş // Azərbaycan Elmlər Akademiyasının Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası, 1968. №4.
- Göyüşov R.B.** Xotavəng məbədi və onun yazılarına dair // Az.SSR.EAX, İctimai elmlər seriyası, 1972. № 3.
- Göyüşov R.B.** Govurqalada arxeoloji qazıntılar / 1971-ci ildə Azərbaycanda aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatlar. Bakı, 1972a.
- Göyüşov R.B.** Amaras-Ağoqlan. Bakı, 1975.
- Göyüşov R.B.** Azərbaycan arxeologiyası. Bakı, 1986.
- Gritsina A.A.** Prominent archaeological sites of Central Asia on the great Silk road. Uzbekistan. Samarkand, 2011.
- Helilov M., Nyitray Sz.** Ósmagyarok Azerbajdzsánban. Budapest, 2008.
- Helilov M., Nyitray Sz.** Szalagfonataink // Turán, XIII, 2010. №4.
- Helilov M., Nyitray Sz.** Hunok a Kaukazuşban. A kaukazuş keresztenyseg. Budapest, 2011.
- Henning W.** Agri and the Tokharians. BSO (A) S. Vol. 9. Pt. 3. 1938.
- Hudud al-‘Alam.** The regions of the world. A Persian geography 372 A.H. – 982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky. London, 1970.
- Hudüd al-‘Ālam.** The regions of the world). A Persian geography / Translated and explained from the Persian by V. Minorsky. Cambridge, 1982.
- Xəlilov M.C.** Albaniyanin qəbir abidələri (IV-X əsrlər). Bakı, 2009.
- Xəlilov M.C.** Albaniyanın yaşayış yerləri (IV-X əsrlər). Bakı, 2010.
- Xəlilov M.C.** Albaniyanın xristian abidələri (IV-X əsrlər). Bakı, 2011.
- Xəlilov M.C.** Alban kilsəsi və hunlar (IV-VII əsrlər) // AMEA Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası, 2011a. №1.
- Xəlilov M.C.** Sandıqtəpə abidələr kompleksində tədqiqatlar (2013-2014-cü illər) // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar. 2013-2014. Bakı, 2015.
- Klein W.** Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh. Turnhout, 2000.
- Klein W., Reck Ch.** Ein Kreuz mit sogdischer Inschrift aus Ak-Beşim / Kyrgyzstan // ZDMG, Bd. 154, Heft 1, 2004.
- Kolchenko V.** Christian monuments of Central Asia and problems of harmonizing research, preservation, interpretation and visitation: The example of Kyrgyzstan // Conservation of ancient sites on the Silk Road. Second International conference on the Conservation of Grotto Sites (2004, June 28 – July 3, Mogao Grottoes, Dunhuang). Abstracts.

Qaziyev S.M. Qəbələ şəhərinin tarixi-arxeoloji tədqiqi // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti, V c. Bakı, 1964.

Qaziyev S.M. Qəbələdə arxeoloji tədqiqatlar və qazıntıların ilk yekunları / 1963-cü ilin arxeoloji qazıntılarının yekunlarına həsr olunmuş sessiya. Məruzə və məlumatların tezisləri. Bakı, 1964a.

Qaziyev S.M. Qəbələdə aparılmış arxeoloji tədqiqat və qazıntıların ilk yekunları // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti, VI c. Bakı, 1965.

Qaziyev S.M. Qəbələ ərazisinin qədim dəfn mərasimləri haqqında // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti, VI c. Bakı, 1965a.

Qoşqarlı Q., Babayev T., Əsədov V., Babayeva T. Xızı rayonunda arxeoloji kəşfiyyat işləri // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar. 2010. Bakı, 2011.

Litvinsky B.A. Christianity, Indian and local religions // History of Civilizations of Central Asia: The Crossroads of Civilization: A.D. 250 to 750. UNESCO Publishing, 1996.

Lueger O. Lexikon der gesamten Technik. Berlin, 1904.

Məmmədov A.M. Gəncəbasar IV-XIII əsrlərdə (tarixi-arxeoloji tədqiqat). Bakı, 1993.

Məmmədova G.H., Abdullayev T.Ə., Hacıyeva S.X. Nic Alban Udin Məbədi. Bakı, 2006.

Məmmədzadə K.M. Yelisey məbədi kompleksində memarlıq müşahidələri / 1971-ci ildə Azərbaycanda aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatlar. Bakı, 1972.

Məmmədzadə K.M. Azərbaycanda inşaat sənəti (IV-XVI əsrlər). Bakı, 1978.

Mənsurov M.M. Ceyrançöl mağara monastırları haqqında / 2003-2004-cü illərdə aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatların yekunlarına həsr olunmuş elmi sessiyanın materialları. Bakı, 2005.

Moisey Kalankatuklu. Albaniya tarixi. Mixtar Qoş Alban Səlnaməsi, I,II və III. Kitab. Tərcümə və şərhlər Z.M.Bünyadov. Bakı, 2006.

Muradova F.M., Rüstəmov C.N. Avey dağında alban dövrü abidələri / Azərbaycanda arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nəticələrinə həsr olunmuş elmi konfransın materialları. Bakı, 1992.

Nərimanov İ.H. Alban hökmdarı Cavanşirin məzarı / Qafqaz Albaniyasının etno-mədəni irsi. Beynəlxalq elmi konfrans. Bakı, 2001.

Nərimanov İ.H., Rüstəmov C.N. Bərdə rayonu Zimirxaç kəndində daş sarkofaq // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti, VI c. Bakı, 1965.

Orta əsr Şəmkir şəhər yeri. Üçüncü buraxılış. Şəmkir arxeoloji ekspedisiyasının tədqiqatları. Bakı, 2009.

Pavia Carlo. Roma sotteranea e segreta. Milan, 1985.

Prominent archaeological sites of Central Asia on the great Silk road. Samarkand, 2011.

Radlow W. (Радлов В.В.) Das türkische Sprachmaterial der im Gebiete von Semirjetschie aufgefunden. syr. Grabinschriften // Memoires de l'Academie Imper. d. Sciences de St.-Petersborg. 1890, VII ser., T. XXXVII, №3.

Savchenko A, Dickens M. Prester John's Realm: New Light on Christianity between Merv and Turfan // The Christian Heritage of Iraq. Collected papers from the Christianity of Iraq. I-V Seminar Days. Edited by Erica C.D. Hanter, 2009

Schlumberger G. L'epopee byzantine a la fin du dixieme siècle. Basile II le tueur de bulgares. Paris, 1900.

Schlumberger G. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. Zoé et Théodora. Paris, 1905.

Semenov G.L. Studien zur sogdischen Kultur an der Seidenstraße. Wiesbaden, 1996.

Shirinov T.Sh., Matboboev B. Kh., Ivanov G.P. Kubo city in Akhmad al-Fargoni's epoch. Tashkent, 1998.

Ternovaya G.A. Medieval city Kulan in Kazakhstan on the Great silk way // Global Science and Innovation. Materials of the international scientific conference. Vol. I. December 17-18th, 2013. Chicago, 2013.

Vahidov R.M. Mingəçevirin orta əsr yaşayış yerləri // Tarix İnstitutunun Əsərləri, XI c. Bakı, 1957.

Vahidov R.M. Mingəçevir epigrafik abidələrinin arxeoloji xarakteristikası // Azərbaycan Elmlər Akademiyasının Xəbərləri. İctimai elmlər seriyası, 1958. №4.

Vahidov R.M. Mingəçevir III-VIII əsrlərdə (arxeoloji qazıntı materialları əsasında). Bakı, 1961.

Vahidov R.M. Torpaqqalada arxeoloji tədqiqat işlərinin ilk yekunları / 1963-cü ilin arxeoloji qazıntılarının yekunlarına həsr olunmuş sessiya. Məruzə və məlumatların tezisləri. Bakı, 1964.

Vahidov R.M. Govurqalada arxeoloji qazıntılar // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti, VI c. Bakı, 1965.

Vahidov R.M. Torpaqqalada arxeoloji qazıntı işlərinin ilk yekunları // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti, VI c. Bakı, 1965a.

Vahidov R.M., Quliyev N.M. Kilsə dağında arxeoloji qazıntılar / 1971-ci ildə Azərbaycanda aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatlar. Bakı, 1972.

Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том IV. Христианство. – Самарканд:
МИЦАИ, 2018. – 296 с

Технический редактор – А.А. Степанова

Тираж – 300 экз.
ISBN 978-9943-357-38-9

МИЦАИ: Самарканд, Университетский бульвар, 19
www.unesco-iicas.org

© МИЦАИ, 2018

